ЛЕТИМ НА РАЗВЕДКУ

Николай Бондаренко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказывает о героических делах летного и технического состава 135-го гвардейского Таганрогского трижды орденоносного авиационного полка. Автор — опытный воздушный разведчик. С июля 1943 года по май 1945 года он совершил 179 боевых вылетов, в основном разведывательных, с успехом выполнял самые ответственные задания. За подвиги Н. А. Бондаренко награжден пятью орденами и многими медалями. Но о себе он пишет скупо, главное для него — рассказать о боевых товарищах, о их героических делах.

- Бондаренко Николай Адамович
  - Приказ объявят на месте
  - Летим на разведку
  - Мы — гвардейцы!
  - Здравствуй, Неман!
  - Над Восточной Пруссией
  - Встреча с однополчанами

Бондаренко Николай Адамович
ЛЕТИМ НА РАЗВЕДКУ

Приказ объявят на месте

Мы — курсанты Энгельской авиационной школы, закончившие обучение на самолете Пе-2, - собрались у штаба и ждем, когда нам объявят о присвоении воинского звания, поздравят и торжественно скажут:

— Родина доверила вам защиту советского народа. Будьте достойны!..

Но ничего такого не случилось. Все было гораздо проще. Из штаба школы вышел капитан, назначил старшего группы и вручил ему под расписку пакет, на котором было размашисто написано: «Командиру девятого зап».

И все же, как бы там ни было, мы летчики!

Вскоре мы уже шли на пристань, а оттуда наш путь лежал на фронт.

Какое это было тяжелое время!

…Враг рвался к Волге. Моя родная Белоруссия стонала под фашистским гнетом. Мама и сестренки эвакуировались в Киргизию. Они очень нуждались в помощи. А поддержать их мог только я. В феврале сорок второго отец умер от крупозного воспаления легких.

В ноябре мне исполнится двадцать один год. Как-то даже не верилось, что стал уже взрослым и теперь еду на фронт. Ведь совсем недавно босоногим сорванцом бегал по деревне. Да, время летит…

На пароходе «Анастас Микоян» плывем на север.

В компании друзей я стою на верхней палубе и любуюсь живописными берегами Волги.

— Ребята, посмотрите какой простор! — взволнованно говорит Гриша Москвичев. Как велика наша страна! Нет, никогда фашисты не поставят нас на колени!

— Конечно! О чем может быть разговор? Война только начинается… отозвался ему Костя Таюрский.

— Под Москвой им уже дали прикурить, дадут и под Сталинградом! убежденно добавил Толя Поляков.

— Слушайте, ребята, я думаю, что у гансов и фрицев память коротка. Ведь еще Бисмарк, а может кто-то другой, сказал, что «с Россией воевать не надо». Но они, варвары, забыв историю, опять пошли на нас войной, — дал историческую справку Василий Морозов. Которому было всего двадцать три года, а на голове у него уже появились седые прядки.

— Ты, Василий, всегда говоришь умные речи. Не зря твоя шевелюра похожа на чернобурку. Бисмарк, Гитлер, фрицы… Кто

бы ни пошел на нас — разобьем! Вот приедем на фронт — сразу произойдет коренной поворот событий! — шутит весельчак Георгий Долгирев.

— Это точно! Такой ведь резерв… — поддерживает его Морозов.

— Между прочим, я в Саратове шестьдесят открыток купил…

— На всю войну?

— Нет, не на всю. Ты же сам сказал, что война только начинается. А открытки, скажу вам, — смехота! Нарисован едущим на перед сам доктор Геббельс, и вот этот куплет напечатан. Слушайте:

«Вот это Геббельс!
Браво, браво!»
Истошно прихвостни вопят…
В тот миг фашистскую ораву
Войска советские громят!

— Куплетик что надо!

— Наши карикатуристы и фельетонщики выдали…

— Не фельетонщики, а фельетонисты!.. А еще чернобурка на голове.

— Пусть будут фельетонисты, какая разница? Важно, что они правильно трудятся на историю.

— На историю и победу.

— А может быть, и на мировую революцию.

— Ребята, кончай шуметь! Капитан парохода приглашает в кают-компанию отведать баланды! — шутливо объявляет старший группы.

— А где моя большая ложка? — заливается смехом Поляков…

Хочется хоть теперь посмотреть на нашу команду со стороны. Настроение у всех ребят бодрое, боевое. Все стремятся как можно быстрее сразиться не с условным, а настоящим противником. Товарищи стараются казаться не только уверенными в своих силах, а чуть-чуть беспечными. (Именно такими многие из нас тогда представляли себе настоящих, бывалых летчиков.) Мы нередко говорили друг другу: вот поднимемся в небо войны, и сразу зашумит о нас слава. Ведь мы научились хорошо летать.

Но как далеки мы были тогда от верного представления о боевых буднях. Нам предстояло убедиться, что бой — это особый экзамен, который нельзя пересдать. С боевого задания с «неудом», как правило, не возвращаются.

…Наконец дорога позади. Мы стоим и смотрим, как наш старший рапортует командиру 9-го запасного авиаполка майору

Скибо. Тот вскрывает пакет и начинает читать. Вдруг он прерывает чтение и резко говорит:

— Мне летчики не нужны! У меня их вот так!.. — И майор энергично проводит рукою по шее.

— Что же нам делать? Куда теперь пошлют? — послышались недоуменные голоса.

Майор Скибо смотрел на нас с явным сочувствием. Внешне мы выглядели не очень хорошо. Все-таки шесть суток сидели на баланде и сухарях.

— Ладно, — смягчился он наконец, — возьму вас к себе, но почему у вас нет знаков различия?

— Товарищ майор, о присвоении званий в богаевской академии нам объявили, — ответил старший группы, назвав школу именем ее начальника полковника Богаева.

— Вот как?.. Тогда слушайте: звание у всех у вас одно — сержанты. Сегодня же надеть знаки различия.

— Есть надеть знаки различия! — козырнул старший.

Слова майора Скибо о том, что в 9-м запасном полку очень много летчиков, подтвердились при первом посещении столовой. Здесь в завтрак, обед и ужин образовывалось по нескольку очередей. Публика что ни на есть самая пестрая. Кто сержант, кто старший лейтенант… Кто в добротных хромовых сапогах, а кто и в обмотках. И чертовски было здорово то, что никогда ни у кого не пропадали со стола талоны. Позавтракал — и оставляй без боязни обеденные: никто их не возьмет.

* * *

— Братцы, мы летаем на Пе-2, а это значит, нас скоро начнут тренировать, — сказал однажды Москвичев.

— Гриша, друг, хорошо, если твои слова дойдут до командира! — ответил со второго яруса Таюрский.

Но в скором времени слова Москвичева действительно подтвердились: Москвичева, Таюрского, Долгирева и меня направили в учебно-тренировочную эскадрилью капитана Соляника.

…Заволжский пейзаж не так уж привлекателен. Кругом, куда ни посмотришь, раскинулась изрезанная оврагами степь, на которой лишь изредка встречаются мелкие кустарники. Выпал первый ноябрьский снежок.

Мы не спеша идем к землянке, в которой размещается эскадрилья Соляника. Левее тропинки, ведущей в столовую, стоит около десятка сломанных «пешек».

— Лес рубят — щепки летят! — бросил шутку Таюрский.

— Да, поработали ребята, — отозвался Долгирев.

— Не смеяться, братцы, а плакать надо! — упрекает друзей Москвичев. — Я таких летунов отправил бы в штрафную роту за их работу! Ведь эти машины позарез нужны фронту! Вы же знаете, что сейчас творится под Сталинградом!..

— Верно. Если выполнять «Наставление по производству полетов» и «Инструкцию по технике пилотирования Пе-2», то такой свалки не будет, серьезно заключает Долгирев.

— А ты, Николай, почему молчишь? — спрашивает меня Таюрский.

— Конечно, безобразие! Надо бы разобраться, кто тут виноват, ученики или?.. Знаете что, товарищи, давайте во время прохождения боевого применения соревноваться. Я имею в виду то, чтобы закончить программу…

— Без сучка и задоринки, без поломок! — прервал и по-своему дополнил меня Долгирев.

А что, это идея. Вот и у нас будет настоящее дело!

Мы остановились и, став в круг, сложили руки в единый кулак.

В эскадрилье Соляника приняли нас хорошо. Сразу же приступили к тренировочным полетам. Штурман эскадрильи капитан Бережной предоставил нам право предварительно подобрать из имеющихся в наличии штурманов и стрелков-радистов экипажи. Задача серьезная: ведь с этими людьми придется лететь на фронт.

Таюрский взял в свой экипаж штурманом сержанта Соболева и стрелком-радистом сержанта Инжеватова, а Долгирев — сержантов Смородского и Усачева. Здешние старожилы посоветовали мне взять в экипаж штурманом сержанта Симона Сухарева. Я уже знаю, что тут есть и такие, кто просидел год и больше в запасном полку. Что ж, хочется скорее увидеть, каков он в деле, этот Сухарев.

Сижу в коридоре землянки и смотрю на входную дверь, ожидая возвращения Сухарева из караула. Рядом со мной примостился Соболев.

Наконец на пороге появляется быстрый, кареглазый, среднего роста парень.

— Вот он, наш Симон, — говорит мне Соболев.

— Сухарев! — зову я.

— Сима, иди сюда, — зовет и Соболев.

Очевидно уже догадываясь, о чем пойдет речь, Сухарев с улыбкой направляется к нам. Мы обмениваемся крепким рукопожатием. Я не стесняясь рассматриваю своего будущего

штурмана. Симон в шерстяном подшлемнике. Быстрым движением он снял его со своей русой головы. Открытое худощавое лицо. Смеющиеся, умные глаза. Мелкие капельки воды от растаявших снежинок на выгоревших бровях… Все это мне очень нравится.

— Пойдете ко мне в экипаж? — спрашиваю я.

— Конечно! Надоело «через день на ремень» в караул таскаться. — С этими словами он осторожно берет меня за локоть, и мы отходим в сторонку.

Знакомимся ближе. Рассказываем друг другу о себе и вместе начинаем подбирать в наш экипаж стрелка-радиста.

— Вот посмотрите, это Баглай Петя, хороший паренек. Правда, он, быть может, еще и не пойдет, но вы побеседуйте с ним, — говорит мне Сухарев и чуть заметным кивком показывает на Баглая.

Я подхожу к нему и без лишних слов спрашиваю:

— Баглай, пойдете ко мне в экипаж? Штурман уже есть.

Он меряет меня взглядом с головы до ног и, не долго думая, отвечает:

— Нет, не пойду.

— Ну, что ж… — спокойно говорю ему и отхожу.

На душе как-то неприятно. Взглянув на свои просившие каши ботинки и побелевшие обмотки, я подумал: «Верно, что человека встречают по одежке, А паренек, наверное, неплохой!..» Ничего не говоря, я прошел мимо Сухарева к капитану Бережному.

Он встретил меня вопросом.

— Подобрали, Бондаренко, экипаж?

— Так точно, товарищ капитан. Записывайте: штурман Сухарев, стрелок-радист Баглай.

— Вот и хорошо. Еще Москвичев подберет себе штурмана, и начнем летать.

— А потом?..

— Потом полетите на фронт.

— Отлично, товарищ капитан!

— Вам отлично, а мне плохо.

— Почему же, товарищ капитан?

— Не люблю расставания, — ответил уклончиво Бережной, но я понял, что причина, конечно, здесь другая.

Сегодня на вечерней поверке объявлены списки укомплектованных экипажей. Прошло еще два дня, и нам выдали новенькое армейское и летное обмундирование. И мы теперь ходим в этих богатырских рыжих, черных, пестрых собачьих унтах. Когда плохо натоплено в землянке, мы даже спим в них.

Без поломок и других казусов в первой декаде февраля

закончена нашими экипажами программа боевого применения. Для нас с завода пригнали четыре новеньких, пахнущих краской Пе-2. А вскоре к нам прибыл, как говорили в войну, «купец» с фронта. Это заместитель командира эскадрильи 284-го полка старший лейтенант Генкин, Можно сказать, что встреча с Генкиным, его штурманом Катаевым и стрелком-радистом Туникиным — это и есть первое знакомство с людьми из нашего полка.

Вылет на фронт — к чему мы так стремились и готовились — наконец наступил…

* * *

Командование учебно-тренировочной эскадрильи делает наши проводы торжественными. Капитан Соляник на митинге в конце своей речи взволнованно произнес:

— Вот пришел и ваш черед, дорогие товарищи… Хорошо воюйте за Родину и добивайтесь победы. Много у нас было экипажей и групп, которые мы готовили и провожали на фронт, и каждый экипаж, каждая группа уносит с собой частицу нашего огня, частицу нашей ненависти к фашистским захватчикам. В добрый путь, друзья! Бейте врага и за нас!..

23 февраля 1943 года… На старте притихшего аэродрома много командиров и начальников. Мы стоим в строю. Майор Скибо поздравил нас с Днем Красной Армии, вылетом на фронт и дал короткое напутствие. Наконец последовала команда Генкина:

— По самолетам!

Звучат короткие фразы: «От винтов!»

Взлетаем. Нам предстоит полет по шестисоткилометровому маршруту в направлении Сталинграда.

Все идет хорошо. Весело поют свою песню моторы. Пролетели половину маршрута.

— Левее нас, на траверзе, — Ульяновск, родина Ильича, — докладывает Сухарев.

В наушники шлемофона неожиданно вторгается голос Баглая:

— Командир группы передал, чтобы мы хорошенько посмотрели на родной город Ленина.

— Смотрим, Петя… Смотрим и даем клятву, чтобы крепче бить фашистов.

— Правильно. Я тоже об этом подумал.

Через десяток минут поочередно под крылом проплывают Сызрань, Вольск.

— До аэродрома посадки осталось двести километров, —

доложил Сухарев, а потом участливо спросил: — Не устали?

— Нет, Сима. В строю самолетов над Волгой лететь — не бурлаком с бичевой идти.

— Оно конечно!

…После посадки на аэродроме мы сами обслуживаем свои машины. Сливаем из моторов масло, воду, заправляем бензином, заряжаем сжатым воздухом, зачехляем моторы, кабины и пломбируем их. Нашему же экипажу еще одна работенка прибавилась: на рулении лопнула покрышка хвостового колеса самолета. На складе мне дали это колесико, называемое «дутиком», с потерпевшего в этих краях катастрофу самолета Марины Расковой.

— Бери и помни, и воюй, как положено, чтобы память о замечательной советской летчице жила там. — Кладовщик при этом многозначительно показал на аэродром.

Утром следующего дня, как назло, испортилась погода. Мы ругаем синоптиков, сами не зная за что, сердитые, ходим по стоянке и часто смотрим на низкое небо, плотно закрытое серыми облаками. Наконец «метеобоги» дали хорошую погоду. Мы в спешном порядке вылетаем к Сталинграду.

Погода по маршруту сначала радовала нас, но буквально в последние минуты полета наша радость омрачается: у самого аэродрома — туман. Генкин прижимает свою машину к земле. Мы, недавно оперившиеся летчики, держимся в строю вполне уверенно.

— Командир группы передает по радио, что принял решение возвращаться на запасную точку! — с ноткой тревоги докладывает мне Баглай.

— Хорошо, Петя. Понял! — отвечаю ему, стараясь быть спокойным.

«Запасной точкой» оказался небольшой прифронтовой аэродром, расположенный на правом берегу Волги. Все наши машины благополучно совершают посадку.

После оживленных разговоров о погодной ловушке, в которую мы попали, Генкин строит нас у своего самолета и благодарит пилотов за групповую слетанность и посадку. Я с любовью разглядываю его. У Генкина стройная, ладно сбитая фигура. Говорит он всегда живо, горячо, зажигая своим темпераментом окружающих.

Рядом со мной стоит летчик Василий Хижняк. Его экипаж введен в нашу группу приказом командира авиаполка. С Хижняком мы познакомились в день вылета, но сегодня он уже для нас свой, близкий товарищ.

Утром следующего дня вылетаем в предместье Сталинграда.

Погода по всему маршруту хорошая, даже не верится, что вчера она могла здесь быть такой капризной. Приземляемся без замечаний. В глаза сразу бросается то, что в Казани, Саратове, Камышине — зима, кругом снег, а здесь — настоящий март: снег серый, аэродром покрыт льдом. Значит, жарко было… На КП нас ожидало известие: 284-й полк перебазировался на аэродром Сальск.

13 марта 1943 года. Мы взлетаем и берем заданный курс… Как велика ты, наша Родина! Когда-то в школе я изучал твою карту по географии, а сегодня она, живая, сверкающая, плывет под крыльями наших самолетов.

Наш маршрут режет надвое Сталинград. Как же ты разрушен, город-богатырь, ставший советской твердыней! Ты весь в руинах. Камень на камне. Ни одного целого здания… Утес… Славный и непобедимый! Ты выстоял!..

Под нами плывет Котельниково. Здесь, куда ни бросишь взгляд, — коробки немецких танков, застывших в самых невероятных положениях, исковерканных нашим огнем. Это панорама недавнего танкового сражения.

Мы летим на юго-запад и с каждой минутой все больше и больше ощущаем дыхание фронта.

При подходе к Сальску видно, что на земле нет снега, и кажется, что от нее веет теплом.

Когда идешь в боевом строю, то будто прилипаешь своим самолетом к машине ведущего. «Дышит» своим самолетом ведущий — «дышишь» у его крыла и ты в резонанс дыханию командира. Мы летим сомкнутым клином. Я гляжу на Генкина. На нем желтый, потертый реглан. Отчетливо вижу его лицо. Хлопочет с картой штурман Катаев. Вижу часто показывающегося в верхнем люке кабины стрелка-радиста Ивана Тупикина. Генкин улыбается в поднимает кверху толстый в меховой краге большой палец. И по его губам я определяю, что он говорит: «Все в порядке, молодцы!»

Кажется, что все идет, как положено, впереди уже наш фронтовой аэродром. Давид Зиновьевич показывает указательным пальцем на свои глаза. Это означает: «Смотрите за воздухом!»

Посадка на фронтовом аэродроме. Заруливаем самолеты на стоянку. Выключив моторы, выходим из кабин и собираемся у самолета командира.

— Прилетели! С весной на фронт прилетели, товарищ командир! — говорю я радостно Давиду Зиновьевичу.

— Запомни, Бондаренко, нынешний день, — отвечает Генкин и, задумавшись, вглядываясь куда-то в даль, добавляет: — Хорошо бы вести дневник… Закончится война, и, если выживем,

музыку будем сочинять и книги писать об этих вот днях, о наших боевых товарищах.

— Согласен, товарищ командир, от кого-то я слышал, что настоящее счастье в борьбе. Об этом нужно писать. Только разве время найдется?..

В Сальске настоящая весна. Повиснув в воздухе, поют жаворонки. Легкий, теплый ветерок ласково шевелит слежавшиеся в полете волосы. Как хорошо все-таки жить на свете! Кругом тишина и покой. Даже не верится, что в это время, когда снова проснулась природа, когда расцветает все вокруг, обрываются жизни людей.

На Сальском аэродроме базируются два полка, вооруженные самолетами Пе-2. Они входят в состав 270-й бомбардировочной дивизии, которой командует полковник Чучев.

Экипаж Москвичева назначен в 86-й полк подполковника Белого. Экипажи Таюрского, Долгирева, Хижняка и мой — в 284-й полк Героя Советского Союза майора Валентика.

Сразу видно, что на нашем теперь уже аэродроме побывали фашисты. Ангары, здания… все разрушено. Наскоро вырыты землянки для людей и капониры для самолетов. Около землянок стоят два больших металлических бака с немецкой надписью. В школе и в техникуме я не любил уроки немецкого языка. Но по надписи «Тринк вассэр» я понял, что в баках питьевая вода. Ребята уже пьют фронтовую воду, и я догадываюсь по разговорам, что они собираются идти посмотреть разбитый транспортный самолет «Юнкерс-52», Это одна из многих фашистских машин, валяющихся на границах летного поля. Посмотрели и остались довольны работой наших товарищей. Неожиданно я увидел здесь сидевшего неподалеку от землянки в группе летчиков Харина, моего одноэскадрильца по Энгельской летной школе.

— Ленька, рыжий, чертяка этакий, ты здесь! — воскликнул я и, обращаясь к товарищам, сказал: — Ребята, это Харин — чемпион нашей учебной эскадрильи по боксу!

— Здравствуй-здравствуй, — поднимается и идет мне навстречу Харин. Покажи-ка фронтовикам, — смеется он, — как хвостом вперед взлетают! Теперь не отвертишься!

— Брось, Леня! Зачем вспоминать прошлое? Скажи лучше, сколько уже боевых вылетов ты сделал? Хвастайся! — прошу старого друга, крепко сжимая его сильную, усеянную веснушками руку.

— Представь себе — ни одного!

— Да как же это? Я думал…

— Думал… Майор Валентик так «приконтрил» меня осенью прошлого года!.. А может, я и сам «приконтрился». Понимаешь, с

аэродрома на аэродром доверили перегнать машину, и вдруг обрыв шатуна на левом моторе — трабабах! На границе аэродрома я ее и разложил по частям. Так что хвастаться, Никола, нечем.

— Расскажи лучше, Харин, как ты на заем подписывался, — говорит, хитро улыбаясь, светловолосый старший сержант с двумя орденами на груди.

— Хабаров, Сережка, эх я тебя! — говорит, смеясь и показывая кулак, Харин.

— Слышь, Бондарь, — обращается ко мне Хабаров, — когда Ленька подписывался на заем — отдал все свои облигации, деньги и еще такую речугу толкнул: «Товарищи, — говорит, — подписываюсь на двести пятьдесят процентов оклада, а все, что осталось от «пешки» на границе аэродрома Вишневка, идите и собирайте».

— Да что там заем. Харин на все мастак. Он и на животе сплясать может! — смеется старший сержант.

Мы тоже от души смеемся.

— Силен летун — видно сразу! — сказал Таюрский и направился к Харину. Сын Колымы! — гордо представился он и подал руку. А потом бесцеремонно снял с головы Харина шапку и спросил: — Чем шевелюру мазал, что такая красная? Дай рецепт, ради бога!

— Э, друг милый, я в пожар родился! — шутливо бросает Харин. — Рецепт такой: пригни уши и прыгни… Не будем выражаться, а то, елки-моталки, скажете: тут не фронтовики, а черт знает кто!

— Один — ноль в твою пользу!

— О-ой! — схватился за живот Хижняк.

— Хенде хох! — поднял руки Таюрский. — Тут, брат, — повернулся он к нам, — такие остряки-самоучки…

— Ну ладно вам. Давайте, братцы, двигаться ближе к кухне! Порубать охота. Где столовая у вас? — спрашивает у фронтовиков, заложив руки за пояс, Ваня Соболев.

— Не «у вас», товарищ дорогой, а «у нас». Мы теперь — одна боевая семья, — поправляет Соболева Хабаров.

— Правильно! — поддерживают его фронтовики…

Летим на разведку

Полк, в который мы прибыли, понес в жарких сталинградских боях большие потери. Но боевой дух сталинградцев был очень высок. Летчики не унывали. Полк жил обычной фронтовой жизнью.

Теперь нам вместе нести обагренное кровью погибших Знамя полка, вместе освобождать родную землю, вместе разделять и радость побед, и горечь боевых потерь.

В полк начали прибывать молодые экипажи, группы летчиков, штурманов, стрелков-радистов. Поступали и новые самолеты. Таюрского и меня командование назначило в первую эскадрилью капитана Вишнякова. Костя попал в звено Пронина, а я — в звено разведчиков Покровского.

Через некоторое время наш полк был укомплектован экипажами и самолетами по полному штату. Почти все эскадрильи состояли из молодежи, не имеющей боевого опыта. И конечно, мы с завистью смотрели на таких опытных летчиков, как Валентик, Вишняков, Генкин, Покровский, Макеев, Пименов; штурманов Раицкого, Селедкина, Лашина; стрелков-радистов Белякова, Хабарова, Кузнецова и других героев сталинградского неба.

…1 апреля 1943 года. У нас полковой праздник — вторая годовщина части. Мы, молодые, гордимся тем, что прибыли в прошедший через горнило Сталинграда боевой коллектив, гордимся и своим командиром Героем Советского Союза майором Валентиком. На торжественном собрании из доклада замполита майора Кантора мы узнаем, что 284-й авиаполк сформирован в канун Великой Отечественной войны, вел интенсивную боевую работу, препятствуя врагу форсировать Днепр у Кременчуга.

В конце сорок первого года летчики, штурманы, технический состав полка направляются в Чкалов, где переучиваются на пикирующий бомбардировщик Пе-2, а в сорок втором году авиаторы проходят на этих самолетах боевое применение над учебными полигонами. Вскоре 284-й полк прибывает под Сталинград и здесь от начала и до конца великой битвы на Волге ведет напряженную боевую работу. Всего два года жизни полка, а за плечами его личного состава — славный боевой путь.

* * *

Во всех полках нашей дивизии начата боевая учеба по

совершенствованию приемов и методов воздушного боя. Вот и к нам из 9-го гвардейского истребительного авиационного полка прибыли две пары Як-1, пилотируемые Лавриненковым, Борисовым, Алелюхиным и Тимофеенко. Теоретически — на предварительной подготовке к полетам, на разборах учебных боев, — а затем практически — опять в воздухе — мы снова занимаемся вместе большим, нужным делом, учимся воевать. Разбираем виды атак истребителей и устанавливаем, каким должен быть при этом маневр одиночного бомбардировщика и группы. На этих занятиях мы убеждаемся в том, что самолет Пе-2 обладает отличными маневренными качествами.

— Ребята, не такая уж наша «пешка» безобидная. Неправду говорят: что якобы ударишь ее по хвосту палкой и она горит, — как-то завел разговор после очередного разбора полетов молодой летчик Андрей Заплавнов.

— Правильно говоришь, Андрюха, наша машина строгая, но в бою она послушна умелому пилоту. Я считаю, что не верна и поговорка: «На «пешке» летать — все равно что тигра целовать». Все зависит от того, на что способен летчик, который сидит в ее кабине, — поддержал его молодой командир летного экипажа Сергей Стрелков.

Перед началом боевых действий на Южном фронте в расчеты всех полков 270-й дивизии были введены разведывательные звенья. Раньше на разведку войск противника летали все экипажи, но такое решение было не совсем оправданным. Летая на разведку от случая к случаю, пилоты в полной мере овладеть искусством, естественно, не могли. Часто случалось, что по неопытности наши экипажи становились хорошей мишенью для противника. Теперь же, занимаясь только одной разведкой, мы с каждым вылетом приобретали все больше и больше опыта, что нужно воздушному разведчику, и становились более неуязвимыми.

Забегая вперед, скажу, что такие наши разведчики, как Покровский, Моисеев, Панфилов, Азаров, Чайкин, Вочин, Севолдаев, Филиппов и другие, образно говоря, изрисовав следами инверсии небо юга Украины, Донбасса, Крыма, Белоруссии, Литвы и Восточной Пруссии, ни разу не были сбиты. В этом большая заслуга командира дивизии Чучева. По его плану в Сальске были выделены в разведывательные звенья экипажи, которые специально тренировались в выполнении высотных полетов, фотографировании объектов и ведении тщательной визуальной разведки. В нашем полку такую тренировку прошли экипажи Покровского, Моисеева и мой.

Итак, Сальский аэродром — аэродром, с которого не ведется

боевая работа. Но он очень важен для дальнейших боевых действий полка.

Здесь, в Сальске, состоялось мое более близкое знакомство с командиром полка Валентиком.

Однажды, после выполнения задания на бомбометание с пикирования боевыми фугасками, я ошибся в расчете на посадку. Подрулив машину к старту, вижу: летчики смотрят на меня и улыбаются. А Валентик выходит навстречу и показывает мне, что он хочет подняться на крыло моего самолета.

— Попался? — с хитрой улыбкой спрашивает меня Сухарев.

— Сейчас высадит из кабины к чертовой матери! — говорю я с досадой, вспомнив, как однажды за грубую посадку Валентик высадил из кабины летчика Герасимова и дал задание Таюрскому «показать, как нужно летать».

Вот уже майор Валентик на правом крыле.

— Товарищ летчик, как ваша фамилия? — спокойно спрашивает он.

— Сержант Бондаренко, товарищ командир! — докладываю.

— Товарищ сержант, такое никуда не годится! Вы что, не можете рассчитать и приземлить машину у «Т»?

— Почему?.. Могу!

— Сделайте полет по кругу — я посмотрю.

— Есть сделать полет по кругу!

Выполняю полет. Приземляю машину точно у посадочного «Т». Валентик снова встретил мой самолет, поглядел в мою сторону и одобрительно кивнул головой: дескать, можешь…

Этот случай послужил мне хорошим уроком. Я понял, что от взора такого опытного учителя и командира ничего не утаишь: он увидит любую твою оплошность. И впредь я более строго относился к себе и к своим обязанностям.

* * *

…В мае наше звено послали на завод за самолетами. Мы пригнали три Пе-2, но, когда совершали посадку на Сальском аэродроме, на моем самолете в момент касания земли разорвалась покрышка левого колеса. Машину бросило в сторону. Каких усилий стоило мне, чтобы удержать ее, не допустить поломки!.. Вот тогда я уже сам понял, что я теперь не курсант, а летчик боевого полка.

Кое-чему уже научился. Теперь даже на взлете у меня есть время на размышления: успеваю замечать все в поведении машины, давать оценку каждому отклонению и действовать, как

требует обстановка. Я не напрягаюсь так, как это было раньше, и чувствую себя увереннее и спокойнее.

В Сальске очень много сусликов на аэродроме: взлетаешь иной раз и видишь их — первого… третьего… пятого… Они стоят на задних лапках, как столбики, и смотрят на приближающийся самолет и затем быстро исчезают в своих норках. Рассказываю об этом потому, что раньше я не заметил бы на взлете и лошадь, потому что во время разбега я впивался глазами в линию горизонта и третью от верха заклепку на фонаре кабины — на ее уровне должен проходить горизонт. Теперь при разбеге вижу каждую травинку на земле, каждый стебелек, цветок. Мы, летчики, иногда говорим: «Взлетаю — и считаю цветочки». Но я немного отвлекся. Момент, когда разорвалась покрышка, я сразу же уловил и мгновенно дал полный газ левому мотору. Это и помогло мне выдержать на пробеге направление.

Машина, слегка накренясь, остановилась в конце посадочной полосы. Открываю фонарь и смотрю на покрышку, вернее на лохмотья, оставшиеся от нее. Медленно заруливаю самолет на стоянку. Выхожу из кабины и докладываю о случившемся прибывшему на пикапе командиру полка. Он молчит, но по его лицу вижу: командир доволен, что я, молодой летчик, не растерялся в нужный момент.

* * *

В конце июня 1943 года наш полк перелетает на аэродром Мечетный под Новошахтинском. С Мечетки, как мы любовно его зовем, полк во время прорыва Миус-фронта, освобождения Донбасса, Таганрога и других городов произвел большое количество боевых вылетов на штурмовку и разведку. Бомбометания, как правило, производились с пикирования и имели хороший эффект. Враг ощутил на себе наши меткие удары. Населенные пункты Мариенгейм, Григорьевка, Первомайская, Саур-Могильный, Донецко-Амвросиевка, аэродром Сталино, Таганрогский морской порт, укрепления, живая сила, артиллерийские позиции, железнодорожные эшелоны, самолеты на стоянках, корабли — вот далеко не полный перечень наших целей.

12 июля — мой первый боевой вылет на разведку. Покровский, а за ним летчик звена Моисеев уже получили задания. Я жду своей очереди. Наконец из землянки КП вышел начштаба майор Соколов, громко объявил:

— Экипаж Бондаренко, на КП!

Я, Сухарев и Баглай встаем и быстро одеваемся. Солнце еще не взошло. На траве сильная роса, веет ночной прохладой.

— Товарищ майор, экипаж Бондаренко для получения боевого задания прибыл! — докладываю Соколову.

— Хорошо, Бондаренко. Разворачивайте свои карты и рассчитывайте маршрут полета.

Экипажу ставится задание: провести наблюдение за железнодорожными и автомобильными перевозками войск противника, определить количество его кораблей в восточной части Азовского моря и в портах Таганрог и Мариуполь, уточнить базирование самолетов на аэродромах Таганрог, Мариуполь и Старобешево. Наиболее важные объекты сфотографировать. Высота полета — семь тысяч пятьсот метров. Минимальная высота — шестьсот метров.

Закончив последнюю фразу, Соколов сделал небольшую паузу, спросил:

— Вопросы есть?

— Понятно, товарищ майор. Задание будет выполнено.

— Взлет по зеленой ракете с КП.

— Есть взлет по зеленой ракете с КП.

Выходим из землянки и направляемся к стоянке самолетов. Таюрский, встретив нас и узнав, в какой район летим, напутствует:

— Ни пуха ни пера вам. Не робейте за линией фронта. Помните, что вы первыми из нас летите на боевое задание.

— Спасибо, Костя. Авиацию не опозорим! — отвечаю ему.

Иду к самолету, а мысленно уже нахожусь в полете. Уже передумал все неприятные случаи, которые могут приключиться над территорией, занятой противником, наметил свои действия и твердо решил: боевое задание выполню во что бы то ни стало.

И вот мы в небе. Машина уверенно набирает высоту, а я вспоминаю и своих, и пришедших проводить нас на задание техников с других самолетов. Вспоминаю нашего стартеха Виталия Гордеевича Щербинина, который перед взлетом, положив мне руку на плечо, сказал:

— Ну, в добрый час, Адамыч! Сколько раз мы, технари, провожали вас, летчиков, на задание!..

Скоро линия фронта. Погода неплохая: кучевая облачность три-четыре балла на высоте тысяча двести метров. На борту самолета полный порядок, но мне почему-то хочется, чтобы тише ревели моторы. Мое самочувствие хорошее, хотя я, конечно, напряжен, и готов к любым неожиданностям.

Над линией фронта облачность пять — семь баллов. Затем она стала мощно-кучевой. И, наконец, вершины облаков

поднялись выше самолета. Теперь мы уже идем между громадами облаков. Стараюсь вести самолет замысловатыми коридорами. Но вскоре игра эта мне надоела. Я поворачиваюсь к Сухареву и спрашиваю:

— Сима, ты под самолетом что-нибудь видишь?

— Ничего не вижу! — отвечает он, разглядывая землю между облаков.

— Идем вниз, под облака! — кричу я и отдаю штурвал от себя так, что от изменения атмосферного давления трещат барабанные перепонки.

— Правильно, давно бы так! — одобряет мои действия Сухарев, снимая с лица кислородную маску.

Высота восемьсот метров. Устанавливаю самолет на заданный Сухаревым курс и прибавляю скорость.

— Ребята, смотрите, чтобы «мессеры» внезапно нас не атаковали. Петро, ты слышишь?

— Слышу, командир! Смотрю! — отвечает Баглай скороговоркой.

— Петро, высота восемьсот метров. Держи связь с аэродромом!

— Держу. Слышно слабо, но связь есть.

— А ты кислородную маску снял? — шутя спрашивает его Сухарев.

— А ты думаешь, если мы за линией фронта, то я растерялся, что ли? Сибиряка фашистом не напугаешь!

— Я думаю о том, чтобы тебе лучше вести осмотрительность. И связь будет надежнее.

— И я об этом думаю!..

Приступаем к выполнению задания. Высота полета для фотографирования очень мала. Я это знаю и на фотографирование не захожу. Веду машину чуть в стороне от объектов с разворотом, чтобы лучше их видеть. Прохожу над портом, железнодорожной станцией и аэродромом Мариуполь, затем над крупным железнодорожным узлом Волноваха. На путях стоят тридцать четыре состава. В конце полета прохожу над аэродромом Старобешево, аэродромом и портом Таганрог. Сухарев записал в бортовой журнал необходимые данные, а Баглай все передал на КП по радио.

Маскируясь облачностью и солнцем, прохожу севернее Таганрога линию фронта в обратном направлении.

— Командир, а как ты думаешь, почему по нашему самолету не били зенитки и не встретили истребители?

— Вон чего захотел, романтик. Говоришь, мало оказали чести? Фрицы на такой маленькой высоте нас не ждали, Петя. На

это я и рассчитывал! — отвечаю стрелку-радисту.

— Уже один вылет есть.

— Будет один вылет, Сима, когда зарулим на стоянку. Смотрите за воздухом.

— Пока небо чистое. Доверни десять градусов вправо — выйдем точно на свой аэродром, — говорит Сухарев.

— Есть десять вправо! — весело отвечаю я.

После посадки докладываю майору Соколову о выполнении задания. Он, сказав мне «хорошо», начал деловито принимать от Сухарева разведданные.

В честь нашего первого удачного вылета девчата-оружейницы — Зоя Картышкина, Маша Климина и Рита Макеева — собрали большой букет полевых цветов и, когда Баглай, Сухарев и я вышли из кабин, поздравили с первым боевым вылетом и, разделив букет на три части, вручили нам цветы.

Вечером ко мне подошел один бывалый летчик, отвел в сторону и сказал:

— Будешь так ухарски летать — отлетаешься скоро, собьют! И запомни: никаких цветов — нехорошая примета…

Настроение испортилось, но я ответил:

— Цветы — черт с ними, а воевать буду так, как умею!

Второй и третий боевые вылеты выполняю в составе полка на бомбометание по целям: хутор Мариенгейм и населенный пункт Григорьевка. Это укрепленные пункты врага на переднем крае.

Впервые вижу, как бьет зенитка. Сначала вспыхивает огненный бутон, а затем из него разворачивается черное облачко. Оно больше или меньше размером — значит, снаряды крупного или среднего калибра. Когда разрывы ложатся близко, слышно глухое «ах!» — ходи тогда после полета вокруг машины и считай пробоины.

Мы выполняем все поступающие из штабов армии и дивизии задания на разведку. Когда свободны, летим с группой на бомбометание. Если в боевом строю полка все места заняты — мы запасные. Выруливаешь тогда с полком на старт и в сторонке «молотишь» винтами. Не вырулил кто-то по каким-либо причинам — взлетаешь и занимаешь в строю его место. Взлетели все заруливаешь на стоянку.

Мне очень нравится экипаж, с которым я летаю. Сухарев безошибочно производит штурманские расчеты и расчеты на бомбометание и фотографирование. Когда он выполняет их, я смотрю на него и думаю: «Какой умница!»

Хорош стрелок-радист Баглай. Он скромен, в совершенстве владеет связью, оружием, осмотрителен в воздухе. За все время, в течение которого мы вместе летаем, он еще ни разу не сказал

мне, что взят в экипаж в добровольно-принудительном порядке. Конечно, хочется, чтобы и мой штурман, и мой стрелок-радист были так же довольны мной, как и я ими.

…28 июля. В этот день, во время выполнения семнадцатого боевого вылета, мы попали в перепалку из-за погоды.

Выполнено задание. Везем домой нужные разведывательные данные и фотоснимки. Но за наше двухчасовое отсутствие над аэродромом Мечетный появилась грозовая облачность, на землю обрушился страшной силы ливень.

Как всегда, подходим к аэродрому с малым запасом бензина. Мечетный расположен вдалеке от характерных ориентиров. Единственный ориентир стоянка самолетов, землянка и навес.

— Будь внимательным, Сима. Не дай бог нам потерять в этих условиях ориентировку, — говорю штурману, когда над Новошахтинском резко ухудшилась погода.

— Не потеряем. В школе нас этому не учили. — В шутке штурмана чувствую добрую уверенность. Молодец.

Сухарев вывел самолет точно на аэродром. Теперь дело за мной. Посадить машину в таких условиях не так-то просто. А тут еще, как назло, прекратилась связь. В наушниках шлемофона сплошной треск от грозы. Вокруг мечутся молнии. Ливень и сильный ветер усложняют пилотирование самолета. Лобовые стекла фонаря кабины залиты водой. Кабина сильно протекает. Укрепленный на ее полу штурманский компас АН-4 залит. В нижнем остеклении мелькнула и тут же исчезла стоянка самолетов.

Чтобы не бросало сильно машину, я держу повышенную скорость. Хочется чуть-чуть подняться повыше, но этого не делаю — знаю: сразу же потеряю землю.

На мгновение вспомнился случай с летчиком Бурзаком. Он вот так же прибыл с задания с малым запасом бензина. И, видимо забыв об этом, сделал боевой разворот с большим креном. Произошел отлив бензина от заборников, и моторы тут же «обрезали», самолет упал. Это урок всем. Что же делать мне? Выполнять развороты «блинчиком» тоже не могу — боюсь потерять из виду аэродром. Если я его потеряю, придется уйти на излучину Северного Донца, брать от нее курс и выходить снова на аэродром. Но могу ли я этим заниматься, когда вот-вот кончится горючее и «зачихают» моторы?

Открываю левую форточку — капли воды сильно бьют в лицо. Земля сквозь пелену дождя еле просматривается. Выполняю развороты с большим креном. Выпускаю шасси и хожу над границей аэродрома, не упуская из виду стоянку самолетов.

Первый заход по «Т» — неудачный. Даю газ, ухожу на второй

круг. Со следующего захода приземляю машину и облегченно вздыхаю. Словно гора свалилась с плеч. Семнадцатый вылет закончился благополучно.

На аэродроме очень много воды. Наш самолет напоминает на пробеге глиссер. Тормозами не пользуюсь: от большого сопротивления воды и так малый пробег. Кто-то из залетевших к нам летчиков в конце посадочной полосы поставил на нос Р-5. Не столкнуться бы… А ливень продолжается. Заруливаю на стоянку машину и думаю: «В такую погоду никто нас не встретит». Но нет, у капонира стоит в воде наш батя — капитан Вишняков. И все наши техники с ним. Все мокрые до нитки, но улыбаются. Я смотрю им в глаза и тоже улыбаюсь…

Прошло немного времени. Однажды наш бывалый комэск сказал мне:

— Грешно даже вспоминать, Бондаренко. А ведь я тогда думал, что ты разобьешься…

— Нет, товарищ капитан. Разбиваться у себя дома — не резон. А кто же немцев бить будет? — Ответил я ему, улыбнувшись.

При фотографировании результатов бомбометания полка сбит огнем зенитки самолет командира звена Покровского. Теперь все задания на разведку выполняют экипажи Моисеева и мой.

Когда хорошо выполнишь задание — радостно на душе. И тогда мы — дело прошлое — идем от линии фронта домой бреющим. Помню, в один из вылетов район разведки оказался закрытым низкой облачностью. Надеясь, что она вскоре останется позади и мы выполним хотя бы половину задания, я решил дойти до конечной точки маршрута — Барвенково, расположенного почти в двухстах километрах за линией фронта. Но облачность сопровождала нас.

— Сима, проверим высоту нижней кромки.

— Давай! — ответил Сухарев.

Я закрутил глубокую спираль, пробил облака вниз, а Сухарев в бортовом журнале записал: «Верхняя кромка — пятьсот, нижняя — двести метров». Эта высота чересчур мала для выполнения задания. Снова пробиваю облака вверх и беру курс домой.

— Скоро линия фронта? — спрашиваю Сухарева через некоторое время.

— Да прошли уже, по-моему…

— Ты точно знаешь?

— Знаю. У тебя руки по бреющему чешутся — давай.

Пробиваю вниз облака. Снижаюсь до земли и иду бреющим. В огородах вижу работающих женщин. Они, разогнувшись, смотрят

на наш самолет. Нам машут руками дети. Сменяют друг друга красивые донбасские пейзажи. Земля стремительно летит навстречу самолету. У меня учащается дыхание, загораются щеки. «Вот это жизнь!» — радуюсь я. Но вдруг впереди замельтешили дымки разрывов, стали отчетливо вырисовываться танки, орудия. Под крылом поплыла изрытая разрывами снарядов и бомб земля.

— Эх ты, Сима! Линия фронта…

— Ерунда какая-то! А по моим расчетам…

Гитлеровцы ударили по самолету из всех видов оружия. Вспоминаю Покровского, который как-то сказал: «Друзья, попадетесь фрицам — доли секунды не летите по прямой! Не давайте прицелиться». У самолета огромная скорость. Но только на скорость надеяться нельзя. Снаряд догонит. Дав полный газ, я резко бросаю машину поочередно из стороны в сторону, снизу вверх и обратно вниз. Подо мной вздрагивает пилотское кресло. Это Баглай ведет огонь из своей нижней установки. Мелькнула нейтральная полоса — и мы над нашими войсками. Поворачиваю голову к штурману. Сима смеется.

— Вина моя, товарищ командир, — говорит он, — но зато советские люди за линией фронта увидели на крыльях нашего самолета красные звезды.

— А фрицы, ну и гады же! Стоят в полный рост и палят по нас из карабинов, — говорит скороговоркой Баглай.

— Ты томе молодец, Петро, что полоснул по ним из «Березина»..»

* * *

Сегодня, пятого августа, мы вылетим на боевое задание в двадцать пятый раз. В эти дни войска Степного и Воронежского фронтов начали операцию «Полководец Румянцев» по уничтожению белгородско-харьковской группировки войск противника. Я и поныне горжусь, что всем чертям назло мой экипаж выполнил тогда это ответственное боевое задание командования.

По агентурным сведениям стало известно, что немцы начали перебрасывать большие танковые соединения с Южного фронта в направлении Харькова и Белгорода. Мы получаем задание проверить это. Вылет назначен на семь часов.

Прибываем на стоянку самолета. Вчера на его правом моторе потек масляный радиатор.

— Товарищ младший лейтенант, радиатор заменил. Самолет к полету готов, — встретил меня докладом техник Беляев.

…Техникам я верю, как себе. Когда тороплюсь с вылетом, самолет тщательно не проверяю. Знаю, что это большое нарушение соответствующего наставления. Но что было, то было. Техники (это все летчики знают) обижаются, когда им не доверяешь. И потом я знаю, что техники уважают меня так же, как я их, и они не подведут. Обычно, когда прилетаю с задания, техники нашей эскадрильи всегда собираются у капонира моего самолета. Замечаю, как они смотрят, улыбаются и как горят их глаза. «Ждали!» улыбаюсь в ответ им и я. Вылезаем из кабин. И тут обязательно механик по кислородному оборудованию старший сержант Симонов спросит:

— Командир, как кислород подавался? Как вы себя чувствовали?

— Отлично! — говорю.

— А как проклятая немчура себя чувствует?

— Фрицам скоро будет капут!

— Вот это самое главное.

— Так, говоришь, все нормально, самолет подготовлен? — спрашиваю я Беляева.

— Ну! — произносит он чересчур уверенно.

— Ясно.

Сегодня я почему-то сильно волнуюсь. Но вида не показываю. Знаю: «дам по газам» — земля останется позади и все земное волнение как рукой снимет. Не самолет мой, а я распластаюсь крыльями и уйду далеко на запад, в голубое небо, разведывать тайну врага.

Запускаю моторы. Долго газовать на стоянке я не имею привычки. Устанавливаю взлетные обороты, чтобы не было на взлете раскрутки винтов, и выруливаю.

Одно время Покровский и я взлетали со стоянки. Дурной пример заразителен — стал так взлетать и Моисеев. И начальство поставило всех нас «на свое место». Теперь для взлета мы подруливаем свои самолеты к «Т».

— Взлетаем! — даю команду экипажу и прибавляю газ.

Вначале нехотя, лениво и медленно идет «пешка» на взлет, а потом рвется вперед, все быстрее и быстрее набирает скорость. Теперь за ней, как за норовистой лошадью, нужен глаз да глаз. Отрыв от земли. Бегло смотрю на приборы. Что за чепуха! В правом моторе почти нет давления масла, его температура быстро растет.

— Убрать шасси! — подаю команду штурману, чтобы набрать немного высоты, и поясняю: — Нет давления масла в правом… Буду на одном левом заходить на посадку.

Положение незавидное — высоты почти никакой. Пе-2 с

одним мотором ведет себя плохо. Это является причиной случавшихся в первое время аварий и катастроф. Прикидываю в уме: наверное, что-то с масляной системой. А что? Правый мотор работает отлично, ровно. Но если ему дать еще немного «покрутиться» — его заклинит. Это не устраивает меня, и я захожу на посадку, убрав газ. Небольшое давление масла есть, и я, зная, что на малых оборотах смазки мотору будет достаточно, не выключаю зажигание. А вдруг неожиданно потребуется тяга? Использую все, учитываю и то, что за границей нашего Мечетного аэродрома ровная степь. Выпускаю шасси. Приземляю машину между капонирами второй и третьей эскадрилий и выкатываюсь на аэродром. Выключаю моторы. Ко мне бегут техники.

Вскоре выяснилась и причина отказа. Чтобы не текло из бака масло, вчера при смене радиатора в системе перекрыли сконструированный для этого шунтовой кран. А открыть его?..

Беляев, конечно, мне в глаза не смотрит. Хочется ему сказать несколько «ласковых», но разговоры вести некогда.

— Бондаренко, — кричит начальник штаба, — бегом на запасную машину! И немедленный взлет!

Одетые в меховое обмундирование, с заброшенными за спину парашютами, мы бежим на запасной самолет.

Я сейчас сильно зол. Задание очень серьезное, и за его выполнением смотрят не только с КП нашего аэродрома.

Навстречу с докладом торопится техник запасного самолета.

— Короче! — бросаю ему на ходу. — Фотоаппараты стоят?.. Кислород?.. Заправка маслом, бензином?..

— Все нормально, товарищ младший лейтенант! — козыряет он.

— У меня нет времени вас проверять!.. Ну и «шхуна» у тебя!.. Ты что, с того света ее выкопал?

— Она старая, товарищ командир, но хорошая.

— Моторы сегодня пробовал?

— Так точно.

— Когда машина летала последний раз?

— В день перелета сюда из Сальска.

— Ладно, в воздухе разберемся, — говорю технику в быстро поднимаюсь в кабину.

Запускаю моторы. Они работают хорошо. Техник, убрав из-под колес колодки, козыряет. Другие техники тоже каждый по-своему провожают меня. Злость как-то сразу прошла. Я улыбаюсь всем в ответ. Отрулив немного от капонира, взлетаю.

Первое впечатление о самолете после отрыва неплохое. Машина легко слушается рулей и хорошо набирает высоту. Одно мне только немножко не нравится: правый мотор дает небольшую

раскачку оборотов. Но все же он, как и левый, поет свою песню. Оба они несут нас на запад, несут туда, где ползут немецкие танки.

О раскачке оборотов я решил никому в экипаже не говорить.

— Какая просторная кабина, — обращается ко мне Сухарев.

— Это машина сибирского завода. Все они легкие, летучие. В них более просторная кабина штурмана, — отвечаю ему, поглядывая на тахометр правого мотора.

Высота полета при подходе к линии фронта — семь тысяч восемьсот метров. Правый мотор, будто испугавшись вражеской территории, стал работать еще хуже. Сухарев это, конечно, заметил.

— А что у тебя с правым? Почему он так?.. — с тревогой спрашивает он.

— Раскачка оборотов, Сима. Не беспокойся, все будет нормально, отвечаю спокойно ему.

Пройдена линия фронта. Мы уже набрали потолок — восемь тысяч шестьсот метров. Правый мотор по-прежнему работает неудовлетворительно. Затяжеляю и облегчаю его винт. Убираю и даю газ. Переключаю нагнетатель со второй скорости на первую и обратно. Не помогает. Нужно возвращаться домой. Но задание!.. А оно очень серьезное! Наши фотопланшеты отправят в штабы дивизии, армии, фронта, а возможно, и в Ставку Верховного Главнокомандования. Нет, возвращаться нельзя! Я уже один раз возвращался. Хватит. Поглядывая на правый мотор, я продолжаю лететь дальше, на запад. Вскоре далеко впереди появились вражеские танки.

— Сколько же их!.. — восклицает, взглянув на землю, Сухарев.

— Ладно, Сима, без эмоций. Захожу на фотографирование. Считай и фотографируй! — даю ему команду.

По дорогам от Дебальцева и Горловки на Изюм в Харьков движутся колонны танков. Погода сухая, ветреная, и нам хорошо видно, как из-под гусениц валит клубами пыль. От ветра пыль тянется шлейфом далеко на юго-запад.

Я рад, что мы с Сухаревым сосчитаем и сфотографируем танки.

Но жутко и неприятно видеть, как но нашей земле ползет с паучьей свастикой эта мразь.

Куда нацелил враг свой удар? Какие военные планы намечают немцы, если перебрасывают такое количество техники с нашего фронта на другой. Не исключено, что только благодаря нашим разведданным командование разгадает замысел противника. Да, конечно, многое зависит и от нас. А я еще хотел

возвращаться!..

Мы аккуратно выполняем свою работу. Все пока идет хорошо, но правый мотор стал вытворять такую свистопляску, что я на всякий случай распорядился:

— Петро, передавай о танках открытым текстом!

— Есть! Есть передавать о танках открытым текстом!

Наконец боевое задание выполнено. Кроме танков мы под интенсивным обстрелом зениток фотографируем еще Горловку, Дебальцево, Артемовск, Константиновну, Краматорск, Славянск, а на обратном пути — Чистяково.

Сухарев складывает свои штурманские принадлежности. До линии фронта еще около тридцати километров, но высота полета большая, и я, чтобы не держать моторы на высоком режиме работы, сбавляю газ. Самолет быстро снижается. Я с тревогой смотрю на правый мотор, с такой же тревогой смотрит на него и Сухарев.

— Неужели сегодня еще не все? — спрашивает он.

— Ничего, не беспокойся. Если уж со ста метров приземлились на одном моторе, то с восьми тысяч дотянем!

— Будем надеяться…

В это время в кабине резко запахло гарью.

— Командир, из правого мотора бьет масло! — взволнованно доложил Баглай.

— Понял, Петя. Смотри за ним внимательно, — отвечаю, стараясь быть спокойным.

— Смотрю внимательно.

— Сима, сколько осталось километров до линии фронта?

— Двадцать. Будешь садиться в Ровеньках?

— Нет, пойдем на свой аэродром. Хорошенько смотри за воздухом. Поведу машину на одном левом моторе.

Гарь чувствуется все сильнее. В кабине появляется дым. Мы с Сухаревым молча переглянулись. Убираю газ, выключаю зажигание правого мотора. Но он не выключается. Вероятно, сгорела идущая в кабину электропроводка. Мотор дает очень большие раскачки оборотов и воет, как сирена. Этот заунывный вой сильно действует на нервы. Кабина уже полна дыма.

— Командир, горит правый мотор! — кричит Баглай срывающимся голосом.

— Спокойно, Петя!

Смотрю на место пожара. Сзади в щель между капотом и центропланом вырывается пламя. Горит масляный бак. От закрывающего его дюралевого капотика отрываются белые, сгоревшие кусочки металла и улетают прочь.

— Ребята, мы горим! Мы за линией фронта. Буду тянуть на

свою территорию, сколько смогу. Действуйте по обстановке! — приказываю экипажу.

— Петя, я предупрежу тебя, когда пройдем линию фронта! — говорит сразу же после меня Сухарев Баглаю.

— Хорошо.

Самолет горит. Быстро мечутся мысли. «Что делать? Бросать машину и прыгать? Но внизу фашисты! Нет, только не плен! Плен — хуже смерти! Нужно во что бы то ни стало дотянуть до своей территории, а там…» Мгновенно принимаю решение: разогнать самолет, используя большую высоту, перетянуть через линию фронта и прыгать над своей территорией.

Даю левому мотору полный газ. Со снижением двадцать метров в секунду разгоняю скорость до семисот километров в час.

В кабине уже не продохнуть от дыма. Он режет глаза, затрудняет дыхание. В наушниках шлемофона сильный треск — не слышу ни штурмана, ни стрелка-радиста. Жарко, очень жарко! Вижу, как языки пламени облизывают мой правый унт. На нем горит и закручивается шерсть. Печет в затылок — горит мех воротника моей куртки. Открываю левую форточку. Прислоняюсь лицом к образовавшемуся небольшому отверстию. Вижу, как Сима показывает: «Скоро будет линия фронта!» Самолет еще управляем, и я тяну его к своей территории.

Правый мотор горит как свеча и надсадно воет. От косого обтекания самолета воздухом при полете на одном моторе и очень большой скорости возникла вибрация. Смотрю на крылья — они сильно дрожат. Меня, как при езде на телеге по тряской дороге, подбрасывает на сиденье.

Начал гореть и центральный бензобак, установленный за штурманской пулеметной установкой. В штурманской кабине настоящее пекло. Сима мечется по кабине. Рвет ручку аварийного сбрасывания фонаря, чтобы выпрыгнуть, но фонарь почему-то не сбрасывается. Сима торопится. Еще раз рвет ручку и, убедившись в тщетности своих усилий, стремительно бросается вниз, в пламя, чтобы открыть нижний входной люк. Но там тоже все горит. Тогда он лезет через меня и пробует открыть астролюк, находящийся в верхнем остеклении кабины над головой летчика. Между правым бортом и моим сиденьем очень узко, и Сима не может с парашютом пролезть. Он снова бросается в пламя, к нижнему люку, и я его больше уже не вижу.

«Нужно прыгать! Машина вот-вот взорвется!» — решаю я. В этот момент самолет внезапно свалился в левый штопор. «Обгорели рули высоты. Нет, еще не все!..»

Инстинктивно беру штурвал на себя, а затем резко отдаю его от себя. Сознание работает четко и ясно. Отстегиваю поясные

ремни. Рву ручку аварийного сбрасывания фонаря, но он, как и раньше у Симы, не сбрасывается. Сильно рву еще раз. Ручка переломилась! Окрашенная ярко-красной краской, она торчит, удерживаясь на одной жилке металла.

«Если погибну — как это будет тяжело для матери!.. Нет!.. Нет!..» Приподнимаюсь с сиденья. Выставляю руку в открытый Симой астролюк — по ней сильно бьет поток воздуха. В левом плече чувствую острую боль. В изнеможении опять опускаюсь на место. Но через мгновение снова с каким-то остервенением приподнимаюсь к люку.

Прыжок совпадает со входом самолета в штопор и действующей при этом отрицательной перегрузкой. Меня, как бумажку, вырывает из кабины. Обо что-то сильно ударяет. И я чувствую, как потоком воздуха мое тело словно разрывает на куски. Еще мгновение, и меня вдруг охватывает тишина. Я в свободном падении вниз головой. «Хорошее положение для раскрытия парашюта», мелькнула мысль. Правда, я увидел, что из ранца высосало небольшую часть шелкового купола, но это неопасно.

«Тянуть, тянуть», — неустанно колотится в голове.

Наконец скорость падения погасилась, и я рванул кольцо. В сильном возбуждении я не чувствую динамического удара при раскрытии купола. Бросаю кольцо и смотрю вниз. Самолет горит на земле. Намного ниже меня снижается на парашюте кто-то из экипажа. А где еще один? Беспокойно шарю глазами вокруг, но ни в воздухе, ни на земле не вижу второго парашютного купола. «Кто-то погиб. Кто? Сима или Петя?..» — думаю с горечью.

Смотрю на сильно изрытую землю, на множество горящих на ней костров. По этим кострам и по дыму с характерным запахом определяю линию фронта и направление ветра. Вижу, что меня относит на запад. Превозмогая боль в левом плече, натягиваю обеими руками половину строп купола и удерживаю их, преодолевая упругость воздуха, чтобы не угодить на вражескую территорию. Скольжу. Внизу пустынно. Снижаюсь и думаю; «А что, если к фашистам?» От этой мысли по телу пробегает дрожь.

С тревогой смотрю вниз и вижу, что к месту моего приземления уже бегут солдаты в касках. «Немцы!» — с ужасом подумал я. В груди что-то оборвалось. «Зачем же я прыгал? Зачем?» Рядом засвистели пули. Что делать? И вдруг я чуть не вскрикнул от радости. По погонам и обмундированию определил: наши!

А вот и матушка-земля. При приземлении не удержался на ногах — упал и свалился на руки, но тут же вскочил. Впереди меня стояло около пятидесяти наших солдат с автоматами.

— Стой! Руки вверх! — коротко приказал молоденький лейтенант невысокого роста.

— Товарищи, да я же свой!..

— Свой?! Ребята, гляди, у него оружие!..

— Руки!.. — кинулся ко мне белобрысый солдат, увидев торчащую из-под моей куртки кобуру пистолета. (Часто у летчиков от динамического удара при прыжках отрываются пистолеты. Я это знал и предусмотрительно хранил свое личное оружие под курткой, прижимая его подвесной системой парашюта.)

— Да свой я, свой! Ну что вы… Я разведчик…

Лейтенант подошел ко мне вплотную и схватил за лямки парашюта:

— Брешешь, фашист проклятый! Сейчас мы покажем тебе своих!

— Да что ты!.. — заорал я на него и загнул такими, что лейтенант вытаращил глаза.

— Свой же я, свой. Ну, что ты? — говорю я уже тихо.

— А почему кресты на самолете?.. — все еще не веря мне, кричит лейтенант.

— Это не кресты. Это в нашей дивизии опознавательный знак: на крыльях сверху белая полоса. При падении самолет штопорил, и вы его плохо разглядели.

— Да, ты, пожалуй, прав. Ну, извини, браток, — уже более миролюбиво сказал лейтенант.

— А один ваш погиб… — заговорили наперебой солдаты.

— Знаю, ребята, знаю… — С их помощью отстегиваю лямки парашюта и, не обращая внимания на боль в левом плече, торопливо спрашиваю: — Где ваше командование? Мне надо немедленно доложить о разведке.

Солдаты показывают находящуюся в двухстах метрах от нас землянку. Объясняют, что в ней и располагается штаб дивизии.

Вокруг стучат пулеметы, ухают взрывы. Но здесь к этому привыкли, и никто не прячется. От солдат я узнал, что в расположенном в полутора километрах отсюда большом селе Дмитриевка — фашисты. «Нам здорово повезло! Мы на своей территории. Одна только беда: погиб кто-то из экипажа», — думаю я, торопясь в штаб дивизии. Лица моих товарищей стоят у меня перед глазами.

Захожу в землянку штаба дивизии. За столом сидит полковник, а рядом стоит майор. Я сильно возбужден. Вероятно, здесь это возбуждение достигло своего наивысшего уровня.

— Почему ваши солдаты не знают силуэтов советских самолетов? Почему? вместо доклада закричал я. — Они меня чуть

не расстреляли!..

Майор в растерянности смотрит то на полковника, то на меня, а полковник встает из-за стола и направляется в мою сторону.

— Успокойтесь, пожалуйста.

— Да что вы успокаиваете!.. Обидно ведь!.. Свои же… И кричат: руки вверх!..

Я высказал все, что наболело, и успокоился, доложил полковнику, кто я, куда летал и какое задание выполнял. О передвижениях танков противника просил немедленно доложить вышестоящему командованию.

— Говоришь, уходят?.. От нас? — как мне показалось, обрадованно переспросил полковник и добавил: — Не беспокойся, дружище, куда доложить, я знаю. А что у тебя с рукой?

— Выскочила при прыжке из плечевого сустава. Уперлась в ребра. Сильно болит. Мне нужно к врачу. Сообщите о нас, пожалуйста, в восьмую воздушную армию.

Перебрасываемся еще несколькими фразами, и полковник, сняв трубку телефона, очевидно затем, чтобы доложить о вражеских танках, обращается к майору:

— Отвезите его немедленно на моей машине в медсанбат.

Мы прощаемся. Выходим с майором из землянки.

— А танкистам на фронте, дорогой мой, еще тяжелее, чем вам, летчикам, говорит майор и осторожно берет меня под руку.

— Один из нас погиб… Но не знаю, кто, — сообщаю ему.

— Сейчас узнаем подробности, — ответил майор и пошел за «эмкой».

Я присел на ящик из-под снарядов и стал ждать. В это время ко мне подошел какой-то капитан. Я увидел на его груди парашютный знак с подвеской «250» и спросил:

— Вы видели, как мы прыгали?

— Видел.

— Расскажите…

Хорошо знающий свое дело парашютист-инструктор рассказывает о том, что он видел. Больно слышать: один наш товарищ запутался в стропах парашюта и погиб. А в это время из-за землянки появилась группа солдат. Они несут погибшего на развернутом парашюте. Кто?.. Сейчас узнаю, кто погиб. Сержант протягивает мне комсомольский билет, платок и смятый портсигар. Беру все это. Быстро раскрываю комсомольский билет. Читаю: «Сухарев Симон Иванович…» Мне стало вдруг жарко, так же, как в кабине горящего самолета. Ничего не говоря, я смотрю на солдат.

Они тоже опечалены гибелью незнакомого им человека, бойца, брата по оружию. Они видели падение нашего горящего самолета, и каждый рассказывает то, что видел. Мне очень тяжело думать о том, что произошло. Ведь только сейчас я разговаривал с ним. Вместе садились в эту чертову «шхуну»…

— Ребята, прошу вас: похороните его.

Я еле стою на ногах. Не могу смотреть сейчас на это. Пусть буду знать его таким, каким знал живого. Солдаты обещают похоронить.

— Все, что положено, сделаем, — говорит сержант. Подъезжает «эмка», мы расстаемся. Кто-то вталкивает на заднее сиденье парашют Сухарева.

— До свидания, товарищи. Бейте их, гадов! — говорю срывающимся голосом.

С трудом усаживаюсь на заднее сиденье машины. Рядом со мной сел майор. Мы едем к землянке, в которой находится Баглай. Я не знаю еще, что с ним произошло.

— Вот здесь, — говорит шофер майору и мне, показывая на небольшую землянку.

Баглай лежит на скамейке. У него перевязана голова.

От крови, просочившейся через бинт, образовалось большое алое пятно.

— Петя, нашего Симона… нет… — с трудом произношу я.

— Что ты говоришь?! — приподнял он голову. — Как все это случилось?..

— А что с тобой?

— Меня солдаты сюда привели. Лоб я поцарапал.

— Как ты, Петя, прыгал?

— Да так, ничего. Правда, низко уже было, но, к счастью, все обошлось хорошо.

— А ударился лбом обо что?

— И сам не знаю, — ответил он. — Меня тут чуть было свои в плен не взяли! Говорю: «Я свой», а в ответ слышу: «А, фашистская рожа, ты еще и по-русски калякать научился?»

— Дурачье!.. Пехота!.. Свои самолеты по силуэтам знать надо.

— Один здоровенный такой паря стал меня обыскивать.

— Ну…

— Расстегнул молнию и увидел орден Красной Звезды… «Хлопцы, он свой!» — сразу же закричал. И тогда уже солдаты достали перевязочный пакет и стали рану перевязывать…

— Да-а, Петь, аналогичный случай произошел и со мной. Ну да ладно. Чего уж там… Война ведь…

— А Симку нужно похоронить… — говорит Баглай.

— Похоронят Симку солдаты, Петя. А нас повезут в госпиталь…

Майор везет нас теперь в медсанбат. Дорога — одни ямы. Сильно болит левое плечо. Держу руку, свесив вниз, как плеть, — не так больно. Проезжаем мимо места падения нашего самолета. Он ударился о землю «спиной». Белое пятно вместо машины… Из земли торчат закопченные стойки шасси, но уже ничто не дымится.

Я еду и думаю: «Сегодня я второй раз родился». В самом деле: лети я на машине казанского завода, в которой астролюк кабины намного короче, — мне, как говорят, была бы крышка.

Шофер плавно тормозит машину. Подъехали к медсанбату.

— Товарищ майор, скажите вашу фамилию, — прошу я, с трудом выбираясь из машины.

— Майор Иванов.

— Буду помнить. Спасибо за все.

— Поправляйтесь. И чтобы больше нам здесь не встречаться. Лучше уж я буду смотреть на вас, летящих высоко в небе.

— Постараемся, товарищ майор.

Проводив взглядом «эмку», входим в расположение санитарного батальона. В операционной палатке хирург сразу же хватает меня за здоровую руку и возбужденно говорит:

— Браток, дай хоть одну парашютную стропу. Нет шелка, нечем зашивать ребятам раны.

Я хорошо понимаю его. Парашют Сухарева я осматривал. В шелковом куполе два отверстия диаметром по полтора метра. Прогорел в нескольких местах. Знаю, что он непригоден к дальнейшей эксплуатации.

— Берите, — говорю хирургу.

— Превеликое, браток, тебе спасибо. Теперь живем.

Не суждено было этому ПЛ-3М спасти Сухареву жизнь. Но пусть он поможет многим солдатам и офицерам заживить их раны.

Через некоторое время Петро уже лежит на столе. Ему зашивают рану без наркоза. Он морщится, смотрит медсестре в лицо и молчит. Со мной хуже. Хирург (я внимательно смотрю на него) вздыхает и говорит:

— Ложитесь животом на стол и свешивайте руку вниз. Привяжем к ней груз, и она войдет в сустав. Как зовут-то вас?

— Николай. Бондаренко.

— Ну вот, Коля Бондаренко, придется вам потерпеть немного. Не бойтесь…

— Я не боюсь. Раз попал к вам в руки…

— Правильно!

К моей руке привязали ведро с водой, а потом еще и камень, но рука в сустав не вошла. Хирург задумчиво посмотрел на меня и спросил:

— А хотите, я ее под общим наркозом вправлю?

Соглашаюсь — другого выхода нет. Сестры привязали меня веревками к столу. Хирург сказал: «Считайте!» — и мне дают наркоз. Я начал считать, мне стало очень плохо. Захотелось крикнуть: «Не надо!», вырваться, но… в голове зазвенело и я провалился куда-то в бездну…

Очнулся после наркоза. Мое левое плечо туго перевязано. Подвигал подвязанной рукой — не болит. Осматриваю себя. Чувствую, стянута и правая нога. При приземлении на каменистую почву я сильно разбил правое колено. Врачи, не церемонясь с моими шароварами, разрезали правую штанину от стопы до бедра, перевязали колено и скололи куски двумя английскими булавками. В таком виде меня посадили вместе с Баглаем и другими ранеными в кузов грузовика и повезли во фронтовой госпиталь Ровеньки.

После осмотра там врачи принимают решение отправить нас в авиационный госпиталь Зерноград.

— Доктор, было бы лучше, если бы вы отправили нас в полк. Там и госпиталь есть, — говорю врачу-женщине, вспомнив, что неделей раньше туда положили командира звена Покровского и его штурмана Лакеенкова.

— Ни в коем случае. Даже не говорите об этом, — возмущается врач.

Утро восьмого августа. В госпитале ждут самолет, который должен доставить нас в Зерноград. За прошедшие дни я еще два раза напоминал врачу о нашем полковом госпитале и дважды получал резкий отказ.

Сестра ведет нас к взлетно-посадочной площадке сани, тарных У-2. А вот уже подруливает «кукурузник». Так фронтовики величают этот маленький санитарный самолет.

— Попухли мы с тобой, командир, — говорит Баглай.

Сестра дает летчику документы и властно распоряжается:

— В Зерноград обоих!

— Сколько мне еще рейсов сегодня? — спрашивает летчик.

— Два.

— Нормально.

И тут у меня созрело решение. С врачами и сестрами я не договорился и не договорюсь. А с летчиком, коллегой?.. Улучив момент, делаю строгое лицо, подхожу к пилоту и спрашиваю:

— Ты летчик?

— Да, летчик, — отвечает он и меряет меня взглядом с

головы до ног.

— И мы летчики. Вот что: повезешь нас не в Зерноград, а в полк. Понял? Если только ты летчик, — бью по его самолюбию. — Посмотри, разве нас на носилках принесли?

Мой расчет оправдался.

— А где ваш аэродром? — спрашивает он.

— Аэродром Мечетный.

— О, знаю. Полк Валентика… Бывали там не раз.

— Вот и хорошо.

Летчик быстро чертит на карте от Ровеньков до Мечетного линию, отсчитывает курс. Мы садимся в воздушную санитарку и — как хорошо! — летим домой. Но по сравнению с нашей скоростной ласточкой «кукурузник» очень долго преодолевает это стокилометровое расстояние. У меня нет карты, чтобы по ней ориентироваться, а У-2 всю дорогу идет бреющим. Я даже подумал: «Везет в Зерноград, окаянный!» Нет, мы, летчики, — народ покладистый! Вот он, наш аэродром в степи, наша родная Мечетка! Я слышу, как бьется сердце.

Посадка. Выходим с Петром из кабины. Несем свои пожитки. Ребята нас узнают и бегут навстречу. Быстро идут к нам командир полка Валентик и замполит Кантор. На аэродроме находится и служивший ранее в Энгельской школе полковник Дергунов — начальник политотдела дивизии. Вид у меня явно не строевой, но я, как положено, иду к Дергунову с докладом.

— Ладно, ладно, Бондаренко, — машет он рукой. — Я всегда и всем говорю, что лучше летчиков, чем выпускники Энгельской школы, нет. Рассказывай без доклада.

Здороваемся. Коротко рассказываю о том, что произошло с нами в полете пятого августа. Сейчас обеденное время. Но ребятам не до еды. Все прибежали сюда. Пришли многие техники и многие из обслуживающего столовского персонала. Тетя Таня — повар, готовящая всегда вкусную — «высотную» — еду, сняла с головы белоснежный колпак и вытирает им слезы.

— Тетя Таня, не надо. Тетя Таня, и ты, Лидочка, — обращаюсь к официантке, — накормите, пожалуйста, летчика с У-2. Мой обед ему отдайте. Он хороший товарищ.

— Да если бы была только одна забота — кормить вас, мои дорогие… Такой хороший был Сухарев. Бывало, покушает и всегда подойдет к окну спасибо сказать… Не подойдет он уже больше…

— Не плачьте, тетя Таня. Слезами горю не поможешь.

Летчик санитарного У-2 стоит еще минутку с нами, смотрит на нашу дружную боевую семью. Но его ждут раненые, и он, распрощавшись со мной и Баглаем, спросив у Дергунова

разрешение, направляется в столовую. По распоряжению Валентика мы идем к машине, которая повезет нас в полковой госпиталь. С нами рядом наши товарищи. Но в это время с КП выскочил начальник оперативного отделения штаба капитан Мазуров и дал зеленую ракету. Забыв о нас и об обеде, экипажи быстро побежали к своим самолетам.

— Куда, Саша? — успеваю я спросить командира звена Пронина.

— Аэродром Сталино. С пикирования, Колька! Эх, елки зеленые, дрожите, фашисты!.. — на ходу бросает Пронин, удаляясь.

Я стою у открытой двери кабины полуторки. Смотрю, как дружно наши летчики запускают моторы и выруливают на старт.

Первым на взлет идет батя — Валентик. За ним по одному взлетают летчики и командиры. Они собираются в группу, проходят над аэродромом парадным строем и берут курс на запад. Я смотрю не отрываясь на удаляющиеся самолеты. Через сорок минут будет нанесен мощный бомбовый удар с пикирования по вражескому аэродрому. Знайте, господа фашисты, это вам не сорок первый. Кончилось то время, когда вы безобразничали безнаказанно!

…Молодой шофер Ваня аккуратно ведет машину по неровной дороге. Я думаю об ушедших на задание товарищах, о сильном зенитном огне, которым меня и Моисеева встречали фашисты над аэродромом Сталино, и о том, что я снова в своей родной семье.

Прибываем в госпиталь.

— Го-о! Разведчики везде первые! — смеясь, громко говорит Покровский, стоя на пороге утопающего в зелени домика — госпиталя.

— Товарищ командир, прибыли поправить свое здоровье! — шучу я.

— Ну и оборванец! Где тебя так угораздило?

— Пришлось сражаться с костлявой старухой, командир!

— Здорово, — пробасил он.

На наш говор выбежал из палаты Митя Лакеенков. Мы с ним расцеловались и на радостях запели известную в то время частушку:

Эх, летчики-молодчики
Всю страну прославили,
Всю страну прославили
Челюскинцев доставили!

После выписки из госпиталя у меня еще долго при резких

движениях болело левое плечо. Капитан Вишняков рассказал, что такая травма плечевого сустава была при прыжке с парашютом у воевавшего под Сталинградом летчика 30-го полка Константина Гавшина. Но вероятно, за всю историю Пе-2 никто из летчиков не выпрыгивал в астролюк кабины. Ребята потом долго подшучивали: «Коля, здорово же ты в форточку выскочил!»

* * *

Пока мы с Покровским находились в госпитале, на разведку летал экипаж Моисеева. Но как-то, уходя в облаках от «мессеров», Моисеев потерял ориентировку и сел где-то между Доном и Северным Донцом. И на разведку послали Ермолаева. Это был его первый боевой вылет.

Экипаж Ермолаева состоял из штурмана эскадрильи Лашина и стрелка-радиста Хабарова. Лашин и Хабаров — опытные воздушные бойцы. За их плечами боевой опыт Сталинграда. Их боевые дела отмечены правительственными наградами. Капитан Лашин — чуткий, отзывчивый товарищ, грамотный штурман, уделяющий много внимания подготовке молодых летчиков и штурманов. Мы, однополчане, гордимся, что ныне Михаил Афанасьевич — гвардии генерал-майор авиации, начальник одного из штурманских военных училищ страны.

Хабаров так же опытен в своем деле, как и Лашин. Я был свидетелем того, как настойчиво обучал он подчиненных — стрелков-радистов — держать связь, как он щедро делился с ними боевым опытом. Пулеметы Хабарова всегда исправны, всегда готовы к действию. Недаром он первым в нашем полку «спустил» с неба на землю Ме-110.

Не имеющий боевого опыта Ермолаев понимает ответственность, которая на него легла: во что бы то ни стало выполнить боевое задание, сохранить жизнь замечательных людей и дорогостоящую машину. Знает он еще и то, что, несмотря на большой боевой опыт штурмана и стрелка-радиста, машину все-таки вести ему — Ермолаеву: Лашин и Хабаров за штурвал не сядут.

Взлет, Лашин дает курс к линии фронта. Ермолаев старательно выдерживает заданный режим в наборе высоты. Хочется «наскрести» побольше, но вот «пешка» уперлась в свой практический потолок — семь тысяч восемьсот метров. Машина стала вялой в управлении, инертной, с ограниченной маневренностью. Впереди линия фронта. Ее демаскирует река Миус и тянувшийся с юга на север противотанковый ров. В

утренней туманной дымке они сливаются далеко на севере.

Решено выйти в Азовское море и заходом с юго-востока сфотографировать скопление кораблей вблизи Таганрога.

Хабаров передает по радио первый результат разведки. В их работе чувствуется слаженность.

Экипаж выполняет задание и ведет усиленное наблюдение за воздухом, ведь в любую минуту может появиться противник. Сфотографировав корабли, Лашин дал курс на Мариуполь. По заданию нужно сфотографировать порт, железнодорожную станцию и аэродром. Когда разведчик появился над этими объектами, ударили зенитки. Разрывы снарядов ложатся рядом с самолетом, но все идет благополучно. Теперь, как это с высоты кажется, и рукой подать до конечной точки маршрута — узловой станции Волноваха.

На подходе к ней также встречают и провожают огнем зенитки. Но и сейчас все обошлось нормально. Курсовая черта нижнего остекления кабины медленно плывет по земле и режет Волноваху надвое. Заработали фотоаппараты. Лашин вслух считает эшелоны. Их двадцать восемь. Закончено фотографирование.

— Хабаров, передай на КП: Волноваха, двадцать восемь составов на станции и два на подходе со стороны Мариуполя! — дает команду Лашин стрелку-радисту.

— Понял вас! — отвечает тот.

Ермолаев выполняет правый разворот для выхода на обратный курс. И вдруг — сильный удар! Самолет резке стало разворачивать вправо. Обратным действием рулей поворота и элеронов Юрий с трудом прекратил внезапный разворот машины. Правый мотор работает, но в его гуле слышен частый, резкий металлический стук. Что это? Обрыв шатуна? Приборы показывают норму, но чувствуется по всему, что с правым мотором что-то случилось. А тут еще Хабаров передает:

— Командир! На две тысячи ниже идут нашим курсом с набором высоты две пары «мессеров»!

— Взять курс в сторону солнца! — подал Ермолаеву команду Лашин и быстро перезарядил свой пулемет.

— Встречать «мессеров» огнем! — распорядился Ермолаев, выполняя команду Лашина.

Солнце стало союзником, прикрыло своими лучами самолет. Проходят напряженные минуты. Хабаров и Лашин у своих пулеметов; Ермолаев держит полный газ.

— Где истребители? Вы видите их? — спрашивает он у экипажа.

— Вижу! Уходят влево! Продолжай, командир, полет тем же

курсом! отвечает Лашин.

Вскоре истребители исчезли. Теперь нужно позаботиться о правом моторе. Его металлический стук не дает покоя всему экипажу. Из мотора выбило много масла. Температура масла и воды повысилась настолько, что стрелки приборов зашли далеко за красную запретную черту, а манометр давления масла показывает нуль. Юрий понимает: медлить нельзя! Сейчас решение может быть одно: выключить правый мотор. В противном случае его заклинит или он загорится.

— Даю мотору по лапкам! — говорит он с иронией.

Вдвоем с Лашиным они оценивают обстановку: до линии фронта более ста, до своего аэродрома около двухсот пятидесяти километров. Много! Дальнейший полет возможен только со снижением.

— Дотянуть до своей территории хватит высоты? — спрашивает Лашин у Ермолаева.

— Хватит. До своей территории хватит. А там посмотрим, — отвечает тот и смотрит на большую стрелку высотомера, которая ползет по кругу, показывая снижение.

— Чтобы не встретиться с «мессерами» вновь, выходи на Азовское море. Там спокойнее, — говорит Лашин.

— Понял.

Юрий держит наивыгоднейшую скорость полета на одном моторе. Уже потеряно две с половиной тысячи метров высоты, а пролетели немного. Все время он и Лашин контролируют работу «здорового» мотора по показаниям приборов. Юрий старается не перегреть его.

— Единственная надежда! — говорит он, глядя на левый мотор.

— Выдержит? Ведь ему работать на максимальном режиме еще час? — спросил штурман.

— Выдержит. Должен выдержать!

Юрий попробовал снизить режим, но высота!.. Она стала падать катастрофически быстро. Скрепя сердце Юрий снова дал сектор газа вперед до отказа.

— Друзья, как наши дела? — спрашивает Хабаров. — Я сижу в этой каталажке и вижу запачканные маслом мотор и шайбу.

— Нормально, Сережа, нормально. Тяну потихоньку… Тише едешь — дальше будешь, — отвечает Ермолаев, называя стрелка-радиста по имени, которое тот сам себе дал в память о погибшем товарище.

— От того места, куда едешь…

— Юра, как-то не по себе, когда одна «палка» остановлена.

— А ты бы хотел, чтобы и вторая остановилась?

— Да нет, не дай бог — внизу фашисты. Сегодня ты сдаешь экзамен на боевую зрелость. Знай это!

— Знаю. В полную силу стараюсь не опозорить авиацию и вас, сталинградцев. Надо хорошенько смотреть за воздухом!

— Смотрю! За это будь спокоен. Появятся «мессы» — спуску не дам. А ты, Ермолайчик, тяни потихоньку.

— Тяну!

— Михаил, сколько километров осталось до линии фронта? Это справа, за морем, Ейск?

— Мало осталось: тридцать километров, — занижает цифру Лашин. — Да, за морем Ейск. А точнее — за Таганрогским заливом. Спой нам, Хабаров, что-нибудь!

— Ты все шутишь?

— А почему бы мне не пошутить? Летчик у меня мировой, домой доставит знаю точно!

На высоте две тысячи шестьсот метров пройдена линия фронта. Над своей территорией стало как-то сразу веселее. Но показания приборов совсем никуда не годятся. Температура воздуха у земли высокая — начал сильно греться работающий мотор. Стрелки приборов температуры воды и масла наползают на красную, запретную черту. Того и гляди, откажет второй мотор. Ермолаев сбавил немного газ. Высота падает быстрее, но и аэродром все ближе и ближе. Плотность воздуха у земли высокая — для полета хорошо, но левый мотор так нагрелся, что стал совсем плохо тянуть. Лашин смотрит за показаниями приборов и через каждые две минуты говорит Ермолаеву расстояние до аэродрома Мечетный.

— Шесть километров осталось. Доверни вправо двадцать градусов, чтобы садиться с ходу! — говорит он.

— Хорошо. Доворачиваю. Шасси выпускать по моей команде!

— Понял.

Высота двести метров. С этой небольшой высоты видны на аэродроме капониры, самолеты, землянки. Видно посадочное «Т». Юрий, довернув вправо, старается сесть с ходу.

— Выпустить шасси! — дает он команду Лашину.

— Выпускаю… Смотри хорошенько, Юра, — говорит Лашин и ставит рукоятку шасси на «выпущено».

Из-за сопротивления выпущенного шасси стала резко падать высота, которая и так очень мала.

— Не хватает высоты! Включаю правый мотор! — громко крикнул Ермолаев.

Включено зажигание. Из выхлопных патрубков правого мотора вырвался сноп искр, а затем с выстрелами — пламя. Резкая тряска — и мотор неуравновешенно заработал.

— Хорошо, хорошо! Посадочные щитки выпускать некогда!

— Добира-аю! — громко тянет Ермолаев и производит с недолетом метров двести отличную посадку.

— Дома, братцы! Дома! Чего еще лучшего желать? — послышался восторженный голос Хабарова.

Срулив самолет с посадочной полосы влево, Ермолаев остановил его и выключил моторы.

Катит «санитарка», бегут техники, летчики и все, кому просто интересно поглазеть, — знакомая авиационная картина.

Не успел экипаж покинуть кабину, как техники уже сняли нижний капот правого мотора. На траву течет горячее масло. В левой части картера видна пробоина. Из нее торчит шатун и выходит слабый, похожий на пар, дымок.

— Обрыв шатуна, — дает заключение подошедший сюда старший инженер полка инженер-майор Мазалов.

— Да, обрыв… Но будет мотор, товарищ инженер-майор, и завтра к вечеру будет готов к полету самолет, — говорит техник Николай Мармилов.

— Мотор будет. Идите за трактором и ставьте самолет в капонир.

— Да какой там трактор! Все равно нам на стоянку идти. Бери, ребята! Покатили! — послышался голос техника Георгия Долгопятова.

А в это время товарищи поздравляют Юрия с первым боевым вылетом. И… оборванным шатуном. Стоит Ермолаев весь мокрый и счастливый и благодарно смотрит на свой экипаж.

— Доложу командиру эскадрильи Генкину, — говорит Лашин, — что ты сегодня отлично сдал экзамен на боевую зрелость. Молодец, Ермолайчик! — Он вынул платок, вытер им лицо, белокурую голову и добавил: — Пошли докладывать майору Соколову о выполнении задания.

…Закончился боевой день. У КП полка построение летного состава. Валентик командует:

— Равняйсь! Смирно! Летчик Ермолаев, выйти из строя!

Ермолаев печатает три шага вперед и поворачивается кругом.

— Товарищи, — говорит взволнованно Валентик, — мы сегодня были свидетелями того, как в трудной боевой обстановке — при отказе мотора за линией фронта и преследовании истребителями — летчик младший лейтенант Ермолаев со штурманом Лашиным и стрелком-радистом Хабаровым, проявив отвагу и мужество, отлично выполнили боевое задание на разведку. Товарищ Ермолаев, поздравляю вас с первым успешным боевым вылетом. От лица службы объявляю благодарность!

— Служу Советскому Союзу! — четко ответил Ермолаев.

— С сегодняшнего дня вы — боевой летчик. Становитесь, товарищ Ермолаев, в строй. А вы, товарищ майор, — обратился Валентик к начальнику штабв, передайте мое приказание начстрою Кошевому, чтобы он записал благодарность в личное дело Ермолаева.

— Есть!

* * *

Боевая работа нашего полка продолжается. В одном из боевых полетов погиб командир третьей эскадрильи майор Железный. Генкин, Покровский и я, совсем еще неопытный в командирских делах, шагнули вверх по служебной лестнице. Я стал командиром звена разведчиков. Это наложило на меня новые обязанности.

А вскоре пришло радостное известие: меня наградили орденом Красного Знамени.

Из-за отсутствия Покровского и меня экипаж Петра Моисеева выполнял ежедневно по два-три боевых вылета на разведку. Моисеев, с которым я соревнуюсь (в нашем полку и во время войны было организовано соревнование), опередил меня по количеству выполненных успешных боевых вылетов почти вдвое. Мне надо было срочно наверстывать упущенное.

В мой экипаж назначен новый штурман. Младший лейтенант Зиновьев. Борис Зиновьев — очень сообразительный, в совершенстве знающий свое дело штурман. Кроме того, он — большой остряк. Любит подтрунить над ребятами, умеет дать удивительно меткие, накрепко прилипающие прозвища. Вместе с тем Зиновьев хороший, верный товарищ. Правда, мне и Баглаю как-то непривычно, что в нашем экипаже новый человек. Но что поделаешь, война есть война.

…Первое боевое задание в район Донбасса.

Помню, когда мы покидали КП, капитан Василий Игнатьевич Мазуров предупредил меня:

— Бондаренко, за линией фронта не лезьте на рожон.

— Я не лезу, товарищ капитан. Но задание, которое вы дали, нужно же выполнить?

— Задание нужно выполнить, а на рожон лезть не надо, — предупредил еще раз Мазуров.

Прибываем на стоянку самолетов. Осматриваю машину. Запускаю моторы. Выруливаю на старт и взлетаю. Убираю шасси и после уборки шасси убираю посадочные щитки, выпущенные для облегчения взлета. Но они не убираются. Такого фокуса я на

Пе-2 еще не встречал.

— Баглай, посмотри, что там с щитками, — прошу стрелка-радиста.

— Что ты сказал? Не понял. С какими щетками?

— Не щетки, а щитки! Щитки посадочные посмотри, Петя!

— Понял. Сейчас.

После небольшой паузы снова в наушниках голос Баглая:

— Командир, щитки выпущены полностью. Все нормально.

— Тебе нормально, а мне ненормально! Я пошел на посадку!

Зиновьеву все это не понравилось. И когда мы идем на запасную машину, он прямо говорит нам:

— Вороны вы пуганые, а не лётчики…

— Ступай к начальству, докладывай и освобождайся от пуганых!.. Не нравлюсь — ищи другого летчика!.. — вспылил я.

— Ладно, не будем шуметь… — миролюбиво пробурчал он себе под нос.

Взлетаем на запасной машине. И хорошо выполняем боевое задание.

Со временем эта размолвка стерлась в памяти, мы привыкли друг к другу и стали жить душа в душу. Борис отлично ориентируется в воздухе, грамотно ведет разведку и, как мы шутили, чует свой аэродром по запаху наркомовских ста граммов.

Летаем в основном в те же районы, в которые летали и раньше. Под крыльями наших самолетов проплывают Таганрог, Мариуполь, Осипенко, Сталино и другие шахтерские города.

30 августа 1943 года освобожден Таганрог. Мы еще не знаем, что жизнь, боевая работа уже навечно связывают нас с этим городом.

Немцы отступают. Наша помощь наземным войскам не требуется, и на бомбардировочные удары полк не летает. На разведку же тылов отступающего противника я и Моисеев «ходим» почти каждый день.

У наших самолетов подработан ресурс моторов. Стали появляться отказы.

Однажды после взлета на задание и набора высоты четыре тысячи метров из расширительного бачка водяной системы правого мотора стала бить фонтаном вода. Ясно, что высотный полет выполнять невозможно. Возвращаюсь. Но стартех Щербинин не верит мне.

— Не может этого быть! — с ноткой удивления говорит он.

Тогда командование отправляет меня вместе со стартехом на облет этой машины, чтобы тот проверил все сам. Вместо того чтобы дать исправную машину в проводить на задание, меня заставляют (вот еще развлечение!) катать над Павловкой

стартеха.

Взлетаю. Набираю высоту четыре тысячи метров. Сильно парит правый мотор. Если продолжать набор высоты, мотор от потери воды и недостаточного охлаждения перегреется и заклинит. Я умышленно выполняю глубокие виражи, а Виталий Гордеевич трясет меня за плечо и кричит:

— Не надо, верю, снижайся!

— Тебя бы за линию фронта сейчас прокатить. Что бы ты там сказал? гневно отвечаю ему.

Ненужная, а точнее сказать, обидная подозрительность по отношению к летчикам, особенно у тех, кто сам не летал на боевые задания, в нашем полку существовала. Некоторым товарищам почему-то казалось, что они Родину любят крепче, чем мы.

* * *

…22 сентября 1943 года. В этот день наш полк перебазировался на аэродром Люксембург-Розовка. Мы с Моисеевым начали летать на разведку в районы Мелитополя, Геническа, Армянска, Запорожья, Никополя, Каховки.

Отказы материальной части все-таки случались. Самолеты, дорабатывающие ресурс моторов, которые не могут нести полной бомбовой нагрузки, почему-то дают только мне и Моисееву. А ведь нам нужно почти на полной их мощности набирать высоту, летать далеко за линию фронта. А там самолет должен быть особенно надежным… Вот и в Люксембург-Розовке…

Получаю боевое задание на площадную аэрофотосъемку Перекопского перешейка. Шесть заходов. Высота фотографирования — семь тысяч метров.

Бегу к машине, и сразу начинается… Мой самолет не исправен — бегу на запасной самолет летчика Заплавнова.

Взлетаю.

Набираю высоту.

Все сначала шло хорошо, но на высоте шесть тысяч метров отказало высотное устройство бензиновой помпы правого мотора. Открываю кран кольцевания. С очень маленьким давлением бензиновая помпа левого обеспечивает работу обоих моторов. Посоветовавшись с Зиновьевым и взвесив все плюсы и минусы (машина «барахлит», работа рядом с аэродромом вражеских истребителей Аскания-Нова, удаление около ста километров за линией фронта), возвращаюсь, чтобы взлететь на новом запасном самолете и выполнить задание.

Взлетаю. Отхожу не очень далеко от своего аэродрома, и (будь ты проклят!) на правом моторе обрывается клапан и пробивает крышку блока. Опять возвращаюсь.

На стоянку самолетов прибывает начштаба Соколов. Он грозно, с этаким укором спрашивает:

— Так в чем же дело, товарищ Бондаренко?

Показываю Соколову запачканные маслом правый мотор, правую часть хвостового оперения и говорю:

— Вы думаете, товарищ майор, что я боюсь лететь на задание? Напрасно.

Соколов махнул рукой и, выругавшись, уехал. Зиновьев нервно курит и заключает:

— Сошлет он нас в штрафную роту.

— Тебя, Боря, нет, а меня наверняка сошлет.

Кажется, нет в полку такого самолета, на котором не летал бы мой экипаж. Прибываю однажды в эскадрилью Генкина. Мне дают самолет. Его готовил стартех Асалхаев. Долбали Долбалиевич улыбается и хвалит машину.

— Долбан Долбанович, — обращаюсь к стартеху, называя его, как многие в нашем полку, — зачем вы преждевременно хвалите?

— Машина отличная!

— Ладно, посмотрим…

Мои опасения оправдались. В полете на машине, так щедро разрекламированной Асалхаевым, вдруг начало вываливаться шасси. Подожму, пройдет немного времени, и «ноги» вываливаются снова. Так что по прибытии на свой аэродром Зиновьеву пришлось выпускать шасси аварийно.

Конечно, отказы материальной части случались в основном не по вине нашего технического состава. Просто моторы М-105, установленные на Пе-2, слабоваты мощностью, и поэтому Пе-2 плохо ходил на одном моторе. У них мал ресурс работы — сто пятьдесят часов. При работе (почти всегда на повышенном режиме) не выдерживают нагрузки некоторые детали. Отсюда и неприятности.

— Товарищ полковник, двести восемьдесят четвертый полк по вашему приказанию построен! Командир полка — майор Валентик!

— Здравствуйте, товарищи пикировщики!

— Здравия желаем, товарищ полковник! — прогремело в ответ на весь аэродром.

Прибывшие сегодня к нам командир дивизии Чучев, начальник штаба дивизии полковник Гаспарянц и другие офицеры штаба в хорошем настроении. Они даже немного взволнованы.

— Товарищи офицеры, сержанты и рядовые! — говорит полковник Чучев. Товарищи Валентик и Синица! Товарищи Вишняков, Забиворот и Генкин! Обращаюсь также ко всем штурманам эскадрилий, командирам и штурманам звеньев, ко всем летчикам, штурманам самолетов, стрелкам-радистам, техникам, механикам, офицерам штаба и политработникам. Не прошли бесследно дни вашей учебы в Сальске. Штабом соединения получен приказ командующего ВВС Красной Армии маршала авиации Новикова от второго сентября этого года, в котором наши полки поставлены в пример всем Военно-Воздушпым Силам страны. В боевую летопись Великой Отечественной войны вами вписана славная страница. Молодцы! Так нужно бить врага! Мы еще гвардейцами станем! Как, товарищи, добьемся этого высокого звания?

— Добьемся! — снова прогремело над аэродромом.

— В этом я не сомневался. Полковник Гаспарянц, зачитайте приказ маршала.

Мы внимательно слушаем приказ маршала авиации Новикова, в котором отмечены труд и подвиги каждого военнослужащего нашей дивизии.

Командиру дивизии Чучеву, начальнику штаба Гаспарянцу, штурману дивизии подполковнику Федоренко, всему летному составу 86-го и 284-го полков «за высокую выучку по бомбардировочной подготовке и производство боевых действий с пикирования» объявлена благодарность.

Этим же приказом награждены именными часами командиры полков Белый и Валентик, командир эскадрильи капитан Палий, командиры звеньев Никитин и Майков, летчики Харин и Болысов.

— Все правильно! — вырвалось у стоявшего рядом со мной Пронина, когда был зачитан приказ.

— Товарищ полковник, сегодня у нас праздник: такой приказ зачитан! восторженно обращается к комдиву летчик Угаров.

— Да, товарищ Угаров, приказ действительно хороший. Мы первыми на советско-германском фронте применили бомбометание с пикирования группой. И обучили этим действиям все экипажи. Это я вам скажу!.. Вот вы, товарищ Пронин, сколько раз бомбили с пикирования?

— Сорок пять, товарищ полковник.

— Ну вот, еще тридцать пять вылетов — и Пронин Герой! Товарищи, вы знаете, что за восемьдесят выполненных боевых вылетов на бомбометание с пикирования по приказу Верховного Главнокомандующего положено представлять к званию Героя Советского Союза? — спрашивает нас комдив.

— Знаем! — гудят голоса.

— Мы, летчики, пикирование очень любим, — обращаясь к Чучеву, говорит Василий Герасимов. — Когда ставится боевая задача на бомбометание с горизонтального полета, у нас даже портится настроение. А вот с пикирования!..

— Знаю. Я уже не раз слышал об этом. Пикирование при всем при том еще и отличный противозенитный маневр! А у вас, товарищ Герасимов, сколько боевых вылетов? Почему-то вы без награды. Помню, на вас давно уже наградной материал был.

— Он свой орден в чемодане хранит. Бережет до дня победы! — бросает шутку стрелок-радист Монаев.

Не слушая Монаева, Герасимов отвечает на вопрос комдива:

— У меня, товарищ полковник, сорок вылетов, — затем он переводит взгляд на стрелка и, показав ему кулак, уже другим тоном произносит: — Вот закончится построение, и я скажу тебе, как разведчик разведчику…

— Скажи, скажи ему, тезка! — засмеялся летчик Василий Голубев.

— А гвардейцами мы скоро будем, товарищ полковник? — перебивая всех, громко спрашивает штурман Сенкевич.

— Могу по секрету сказать: скоро, товарищи, будем гвардейцами! Но учтите: бить врага уже сейчас надо по-гвардейски! Бить его надо так, чтобы скорее изгнать с нашей священной земли. Ну что ж, может, уже и хватит разговоров? Вы новые цели получили?..

— Есть цели, — отвечает капитан Вишняков.

— Желаю успеха! А как на пикировании, именно на пикировании, девятый гвардейский вас прикрывает?

— О, с асами девятого гвардейского мы чувствуем себя спокойно. «Худых» чертей к строю и близко не подпускают!

— Молодцы! Так командиру полка Морозову можно и передать?

— Так и передайте!

— До свидания, товарищи.

— До свидания, — дружно ответили мы.

* * *

…27 сентября 1943 года. На старт с пикирующим вариантом подвески бомб выруливают самолеты эскадрильи Генкина. Получив задание на разведку в районы Мелитополя, Каховки, Херсона, Большой Лепатихи, Апостолова, Никополя, Большой Белозерки, Михайловки, я тоже выруливаю на старт. Каждый раз, уходя на разведку, знаю, что мои боевые друзья или уже улетели,

или собираются на задание. И напрашивается вопрос: «Все ли мы прилетим домой?»

Выполнив боевое задание, приземляю машину и заруливаю ее на стоянку. Летчики и техники стоят понурые. Догадываюсь — произошло что-то непоправимое.

_ Кто-то не вернулся с задания, — говорит мне Зиновьев, внимательно разглядывая собравшихся. — Да, это чувствуется по обстановке…

На стоянке техник Занегин. Он стоит слева — выключаю первым левый мотор.

— Что случилось? — спрашиваю техника, сбросив с головы шлемофон.

— Самолет Генкина не вернулся. Прямое попадание снаряда, — отвечает он.

— Генкин? — с болью вырывается у меня. Как же это так!.. А?

Выходим с Борисом из кабины. Спрашиваю у ребят подробности гибели экипажа Генкина, по в это время подъезжает полуторка, мы садимся в кузов и едем докладывать майору Соколову о выполнении задания. Когда он сказал: «Вы свободны», я направился к летчикам третьей эскадрильи.

— Ты летал сегодня, Юра? — спрашиваю Ермолаева.

— Летал.

— Как все произошло?

— Произошло так, как происходит, когда в центральный бензобак попадает крупнокалиберный снаряд. Машину мигом охватило пламя. Генкин «клюнул» вниз, сбросил бомбы, дотянул на свою территорию, и все трое — Генкин, Раицкий и Минченков — выпрыгнули.

— Много было разрывов зенитных снарядов?

— Вагон и маленькая тележка! Под Мелитополем они лупят как ошалелые! отвечает штурман звена Лакеенков.

— Ведь что произошло? Мы должны были бомбить станцию Райхенфельд с боевым курсом двести тридцать градусов, — начал рассказывать Ермолаев. — И только решили перестраиваться для пикирования по звеньям, как сильным заградительным огнем ударили зенитки. Поверь, Коля: света белого не видно из-за разрывов.

— Знаю, приходилось на своей шкуре испытать.

— Ну вот. Командир отвернул влево. Мы ушли за линию фронта и зашли на станцию с тыла. Но в момент подачи командиром сигнала на перестроение в его самолет попал снаряд. Произошла, скажу, небольшая заминка, а потом Покровский с Лакеенковым взяли команду на себя, и мы, выпустив тормозные решетки, пошли восьмеркой в атаку на

станцию.

— И положили бомбочки точно в цель! — дополняет рассказ Ермолаева стрелок-радист Зубенко.

— Потеря сегодня большая. Нет с нами командира Генкина, штурмана Раицкого и начальника связи Минченкова, — говорит летчик Анучиков, затягиваясь папиросой.

— Это верно, что их ветром отнесло за линию фронта?

— Верно, Коля. Я хорошо видел, — подтверждает штурман Иващенко. — У фашистов им, конечно, не поздоровится…

— Может, они еще вернутся? Ведь на войне всякое бывает… — с надеждой говорит Ермолаев. И, немного помолчав, добавляет: — Не укладывается, братцы, все сегодняшнее в голове. Не укладывается…

После освобождения станции Райхенфельд туда была послана группа однополчан под командой начальника воздушно-стрелковой службы полка капитана Вигдорова. И мы узнали немногое, но страшное.

Штурмана эскадрильи капитана Раицкого, приземлившегося километром западнее Генкина и Минченкова, немцы долго преследовали с овчарками. Он отстреливался и был убит.

Когда фашисты схватили Генкина и Минченкова и стали кричать: «Юдэ! Юдэ!» — Генкин плюнул офицеру в лицо. Гитлеровцы стали его бить автоматами, а затем слили из грузовой машины в ведро бензин, облили их и подожгли.

Но и на этом фашистские изверги не остановились: они сровняли с землей месте захоронения Раицкого и в течение двух недель не разрешали населению похоронить Генкина и Минченкова. И все же нашлись люди, которые под покровом ночи присыпали обгоревшие тела героев землей.

Группа Вигдорова похоронила Генкина и Минченкова у зеленого тополя-великана, далеко разбросившего свою богатырскую крону.

Еще придут далекие, светлые послевоенные дни, и жители села Плодородное Мелитопольского района перенесут их останки в братскую могилу. Над ней расцветут цветы. Зашумит листвой посаженный пионерами парк. Станет на гранитный постамент бронзовый солдат. Приедут однополчане. Приедут, положат красные гвоздики и уронят горючие слезы жена, сестра и дочь Генкина. Они увидят зажиточную, привольную колхозную жизнь, искрящийся виноград, склонившиеся к земле ветки яблонь. Расскажут о своем отце, брате и муже. И услышат: «Мы внаем, что за родной край отдали жизнь лучшие наши люди, поэтому стараемся сделать для Родины больше хорошего, чтобы жить за себя и за них… Оставайтесь у нас. Будете всем нам родными». Но

это придет, и придет не скоро…

А сейчас мы, однополчане, жестоко мстим врагу за смерть боевых друзей. Мстим и за погибших в боях за Мелитополь товарищей из экипажей Ковалева и Попурина…

Экипаж Панфилова после инцидента со своими «яками» на разведку уже не посылают, а назначенный в мое звено экипаж Угарова летает ведомым у командира полка. Так что больше всех, как говорится, работенки по разведке достается нам с Моисеевым. Мы этим довольны. Все новые и новые сведения о фашистских войсках доставляем командованию.

…В одном из вылетов за Днепр я замечаю неподалеку от крупного населенного пункта множество немецких самолетов-бомбардировщиков, стоящих в степи.

— Борис, посмотри! — кричу и толкаю Зиновьева, записывающего что-то в бортовом журнале.

— Аэродром Большая Костромка! Его никто еще не знает! — обрадованно произносит Борис и быстро вслух считает самолеты.

— Захожу на фотографирование!

— Заходи!

— Вот это подвалило нам медведя сегодня, — говорю Борису, выполняя заход.

— Баглай!

— Слушаю!

— Передай закодированно на КП: разведан аэродром Большая Костромка. На нем сто пять двухмоторных бомбардировщиков! — дает команду стрелку-радисту Зиновьев.

— Понял, передаю! — коротко отвечает Баглай.

— Ты хорошо сосчитал? — спрашиваю штурмана.

— Хорошо. Борис Зиновьев считает самолеты на аэродромах с точностью плюс минус три. А мою ошибку, если она будет, поправит вот эта шкатулочка, отвечает Зиновьев, выключая тумблеры на щитке управления фотоаппаратами.

Мы находимся в дальней точке маршрута. Это не очень приятно. Я часто поглядываю на лежащую далеко-далеко на восточном горизонте легкую синеватую дымку. Скорее бы туда, домой.

— Слушай, Борька, а если, не дай бог, фотоаппараты замерзли и не сработали? Давай я еще разок зайду. Для гарантии… — говорю обеспокоенно штурману.

— Давай! — соглашается Борис.

Делаю повторный заход, и Зиновьев снова проходится по тумблерам управления фотоаппаратурой.

— Вот теперь моя душенька спокойна, — говорю, отваливая резким разворотом от аэродрома противника.

— Командир, бьют зенитки! — докладывает Баглай.

— Да черт с ними!

— И первый и второй раз ты прошел над центром летного поля. Фотоаппараты работали отлично. Я на «бесконечность» дал. Так что снимков наклепали много! — смеется Зиновьев.

— Петя, истребители в воздухе есть? — спрашиваю у стрелка-радиста.

— Пока не вижу, командир.

— Хорошо, летим домой.

Мы, разведчики, после боевого задания пропадаем в фотоотделении полка. Очень хочется скорее узнать результаты своей работы. Сегодня у нас особенная радость: в обоих заходах отлично заснят новый аэродром. Зиновьев ошибся в подсчете на три самолета. На снимках — сто восемь бомбардировщиков «Юнкерс-88».

Фотографируя что-то новое, я и штурман стараемся «протянуть» снимки: захватить и рядом лежащий населенный пункт или что-то характерное на земле это для того, чтобы «привязать» объекты к карте. Вот на снимках село Большая Костромка, а вот аэродром. И село, и аэродром, и дорожки, и овражки «привязываются» к карте-двухкилометровке.

В экипаже мы этот немецкий аэродром зовем «нашим». За ним теперь каждый день наблюдают разведчики дивизии. Ведь «юнкерсы» не на парад собрались! А однажды я увидел их летящими бомбить наши войска. Во мне сразу закипела кровь.

— Баглай! — закричал я. — Передавай непрерывно на волне наведения открытым текстом: «Я — «Полюс-девятнадцать». От Михайловки с курсом девяносто, без прикрытия, на высоте три тысячи метров идут тридцать Ю-88. Предположительно идут на Большой Токмак!» Передавай, пусть их наши истребители хорошенько по шерстят!

— Понял, командир, передаю!

— Ух, воронье проклятое! — зло произносит Зиновьев.

…Уже октябрь. Стоит хорошая осенняя погода. Бездонное голубое небо покрыто полупрозрачными перистыми облаками. Отличная видимость. В высотном полете от Днепра хорошо просматривается северная береговая черта Азовского моря. Далеко-далеко на ее восточной окраине виден входящий мысиком в море, ставший уже тыловым город Таганрог. А далеко на западе видны на земле большие темные пятна — это ожидающие освобождения Николаев и Одесса.

Однажды в теплый вечер бабьего лета в Люксембург-Розовке стрелок-радист Роман Хабаров пригласил меня отведать терна. За этим кислым развлечением я вспомнил, что он, Хабаров, сбил под

Сталинградом немецкий истребитель «Мессершмитт-110». О самолетах противника мне, разведчику, нужно многое знать. Поэтому я засыпал его вопросами.

— Слушай, ты под Сталинградом «сто десятого» завалил. Что за жар-птица? Расскажи.

— Это, брат, такая птица — настоящий стервятник. А впрочем, не так страшен черт, как его малюют, — то ли в шутку, то ли всерьез отвечает Хабаров.

— И то верно. Ты его сбил!

— Ну, сбил. Подвернулся — я его и шарахнул. Еще если встанет на пути спуску не дам. Только так с ними надо…

— А почему же мой стрелок-радист не может спустить его с неба?

— Может, конечно, и твой! У «мессера» есть свои слабые места: баки заправляются горючкой…

— Ну вот. А немецкий бензин горит ведь неплохо, правда?

Прошло два дня, и в мой пятьдесят шестой вылет состоялась встреча со «сто десятым».

Было это так. В двадцати километрах южнее Мелитополя я прошел линию фронта и углубился в тыл врага на тридцать километров. Высота — семь тысяч двести метров. Со мной летят Зиновьев и стрелок-радист Леонид Инжеватов. Борис приступил к выполнению задания. Осматривая внимательно переднюю полусферу, я увидел, как справа от курса с превышением в триста метров нам наперерез идет двухмоторный, с «обрубленными» концами крыльев немецкий самолет. В это время дистанция между нами — полторы тысячи метров. Для встречно-пересекающихся курсов это очень маленькая дистанция.

— Боря, посмотри! — быстро показываю «сто десятого» Зиновьеву и принимаю решение развернуться назад.

— Голубчики, здоровеньки булы! — крикнул и по-своему, по-зиновьевски, захохотал штурман.

Со снижением я кладу машину на крыло. Крен получился за шестьдесят градусов. Произошла перемена рулей. Что есть силы, тяну обеими руками штурвал на себя, чтобы быстро развернуться на сто восемьдесят. Затем резко выхожу из разворота. И слышу голос Зиновьева:

— Инжеватов, «сто десятый» сзади! Хорошо охраняй нижнюю полусферу!

— Есть!

Веду машину в направлении своей территории с «прижимом», чтобы разогнать наибольшую скорость.

— «Мессер» заходит справа сверху для атаки! — кричит мне Зиновьев. Слушай меня! Буду давать маневр — куда отворачивать

машину!

— Понял! — Я полностью доверяюсь ему: Зиновьев очень сообразительный человек.

— Заходит, заходит, заходит… Успокаивается… Прицеливается… Вправо вниз! — дает мне команду Зиновьев, но сам почему-то не стреляет.

Сколько есть силы в руках и ногах, очень резко прикладываю ее к штурвалу и педалям и «переламываю» машину вправо вниз.

— Отлично! Не смог довернуть за нами, проскочил! Нос его кабины весь в огне и дыму!..

Я хочу спросить Бориса, почему он не стреляет, но не успеваю. «Сто десятый» снова, уже слева сзади, заходит для атаки.

— Влево вниз! — кричит мне Зиновьев.

Так же, как и первый раз, выполняю эту команду и опять слышу возбужденный голос штурмана.

— Проскочил, стервец! Отлично! А огонь у него сильный…

Противник проводит еще три атаки: одну строго в хвост и две справа и слева снизу. Все три раза стреляет расчетливо, но, выполняя команды Зиновьева, я ухожу из-под прицельного огня. Когда Борис секунду-другую молчит, я все равно делаю своим самолетом очень резкий маневр, чтобы фашист не смог хорошо прицелиться.

Наконец мы добрались до своей территории. Противник оставил нас в покое и боевым разворотом ушел на запад. Зиновьев хлопает меня по плечу, громко смеется и говорит:

— Молодчина! Удирать от истребителя умеешь! А ты не забыл, что наше боевое задание еще не выполнено?

— Нет, не забыл. А ты почему не стрелял?

— Стрелять из малокалиберного ШКАСа? Если и попадешь, то все равно не собьешь. Зачем же зря порох жечь?..

— Ну ладно. Вывернулись…

Смотрю на высотомер. Его стрелки показывают четыре тысячи метров. Не убирая газа, «лезу» снова вверх. Жаль моторы, такая нагрузка для них, но что поделаешь… Скорость самолета во время ухода от «мессершмитта» была очень большой. На правом моторе сорвался с задних замков и приподнялся кверху капот, закрывающий маслобак. Но пробоин нет, и оба мотора по-прежнему весело поют свою звонкую песню.

_- Куда он исчез? — спрашиваю Зиновьева, имея в виду атаковавшего нас «мессершмитта».

— Черт его знает, запас горючего у него большой. Может, где-нибудь западнее Мелитополя патрулирует.

_ — Это верно. Давай-ка лучше уйдем на Азовское море; я наберу высоту, и начнем выполнять задание обратным

маршрутом.

— Правильно! От перестановки слагаемых сумма не меняется.

— Инжеватов!

— Слушаю!

— Передай на КП аэродрома, что в районе Мелитополя атакованы истребителем «Мессершмитт-110». Продолжаем выполнять задание.

— Есть передать, командир!

Веду машину на Геническ. От него — на Перекоп, Херсон, Берислав, Каховку, Ивановку, Мелитополь, Акимовку.

Нас обстреляли зенитки только над Перекопом и Херсоном, на остальных участках маршрута было спокойно. Мы успешно выполнили задание. Правда, из-за увеличения времени полета на обратном пути, далеко за линией фронта, у Зиновьева кончился кислород. Я изменил высоту до четырех тысяч метров. На этом эшелоне можно обходиться и без кислорода.

После вылета докладываю Валентику о встрече со «сто десятым». Он выслушал меня, а затем рассмеялся:

— И вы его не сбили? Напрасно. Нужно было сбить…

Когда вышли из КП, я поинтересовался:

— Ты, Борис, не стрелял потому, что у тебя «уважительная причина». А ты, Инжеватов, где был? Почему ты не вел огня по «мессершмитту»?

— Командир, извини меня, но клянусь тебе отрубленной головой Гитлера, меня так бросало от борта к борту, что я не то что стрелять — сам держался за пулемет.

Инжеватов — мой старый знакомый, стрелок-радист.

Уважаю его за скромность, дисциплинированность и хорошую радиосвязь с землей. Но, вспоминая, что на днях под Мелитополем погибли два наших экипажа, говорю ему серьезно:

— Будешь знать, Леня, как летают разведчики. В группе — другое дело. Вы, двадцать семь Пе-2, идете, двадцать семь «яков» для прикрытия берете… Сто летунов! По «передку» ударите — разворот и домой. А тут — три души залетишь к фашисту в самое нутро, что края своего не видно… В следующий раз, дорогой мой, стрелять надо обязательно. Стрельба, пусть даже неприцельная, действует отрезвляюще на психику фашиста.

— Хорошо, командир!

К шестидесятому вылету у нашего экипажа выработались неплохие навыки в ведении воздушной разведки. За линией фронта мы, как правило, не ведем посторонних разговоров. Каждый занимается своим делом.

Какие у нас трудности и опасности? Это вражеские

истребители и зенитная артиллерия. Они в нашей работе представляют главную опасность. В отношении борьбы с истребителями перехвата действует такой лозунг разведчика: «Кто первым увидел — тот победил». Поэтому непрерывное круговое наблюдение за воздухом ведется от выруливания самолета на старт и до заруливания его на стоянку после посадки. Обычно, не долетая до вражеского аэродрома 20–30 километров, видно по оставляемой пыли, что на взлет уходит пара, а иногда и две пары истребителей наперехват. Первое время немецкие летчики заняты взлетом и не наблюдают за нашим самолетом. Набирая высоту, они доверяются командам со своих постов наблюдения и наведения. Но эта система работает с запаздыванием. Если после фотографирования аэродрома два-три раза изменить курс полета, то наш след для воздушного противника уже потерян.

Хуже всего, когда истребители патрулируют над объектом. Это и есть тот рожон, о котором не раз мне и Моисееву говорили Мазуров и Валентик. В таких случаях я не захожу сразу на объект, а жду, когда истребители уйдут на заправку горючим.

Наш любимый метод ухода от истребителей — пикирование. Пе-2 намного тяжелее истребителя, и на пикировании противнику его не догнать.

Иногда приходится уходить и на бреющем полете. Сбить Пе-2 на бреющем полете почти невозможно.

Фашистское командование высоко награждало своих летчиков-истребителей за сбитый советский разведчик. И гитлеровцы с немецкой педантичностью охотились за нами. Но, применяя все эти маневры, Моисеев и я не были ни разу сбиты в разведке вражескими истребителями и даже не привозили от их огня пробоин.

Зато как приятно за линией фронта встретиться со своими «яками» и «кобрами». Опытный летчик-истребитель, как правило, подходит и становится рядом. Открывает фонарь кабины… Я открываю форточку… «Пойдем со мной!» показываю ему, а он отвечает: «Мне приказано барражировать над линией фронта!»

Но, как ни досадно, приходилось иногда обходить стороной и свои истребители! Бывали случаи, когда молодые, малоопытные пилоты принимали Пе-2 за немецкий «Мессершмитт-110». И атаковали…

Правда, такое случалось редко, но случалось…

Зенитная артиллерия — враг номер два. Я всегда стараюсь маневром самолета затруднить зенитчикам прицельный огонь.

Раньше, когда были неопытными разведчиками, мы на земле производили расчеты на фотографирование объектов, а в воздухе,

как говорят, действовали по шаблону. Но потом, накопив немного боевого опыта, я подумал: зачем нам нужен за линией фронта десятикилометровый боевой путь? Для того чтобы по моему самолету в лучших условиях били вражеские зенитки?

Сама боевая работа наша заставляла действовать по-другому: мы хорошо знаем, что на фотосъемку уходят буквально секунды — те секунды, когда я нахожусь над центром объекта. Значит, разведчику можно выполнять маневр самолетом до самого начала съемки. А для того чтобы нажать на кнопку и фотоаппараты произвели два-три снимка, времени требуется совсем немного. Сосчитать же на аэродромах самолеты, на железнодорожных узлах эшелоны и вести другие визуальные наблюдения штурману доступно и во время любых эволюции самолета.

Теперь я подхожу к объекту с разворотом, затем резко выхожу из него и таким образом «накладываю» свой самолет на объект. Когда летишь на большой высоте, самолет твой кажется огромным, он закрывает собой почти половину земли. А внизу все очень маленькое. В нижнее остекление кабины я уточняю свое местоположение в отношении фотографируемого объекта, а затем подаю штурману команду:

— Включай фотоаппараты!

Он выполняет ее и ведет наблюдение за объектом.

В случае заградительного огня за счет снижения я разгоняю большую скорость и фотографирую объект на высоте ниже разрывов.

Так постепенно накапливается опыт. И с каждым вылетом мы все увереннее и точнее выполняем задания командования, добывая ценные разведданные о противнике.

* * *

Мой шестидесятый вылет. Задание: площадная аэрофотосъемка немецкого укрепленного района юго-западнее Мелитополя. Четыре захода. Рабочая высота две тысячи метров. Сегодня мой самолет будут прикрывать истребители Як-1.

Прибываю на их аэродром. Заруливаю машину к КП полка. Выключаю моторы. Подошли летчики и техники и начали разглядывать нашу «пешку». Я среди незнакомых людей. Но стараюсь не теряться.

_ Привет доблестным истребителям! — бросаю весело спустившись с лесенки нижнего входного люка на землю.

— Привет «бомберам»! — слышу в ответ.

— Чем вы тут занимаетесь?

— Ждем вылета.

— Сачкуем…

— Есть шанс отличиться, братцы!

— Вот оказывается что! Ванюш, «пешку» прикрывать пойдем! — кричит плотный паренек товарищу.

Иду на КП. Докладываю командиру полка.

— Что же ты так поздно? Могу только две пары истребителей дать. Дал бы больше, но нет — разобрали штурмовики, — говорит командир.

Скрытность в разведке не последнее дело. Я всегда летаю один и поэтому успокаиваю командира: говорю, что и четверки много.

— Ну нет. Фрицы над Мелитополем еще активничают. Так что мои орлы могут пригодиться…

С четырьмя летчиками прикрытия отходим от КП в сторону и садимся на траву. Летчики-истребители очень молоды. Но держатся уверенно. И мне это нравится. Я представляюсь им:

— Николай Бондаренко. А это штурман Зиновьев. Что, фамилия меньшевистская? Ничего, он парень что надо! А вот наш стрелкач Петя Баглай. А вы, значит, будете нашими телохранителями?..

— Не сомневайтесь. Ваша жизнь забронирована, — говорит командир звена.

— Спуску «мессам» не дадим! — уверенно добавляет младший лейтенант с новеньким орденом Красного Знамени на широкой груди.

— Шутки шутками, братцы, а выполнить задание нам нужно во что бы то ни стало, — говорю истребителям, оборвав смех. И, развернув карту, продолжаю: Район работы — пятнадцать километров юго-западнее Мелитополя. Площадная аэрофотосъемка. Четыре захода. Высота — две тысячи метров. Если будут «мессеры», выполню задание и с двух тысяч шурану пикированием на бреющий. Чтобы не потерять ориентировку — не отрывайтесь от моего самолета. На обратном пути пройду над вашим аэродромом. Понятно?

— Понятно!

— Домой мы и сами дорогу найдем!

— А если потребуется с «худыми» расправиться? — спрашивает командир звена.

— Тогда мне ждать вас не придется.

— Вопросов нет.

— По самолетам! Запуск и выруливание на старт — по моему самолету.

Быстро направляемся к самолетам. Дружно запускаем

моторы. Я начинаю выруливать, но стоящие на земле техники показывают на выпущенные на пятнадцать градусов посадочные щитки.

— Так нужно! — кричу им в форточку и как могу показываю рукой.

На старте два «яка» становятся слева от моей машины, два — справа. Взлетаем сразу всей пятеркой.

— Эх, чертовски здорово мы взлетели! Наша машина еще разбегалась, а они, чертенята, уже оторвались от земли и «лапки» под себя. Красивый «яшка». Настоящая птичка-синичка! — восхищается Зиновьев.

— У немцев, Боря, все самолеты угловатые, как каракатицы. Одна «рама» чего стоит! А наши самолеты обтекаемые, очень красивые.

— Это значит, что у наших машин лучшие аэродинамические качества?

— Я тоже думаю об этом.

Прибываем к месту работы. Истребители идут с превышением в четыреста метров по отношению к нашему самолету. Смотрю на них и говорю Борису:

— Молодцы, толк в своем деле знают.

— Кто имеет запас высоты и скорости — тот король неба, — произносит он, складывая карту-двухкилометровку. — Залог успеха в бою у истребителя скорость, высота, маневр, огонь.

— Где ты это вычитал?

— В нашей фронтовой газете!

— Командир, бьют зенитки! — докладывает Баглай.

— Слышу, Петя.

Я хорошо знаю: во время площадной съемки от зенитного огня маневрировать нельзя — испорчу все снимки.

— Петро, с «маленькими» связь есть?

— Держу связь, командир!

— Добро!

Во время первого захода Зиновьев показывает мне четыре пальца правой руки и на остеклении кабины чертит крест. Понятно: подоспели четыре «худых».

— Баглай, «маленькие» видят «мессеров»?

— Видят! Командир звена уже дал указания ведущему второй пары и передал, чтобы ты работал спокойно!

— Хорошо! Если «мессеры» будут атаковать, вы, ребята, не торопясь, прицеливайтесь получше и стреляйте. Не забывайте о гранатах АГ-2. Пока работу не закончу — не уйдем! — говорю экипажу, точно выдерживая режим полета.

Первый заход выполнен. Нужно сделать еще три захода.

Разворачиваю машину в обратном направлении и с входного контрольного ориентира веду ее на выходной контрольный ориентир. Борис перед началом захода включает, а после него выключает фотоаппараты. Показывает мне два следующих ориентира. Все остальное время он у своего пулемета.

— А где «худые»? — спрашиваю его.

— Их боем связали, да так связали!.. Молодцы наши «ястребки»!

Выполняю второй, а затем третий и четвертый заходы. Зенитки бьют как ошалелые. Не теряя ни секунды, заканчиваю работу.

— Петре! Передай «маленьким», что работу закончили, ныряю и бреющим ухожу к их аэродрому!

— Передаю! Командир, «яки» остаются драться с «мессерами»!

— Понял. Приготовиться к пикированию!

Затяжеляю винты. Устанавливаю средний газ и, не выпуская тормозных решеток, круто бросаю машину вниз. Быстро увеличивается скорость. Земля стремительно летит на меня. С высоты восемьсот метров начинаю плавно выводить самолет из пикирования. Вывод закончен. Высота двести метров. Моя ласточка, попадая в потоки воздуха и резко вздрагивая, несется над степью на скорости семьсот километров в час в направлении Черниговки.

— Прощайте, «мессеры», — иронизирует Зиновьев.

Выждав с полминутки, чтобы «отлетела» лишняя скорость, я снижаюсь на бреющий полет.

А вот впереди по курсу и Черниговка. Прохожу над стоянкой самолетов. Поднимаю вверх машину и качаю с крыла на крыло. Внизу, на аэродроме, машут нам руками. Многие бросают вверх пилотки.

— Люблю бреющий! — кричу я Зиновьеву.

— Америку открыл… А кто его не любит? Вишняков, тот после выполнения задания девяткой дует бреющим. Куры в деревнях в стороны разлетаются.

Мы — гвардейцы!

20 октября 1943 года наш Южный фронт переименован в 4-й Украинский.

23 октября освобожден Мелитополь. В этот же день 270-й бомбардировочной авиационной дивизии, 86-му и 284-му бомбардировочным авиационным полкам присвоено звание гвардейских и дано наименование Таганрогских.

6-я гвардейская Таганрогская дивизия! 134-й и 135-й гвардейские Таганрогские полки!

Мы — гвардейцы, мы — таганрогцы! Отлично! В этом есть маленькая крупинка напряженного труда, внесенного и моим экипажем. Капелька боевой работы, влитая звеном разведчиков, которым я командую.

— Экипаж гвардии лейтенанта Бондаренко для получения боевого задания прибыл! — докладываю теперь я гвардии майору Соколову.

В последней декаде ноября наш полк начал перебазирование на аэродром Астраханка под Мелитополем.

В самолетном парке у нас есть «кукурузник» и «коломбина» — старенький УСБ. На нем браво «пиляет» командир звена Владимир Пименов. «Коломбина» очень уж удобна для перевозки небольших грузов и людей при перебазировании полка. Вот и сегодня несколькими рейсами Пименов доставил с Астраханки экипажи для перегонки оставшихся самолетов.

Одиночно, с интервалами десять минут, взлетают и уходят на Астраханку наши «петляковы». Погода плохая: моросит дождь. К обеду он стал еще сильнее. Ответственный за выпуск самолетов гвардии капитан Забиворот подходит ко мне и спрашивает:

— Бондаренко, полетите, или будем ждать улучшения погоды?

В полетах на малых высотах и бреющем я, хотя и нелегально, натренировался неплохо.

— Товарищ капитан, что мне одному здесь делать? Полечу домой, — отвечаю ему.

— Вылетайте, Бондаренко. Смотрите повнимательнее за землей, пилотируйте аккуратно, — напутствует Забиворот.

— Есть!

Все время до Астраханки иду бреющим, точно выдерживаю курс, пилотирую машину так, чтобы не наскочить на встречающиеся преграды. Зиновьев держит в руках карту и ориентируется по быстро убегающим назад ручейкам, оврагам и небольшим населенным пунктам.

В Астраханке сильный дождь. С первого захода сесть не удалось, произвожу посадку со второго.

Заруливаю самолет на стоянку третьей эскадрильи. По лицам вышедших из кабины стрелка-радиста, техника и механика вижу, что они очень довольны полетом.

— Летели, как на глиссере, — говорят они, делая разминку.

— Значит, понравилось лететь бреющим?

— Очень!

Я тоже люблю такие полеты…

В Астраханке наш полк стоял недолго. Здесь мы часто собирались после ужина, становились в круг и, положив друг другу руки на плечи, пели песни. Руководителем этого своеобразного хора был летчик моего звена Николай Угаров.

Пели разные песни, в том числе и старую шахтерскую «Гудки тревожно загудели». Последнюю неизменно запевал адъютант 3-й эскадрильи Мирошниченко:

…Я был отважным коногоном,
Родная матушка моя.

Ребята дружно подхватывают припев. Высоко в красиво тянет штурман Иван Смородский:

Меня убило в темной шахте,
А ты осталася одна…

— Нужно прекратить это… — сказал однажды, проходя мимо, замполит Кантор Валентику.

— Молодые, пусть подурачатся! — услышал я ответ Валентика.

Все мы были горазды на разные шутки-«покупки». Как-то стрелок-радист Монаев в подтверждение своего несерьезного отношения к ранению и смерти разыграл врача полка Ануфриева.

Монаев после посадки самолета заявил, что он ранен. К самолету сразу же прибыли врач и санитары с носилками. Ребята осторожно положили на них двухметрового Володьку и… понесли в санчасть. По дороге Монаев. конечно, не выдержал и расхохотался. Помню, смеялся до слез и Ануфриев. За розыгрыш он нисколько не обиделся на Монаева.

Однажды после удачного вылета мы, сильно устав и проголодавшись, пошли сразу в столовую.

— Слушайте, о вас в газете пишут! — такими словами встретил меня Угаров.

— Знаю вас… Но я вам не Зленко, — отвечаю я, вспомнив, как адъютанту нашей эскадрильи Виктору Зленко кто-то из ребят при перебазировании из Люксембург-Розовки положил в матрац с бельем булыжник. И летчик целый день таскался с ним.

— Нет, правда. Честное слово. На, командир, почитай, — не отстает Угаров в протягивает газету.

Зиновьев берет из его рук «Сталинский сокол» и в статье Натана Рыбака «Воздушные следопыты» читает:

«…Есть еще один замечательный экипаж разведчиков. Их трое: летчик Бондаренко, штурман Зиновьев и стрелок-радист Баглай…»

— Ну что? — спрашивает Угаров.

— Действительно, неплохо, братцы, сказано!

Но дальше Рыбак загнул такое, что мы все дружно захЬохотали.

«…Не страшны им море зенитного огня и стаи истребителей».

— Вот это герои!.. — зашумели ребята.

— Никола, взял бы ты этого Рыбака с собой на разведку!

— Пусть попробовал бы «мессеров» на удочку!..

Следующий наш боевой аэродром — Розовка, на который мы перелетели 4 декабря. Он расположен восточнее Астраханки. Нам непривычно отступать, но так, в целях лучшей дислокации штурмовых, истребительных и бомардировочных полков, решил командующий армией Хрюкин.

Я летаю на разведку за Днепр и в Крым. Стоит облачная погода. Ясных дней почти не бывает.

10 января 1944 года у меня семьдесят третий вылет на разведку. Со мной летит штурман эскадрильи гвардии старший лейтенант Вячеслав Рипневский. Он воевал под Сталинградом, произвел около семидесяти боевых вылетов, успел насмотреться и хорошего и плохого. С началом боевых действий на Южном фронте он с командиром Звена Прониным летал в одном экипаже. Теперь его назначили штурманом 1-й эскадрильи вместо Александра Селедкина, убывшего в училище для овладения летной профессией.

В этом семьдесят третьем вылете у моего самолета оторвался винт левого мотора вместе с шестерней редуктора. Я уже сразу после взлета улавливал посторонний шум, но тяга тогда была нормальной, показания приборов тоже не внушали опасений, и я не стал возвращаться.

…И вот задание выполнено. На пленках двух фотоаппаратов, установленных в бомболюках, зафиксированы станции Геническ, Джанкой и Симферополь, аэродромы Веселое, Сарабуз и другие объекты. Пройдена линия фронта. Погода в Крыму неплохая.

Правда, севернее Сиваша она стала портиться: появилась сплошная низкая облачность, ухудшилась видимость. Иду под нижней кромкой на высоте сто метров. Слева тянется на Мелитополь полотно железной дороги. Мелькают телеграфные столбы. Впереди показалась железнодорожная станция. Я поворачиваю голову к Рипневскому и спрашиваю:

— Это Акимовка?

И вдруг слышу необычный резкий звук: р-р-р. Инстинктивно перевожу взгляд на моторы. На левом нет винта. Тут же, чтобы двигатель не пошел вразнос, убираю газ. Капоты мотора разворочены: на глушители течет масло и начинает гореть. Устанавливаю режим одномоторного полета. Сознание работает усиленно: высота, конечно, мала, но машина — «сибирячка» — легкая, летучая. Бензин выработан больше чем на половину. Значит, полетный вес невелик. Да к тому же оторвался винт, который без шестерни редуктора весит ни много ни мало сто тридцать два килограмма. Правда, развороченные капоты создают дополнительное сопротивление. Принимаю решение идти на свой аэродром. Вдруг штурман громко и протяжно кричит:

— Гори-им!..

Высоты почти нет. Повернуть голову назад, чтобы посмотреть, какой тянется за самолетом шлейф, не могу. Но Рипневский — штурман бывалый и зря кричать не станет.

— Садись перед собой на «живот». Я буду держать тебя! — кричит он снова.

Ремни в полете стесняют движения, поэтому я никогда ими не привязываюсь. Вячеслав хватается за плечевые лямки моего парашюта и крепко прижимает меня к бронеспинке. Нам, можно сказать, повезло: впереди оказалась ровная степь. Убираю газ и иду на посадку. На фюзеляж приземляюсь впервые. Невольно вспомнились слова, сказанные однажды командиром полка: «Полетаешь все изведаешь».

Момента приземления не чувствую. Но потом, когда машина полностью легла на землю мотогондолами, появилось такое ощущение, будто она во что-то упирается. Меня все сильнее тянет вперед. Того и гляди, ударюсь лицом о приборную доску.

Наконец самолет замер. Рипневский срывает фонарь кабины, и мы быстро покидаем свои места. Отбежав на безопасное расстояние, я с болью смотрю на горящий левый мотор.

— Горит масло! До бензина пока не дошло! Будем тушить! — говорю я.

Подбегаем к самолету. Правый мотор, врывшись винтом в землю, остановился, а левый продолжал работать.

— Надо же выключить его. Вот растяпа! — ругаю я себя и

нагибаюсь в кабину.

— Баглай, сгребаем ногами снег. Быстро! — распоряжается Рипневский.

Горящее на моторе масло забрасываем мокрым снегом и грязью. Погасив огонь, осматриваем машину. Впечатление такое, будто нашу «пешку» с убранными шасси осторожно положили на мотогондолы и слегка придавили. Все-таки я удачно приземлился.

Неожиданно над нами появился По-2.

— Штурман, стреляй красными ракетами! — приказываю Рипневскому.

— Слушаюсь! — бодро отзывается он. — Есть шанс своевременно доложить о выполнении задания!

Широко расставив ноги, он начинает палить из ракетницы. Летчик По-2, заметив наш сигнал, делает круг и садится. Когда он вышел из кабины, я узнал в нем начальника воздушно-стрелковой службы 8-й воздушной армии. Докладываем ему для передачи в штаб разведывательные данные. Потом я попросил полковника сообщить о случившемся в 135-й полк.

— Сообщу, — заверил он. — Валентика я хорошо знаю. Только самолет не оставляйте без охраны.

К полудню 12 января мы на попутной автомашине приехали домой. Зашли в казарму 1-й эскадрильи.

— Здорово, орлы! — приветствую товарищей.

— Здорово, без вести пропавшие! — обрадованно отзывается Зиновьев.

— Что! Похоронили уже! — возмущается Слава Рипневский, увидев на ногах молодого штурмана Анвара Хасанова свои новые меховые унты.

— Что вы, товарищ гвардии старший лейтенант? — растерянно отвечает Хасанов и тут же умолкает.

— Ладно, носи на здоровье, — добродушно машет рукой Рипневский и уже спокойным голосом спрашивает: — Ну, как тут без нас поживаете?

— Плохо. Погода никак не наладится, на задания не летаем! — отвечает Угаров.

— Ничего, наверстаем! — успокаивает его Рипневский.

Ясной погоды действительно нет и нет, летаем на разведку на малых высотах. Ниже тысячи двухсот метров фотографировать нельзя: снимки получаются некачественные. Зато визуальное наблюдение хорошее.

Однажды мы заметили в воздухе вражеский транспортный самолет Ю-52. Он шел попутным курсом. Я обогнал его, но оставил без внимания. За линией фронта нам запрещалось

вступать в воздушные бои. Во-первых, Пе-2 не истребитель, а во-вторых, его экипаж выполняет более ответственное задание.

Когда я вспомнил во время ужина об этом случае, Борис Зиновьев иронически заметил:

— Вот чудаки! Эту каракатицу не могли сбить!

— Хватит об этом!.. — оборвал я его. И, подумав, добавил: — Вообще-то надо было его рубануть.

— Конечно, надо! — сиплым голосом подтвердил Борис.

Зиновьев заболел ангиной. Тихий, совсем непохожий на себя, он сидит на нарах с забинтованной шеей и каждое утро, провожая нас на аэродром, говорит:

— Ни пуха ни пера, ребята!

Мы с Борисом совершили немало вылетов. Я крепко подружился с ним.

На время болезни Зиновьева штурманом в мой экипаж назначили Александра Воинова, тоже хорошего парня, уроженца Донбасса. Хотя ему уже присвоили звание младшего лейтенанта, товарищи в шутку продолжали называть его ефрейтором. В этом чине он прибыл к нам в полк из пехоты.

Мне приятно с Сашей летать. Он расторопен, хорошо знает штурманское дело. Мы с полуслова понимаем друг друга.

И вот мы с Воиновым в очередном полете на разведку. Выполнив задание, легли на обратный курс. Вдруг я увидел впереди ниже вражеский самолет «Хеншель-126». Он шел навстречу. Все во мне закипело. Быстро осмотревшись, передаю экипажу:

— Буду атаковать фашиста!

— Правильно, жечь их, гадов, надо! — одобряет мое решение Воинов.

Включаю тумблеры электроспуска пулеметов носовой установки. Выждав, когда фашистский самолет подойдет поближе, перевожу машину в пикирование. Вгоняю «хеншеля» в сетку прицела, беру упреждение и даю длинную очередь. Пулеметы работают отлично. Мелькают языки пламени. На переднее стекло фонаря летят клочья дыма. Выхожу из атаки на высоте шестьсот метров. Осматриваюсь.

— «Лаптежник» отвалил в сторону! Но дымок за ним тянется! — весело кричит Баглай.

— Разворачиваюсь за «хеншелем»! Саша, ориентировку веди внимательнее. Оба наблюдайте за воздухом! — даю распоряжение Воинову и Баглаю.

Я не уверен, попал ли в «хеншеля». Может быть, фашист удирал на форсаже?

— Командир, смотри!.. — слышу крик Воинова. Я резко

повернул голову в его сторону.

— Фу ты, мать честная! — вырвалось у меня. Навстречу нам — два «Мессершмитта-109».

— Они прикрывают его!

— Да, недосмотрел!..

Моя «пешка» и «мессеры» разошлись левыми бортами на большой скорости.

— В облака, скорее в облака… — тихо говорю я экипажу, а сам даю полный газ. Облегчаю винты и, используя возросшую после атаки скорость, «лезу» вверх.

Воинов и Баглай молчат. Пауза мне показалась слишком долгой.

— Смотрите за «мессерами»! Будут атаковать — встречайте огнем. Не забывайте о гранатах АГ-два! — приказываю штурману и стрелку-радисту.

— Есть смотреть, — отвечает Воинов.

— Смотрю, командир! — отзывается и Баглай.

— Один «мессер» пошел за «хеншелем», а другой начал разворачиваться в нашу сторону, — докладывает Воинов.

— Хорошо. Приготовьте пулеметы! — приказываю экипажу.

Штурман и стрелок-радист открывают огонь. Машина дрожит от стрельбы.

— Воинов, — приказываю штурману, — установку АГ-два пробуй, когда «худой» развернется! Пусть видят, что мы не с пустыми руками! Выпусти только одну гранату.

— Понял, командир! — отвечает Воинов.

Моторы моей машины уже выбрали положенный ресурс. Работают они ровно, но тянут слабо и сильно коптят. Набирая высоту, оглядываюсь и вижу: с креном почти в девяносто градусов в нашу сторону разворачивается «мессер». Спасительные облака оказались совсем близко. Стараюсь как можно быстрее скрыться в них. От большого нервного напряжения даже ерзаю на сиденье.

— Приготовился к стрельбе! — докладывает Баглай.

— Даю гранату! Да-ю! Видит, черт «худой», видит! Доверни, командир, на двадцать градусов влево! — слышу энергичный голос Воинова.

И в тот момент, когда штурман просил довернуть влево, чтобы ему было лучше вести огонь из пулемета и бросить серию гранат на парашютах, машина вошла в облака. Я предчувствую, что «мессер» все-таки успевает дать очередь и поэтому резко разворачиваю машину вправо. Так и есть: огненная трасса прошла чуть левее. Опоздай с маневром на секунду — и конец…

Ровно, спокойно идет в облаках самолет. Уменьшив обороты моторов, говорю Воинову:

— И принесли черти этих «худых»!

— Командир, «хеншели» и «рамы» всегда летают с прикрытием, — подает голос Баглай.

— А где ты был раньше?

— Раньше? Все говорили: «Летит утка», а командир сказал: «Летит гусь!». Значит — летит гусь! Командир атакует — все делается по науке! — смеется Баглай.

— Правильно, Петя, ты понимаешь службу! А знаешь ли ты, как мне хотелось сбить «хеншеля»?..

— Дело-то оказалось не простым. Чуть на живца не попались. Выходи из облаков. Уже пять с половиной минут идем в них, — вмешался в разговор штурман.

Выхожу из облаков, осматриваюсь. Мы находились над Никопольской переправой через Днепр. Вчера она была разбита штурмовиками, а сегодня снова действует. Ударили вражеские зенитки, и я снова ухожу в облака. Минуты через две выхожу из них.

Они стали ниже. Иду под их кромкой. Вдруг начало трясти правый мотор. Стрелка счетчика его оборотов качается то влево, то вправо. Боюсь, что двигатель вот-вот «обрежет».

— Саша, нам долго осталось лететь?

— Четыре минуты, — отвечает штурман. — Двадцать четыре километра.

«Что такое четыре минуты? — спрашиваю сам себя и начинаю считать секунды: — Раз, два, три… О, еще очень много!..»

Высота четыреста пятьдесят метров, впереди вражеский укрепленный район Верхний Рогачик. Ясно, что по моему самолету, летящему на малой высоте, фашисты будут палить из всех видов оружия. Но с «больным» мотором я не смогу снова дотянуться до облаков. «Обрежет» двигатель — сорвусь в штопор. Над укрепленным районом прохожу благополучно.

— Командир, а все-таки я видел, что за «хеншелем» потянулся дымок…

— Петя, для доклада о сбитых самолетах противника требуются точные подтверждения. Хорошо получилось бы, если бы я сбил его.

Над нашей территорией правый мотор заработал лучше.

— Надо же, как раскрутился!.. — с удовлетворением замечает Воинов.

— Может быть, в карбюратор вода попала, — размышляю вслух и тут же спрашиваю у Баглая: — С аэродромом связь держишь?

— Держу.

Наконец показалась наша Розовка. Я веду машину над

стартом «с прижимом». Вижу, большая группа людей вытаскивает «пешку», застрявшую между посадочной полосой и стоянкой 134-го полка.

— Аэродром раскис, Коля, приземляй машину повнимательнее, — советует Воинов.

— Вижу, постараюсь.

Этот вылет закончился благополучно. После доклада новому начальнику штаба гвардии майору Мазурову о выполнении боевого задания я вспомнил о замечании Валентика насчет «Мессершмитта-110». Подошел к нему и сказал:

— Товарищ гвардии подполковник, сегодня я хотел исправиться, но попал в неприятную историю…

— Не огорчайтесь. Хорошо, что атаковали. Ведь в начале войны они, подлецы, гонялись даже за одиночными нашими бойцами-пехотинцами. Товарищ Мазуров! — обратился он тут же к начштаба, — из тыла пришли посылки, передайте одну экипажу Бондаренко.

Домой вернулись поздно вечером. Воинов, не раздеваясь, начал открывать посылку. Я, как и другие ребята, внимательно смотрю на все, что он достает из фанерного ящичка. И думаю: «Дорогие наши мамы, это ваши золотые руки так аккуратно все укладывали…»

В Розовке мне предложили выехать в тыл на курсы командиров эскадрилий. Состоялся разговор с комэском Вишняковым. Почему-то мне показалось, что от меня хотят избавиться. Стало обидно.

— Разве я плохо воюю? Стараюсь… — говорю Вишнякову.

— На курсы вам нужно ехать, — отвечает он.

— Не поеду. Пошлите Болдырева или Пронина… С фронта, из нашего полка никуда не поеду. Передайте это Валентику, Кантору и Мазурову…

— Ну, хорошо, — заключает Евгений Сергеевич.

На курсы подготовки командиров эскадрилий был послан командир звена 134-го полка Алексей Дегтярев. После учебы он прибыл в свой полк и до конца войны водил эскадрилью.

…Я продолжаю заниматься любимым делом — летать на разведку.

В феврале сорок четвертого года погода на юге Украины была плохая: порывистый ветер, низкие облака, из которых сеял то дождь, то мокрый снег. Сложные метеоусловия и неудовлетворительное состояние полевого аэродрома Розовка осложняли боевую работу полков нашей дивизии, мешали бомбардировщикам по-настоящему поддерживать с воздуха наступательные действия своей пехоты.

Моему экипажу дают задание на разведку погоды в районе ближайших оперативных целей у Днепра. Еще не освобождены Верхний Рогачик, Большая Белозерка, Каменка Днепровская и другие населенные пункты.

Вот и сегодня лечу бреющим. Надо мной серые рваные облака. Вижу: от Мелитополя к фронту идут войска. С пушками на прицепе ползут автомашины. Много под вод. Представляю, как тяжело солдатам идти по грязным скользким дорогам. Чтобы поднять у пехотинцев настроение, приветствую их, накреняя машину с крыла на крыло. В ответ многие из них машут руками. Войск к Днепру движется много. Значит, скоро преодолеем эту водную преграду.

Наконец пришло время для решительных действий. Полки 6-й гвардейской дивизии бомбят цели с высоты четыреста метров. Удары мощные и точные. Фашисты не выдерживают натиска и отступают за Днепр.

26 февраля наш полк перелетел под Мелитополь.

Здесь пришлось мне проститься со своим замечательным штурманом Зиновьевым. Его послали на курсы подготовки начальников воздушно-стрелковой службы полков. Грустно. Все-таки вместе с ним выполнили 60 боевых вылетов. Ну что ж, жизнь идет вперед. Зиновьев — грамотный штурман, и будущая должность ему под стать.

А в экипаж ко мне назначен гвардии лейтенант Дмитрий Шопен: Он неплохой штурман, веселый парень, пишет стихи.

* * *

17 марта. Перелет на аэродром Шотово под Ивановку. Полк улетел на задание и обратно вернется уже на новое место.

Наше звено ведет командир эскадрильи Покровский. Слева от него Моисеев, справа — я. Мы перегоняем старенькие машины. Мне не привыкать поднимать в воздух самолеты с выработанным ресурсом моторов.

«Давно мы, старая тройка, не летали вместе», — подумал я, вспомнив о перелете из Сталинграда в Сальск.

Правый мотор моей машины вдруг начало сильно трясти. Того и гляди отвалится.

Отстаю и отхожу от строя. Не пойму причину. Мотор работает вроде нормально. Но чувствую — надо что-то предпринимать. Затяжеляю правый винт. Убираю газ. Двигатель не выключаю, чтобы винт не создавал дополнительного сопротивления. Веду машину на одном левом. Перед тем как

случиться этому, высота была шестьсот метров. Прошло немного времени, и она дошла до двухсот.

«Что за чертовщина? В «Инструкции по технике пилотирования Пе-2» сказано, что «пешка» на одном моторе может набирать высоту. Моя же машина не держится даже в горизонтальном полете. Наши летчики при отказе одного из моторов обычно тянули на свой аэродром с потерей высоты. А если я не буду держать крен в сторону работающего мотора? Высота может «съедаться» скольжением.

Пробую пилотировать машину без крена. Кажется, она повела себя лучше: вначале прекратила снижение, затем стала «карабкаться» вверх. Левый мотор работает на полном газу. Преодолевая разворачивающий момент, держу курс к аэродрому Шотово, «скребу» высотенку и вспоминаю рассказ о мастерстве командира 9-го запасного полка майора Калачикова.

Этот замечательный летчик после взлета и уборки шасси убирал газ одному мотору, набирал высоту, выполнял полет по кругу и приземлял машину у посадочного знака.

Да, Пе-2 любит смелого, грамотного летчика!

…Перед подходом к аэродрому я сумел набрать пятьсот метров высоты. А большей и не требовалось.

Покровский и Моисеев сели первыми. Теперь мне ничто не препятствует. Выпустив шасси, захожу на посадку.

И все-таки одномоторный полет на Пе-2 выполнять нелегко. Сложен он потому, что работающий мотор быстро перегревается и плохо тянет. Есть одно еще «но»: посадочный угол самолета больше критического на несколько градусов. Эти закритические градусы особенно коварно проявляют себя на посадке при несимметричном обтекании самолета.

Как и при обычном приземлении, перед началом выравнивания машины я плавно убрал газ левого мотора. И тут моя «пешка» сразу же, как топор, упала на землю. Посадка получилась чуть ли не аварийная. Машина задела левой консолью за землю, ударилась левым колесом, немного пробежала и остановилась. Но — спасибо конструктору за крепкое шасси — «нога» осталась цела. На одном моторе заруливаю на стоянку. Когда даю гам, машина идет вперед с правым разворотом. Тогда я убираю его и торможу левое колесо. Так повторяю снова и снова. «Пешка» не совсем прямо, но все же движется в нужном направлении.

Весь вспотевший, покидаю кабину, подхожу к командиру полка и докладываю:

— Товарищ гвардии подполковник, пришел на одном моторе. Только допустил промашку. Нужно было убирать газ после

выравнивания, а я действовал, как в обычных условиях. И вот получилось то, чему и сам не рад.

— Как так? На одном моторе, говоришь? — переспрашивает Валентик.

— Да, на одном.

Валентик, не сказав ни слова, поднялся в кабину и запустил правый мотор. Так и есть: двигатель работает, а газ из-за сильной тряски дать нельзя.

В следующем полете приключилась еще одна история. В механизме винта моей машины поломались сухарики: все три лопасти самопроизвольно установились на разные углы атаки, образовав невероятную тряску.

Ах, «пешка», «пешка»!

* * *

17 марта эскадрилья Вишнякова дважды бомбит переправу через Южный Буг у Николаева. Во втором вылете прямым попаданием зенитного снаряда повредило правый мотор машины гвардии младшего лейтенанта Василия Голубева. Осколками была разорвана обшивка кабины и отбита опора правой педали ножного управления. Голубев и штурман Адам Ткаченко получили ранения. Но экипаж продолжает полет к цели и вместе с эскадрильей сбрасывает бомбы. Правда, положение его очень тяжелое. Оно усугубляется и тем, что до линии фронта еще семьдесят километров, а высота не превышает тысячи метров. Превозмогая боль, Голубев принимает все меры к тому, чтобы дотянуть до своей территории. Ткаченко вначале накладывает жгут на раненую ногу летчика, а затем себе перевязывает руку. Левому мотору дан полный газ, установлены взлетные обороты винта, но потерявшая аэродинамические качества машина идет со снижением. Высота девятьсот, восемьсот, семьсот метров… Уже Голубев тянет на малой высоте, а затем идет бреющим. Уже совсем недалеко до расположения наших войск. Но… не долетев всего восемь километров до линии фронта, самолет падает в расположении вражеских артиллерийских позиций.

При ударе машины о землю Голубев и Ткаченко потеряли сознание, а Василий, кроме того, получил еще одно ранение. Быстро оставив покореженную кабину, стрелок-радист гвардии старший сержант Николай Загоруйко выхватил наган и смело пошел навстречу вражеским автоматчикам. Он в упор застрелил несколько фашистов, а последним патроном оборвал свою жизнь. Голубева и Ткаченко фашисты взяли в плен.

Так закончился двадцать пятый вылет экипажа Голубева…

Обо всем этом мы узнали намного позже, когда вызволенные из плена Голубев и Ткаченко возвратились в родной полк. Они рассказали о том, как издевались над ними на допросах, а затем в лагере, расположенном в украинском поселке Тимводы, о помощи русских пленных врачей, о старшей медицинской сестре городской больницы Лиде, помогавшей раненым…

И об утре 28 марта, когда в дверях их камеры вырос с автоматом на груди советский солдат и сказал:

— Здорово, братцы! Поздравляю с освобождением!..

Мы стоим на аэродроме Шотово у По-2 и слушаем рассказ Голубева и Ткаченко.

— Кто бы мог подумать, что в тихом и молчаливом Николае Загоруйко столько мужества, воли и ненависти к врагам Родины, — сказал, сдвинув брови, штурман эскадрильи Рипневский.

— Братишки, вот так надо сражаться! — восклицает стрелок-радист Монаев.

…Когда прилетели в Шотово, было уже тепло. Потом вдруг внезапно похолодало, началась метель. Снегу навалило по пояс. Однако весна взяла свое, снова установилась хорошая теплая погода, снег сошел и кругом зазеленела трава. В весеннюю пору воздух на Украине особенно чист. Выйдешь в степь, посмотришь вдаль, и горизонт перед тобой словно колышется в прозрачном мареве.

Кажется, что там плещут морские волны… Весна — спутница хорошего, боевого настроения!

Мы едем на грузовике на аэродром и поем полюбившуюся нам песню «на позицию девушка провожала бойца…». Запевает флагманский стрелок-радист гвардии старшина Майзулис.

Война и песня… Эти понятия кажутся несовместимыми. На самом деле мы, авиаторы, в мирное время не пели столько песен, сколько на фронте. Они согревали душу, поднимали боевой дух, усиливали ненависть к врагу.

8 апреля в полк поступил приказ войскам 4-го Украинского фронта о переходе в наступление. Во всех эскадрильях прошли митинги, были выпущены специальные боевые листки. Авиаторы клялись еще беспощаднее уничтожать фашистскую нечисть, гнать ее с родной советской земли.

…19 апреля 1944 года. Раннее утро. Полк, расположенный на аэродроме Шотово, готовится к нанесению бомбовых ударов по скоплениям живой силы и техники противника у совхоза № 10, что под Севастополем. После выполнения задания — посадка на новом крымском аэродроме — Веселое.

Сегодня погибнет любимец полка, защитник Сталинграда командир Евгений Сергеевич Вишняков.

Сегодня погибнут штурман эскадрильи Вячеслав Рипневский и начальник связи Михаил Сторожук. Но никто еще не знает об этом. Они живут, о чем-то беспокоятся, хлопочут, улыбаются и сердятся, как подлинные хозяева ходят по зеленому ковру Шотовского аэродрома, по освобожденной украинской земле, с которой поднимутся в свой последний полет и шагнут в бессмертие.

Вот Вишняков, Рипневский и Сторожук идут с командного пункта. Сейчас они будут ставить боевую задачу первой эскадрилье. Евгений Сергеевич в хорошем настроении. Он высок, строен, энергичен — прирожденный летчик. На ходу Вишняков отдает распоряжение:

— Бондаренко, в полк прибыл оператор кинохроники. Возьмешь его на борт. Будет снимать нашу шестерку. Отбомбишься по цели с пикирования одиночно. Понял?

— Товарищ гвардии капитан, освободите меня, пожалуйста, от фотографа. Я — не суеверный человек. Но… Ведь боевой полет…

— Вот тебе, здравствуйте!.. Довоевались!

— Товарищ гвардии капитан, когда человек просит… Евгений Сергеевич сердится. Но — знаю — он отходчив.

— А ты, лихой разведчик, еще не разучился летать в строю и пикировать? — спрашивает он строго.

У Евгения Сергеевича немножко выдается вперед подбородок, негустые, прямые волосы зачесаны на правую сторону. Нельзя сказать, что он красив, но в его волевом лице есть что-то привлекательное. А какая у него душа! Как его любят однополчане! Комэску всего двадцать девять лет, а все зовут Евгения Сергеевича батей.

— Товарищ гвардии капитан, летать в строю и пикировать не разучился. Как прикажете — так и выполню.

— Близко нужно идти, совсем близко. Понял?

— Понял, товарищ гвардии капитан!

— Пойдешь моим правым ведомым.

— Есть!

— Кинооператора повезет Панфилов. Понял, Панфилов?

— Так точно, — в тон командиру ответил тот.

Слушаем боевую задачу. Боевой порядок — две девятки, ведомые Валентиком и Покровским, шестерка Вишнякова и, как сразу же окрестили ребята, «гастролер» Панфилов с кинооператором. Удар по цели в десять двадцать пять. Прикрытие от 3-го истребительного авиационного корпуса генерала

Савицкого. Мой экипаж: штурман гвардии младший лейтенант Виктор Мирошников и гвардии сержант Петр Баглай.

Проложены на картах маршруты. По фотоснимкам изучена цель. Все готово. Вскоре над летным полем взвилась зеленая ракета — сигнал «По самолетам!». Бегу с экипажем на семнадцатую машину. Ее механик смотрит, как я надеваю парашют, и спрашивает:

— Товарищ командир, скажите, страшно с парашютом прыгать?

— Потом, потом расскажу! Сейчас некогда. Ты лучше ответь: все струбцины снял с рулей?

— Все. Еще до восхода солнца.

— Рано! Нужно снимать перед вылетом, чтобы элероны и рули не трепало ветром.

Над КП взвиваются две зеленые ракеты. Летчики запускают моторы и вслед за Валентиком, Покровским и Вишняковым выруливают самолеты на взлетно-посадочную полосу.

Уходит в небо первая девятка, за ней вторая. Берет старт и наша шестерка, а справа от нее взлетает «пешка» Панфилова. Круг над аэродромом. Панфилов пристраивается к нам, и оператор начинает работу. Идем плотным строем. Нет-нет да и взгляну, как киношник крутит ручку аппарата.

— Если ему понадобится прыгать, то сначала он аппарат бросит, а потом сам выбросится, — шутит Мирошников.

— Виктор, по такому поводу шутить не надо, — отвечаю ему, вспомнив ходившую в полку байку: с кем Мирошников ни полетит — сбивают.

Впереди аэродром истребителей прикрытия. Валентик ведет полк по кругу. Истребители взлетают, пристраиваются к нам, а затем куда-то исчезают. Да, это не 9-й гвардейский полк! Те своим прикрытием нас всегда воодушевляли. А эти… Вскоре показалась цель.

— Виктор, где Панфилов? Что-то не вижу его.

— Передал, что забарахлил мотор. Ушел на аэродром Веселое, докладывает Баглай.

— Я так и знал! Поведешься с фотографом — добра не жди.

Впереди идущие девятки уже перестроились в колонну звеньев. Вишняков покачиванием с крыла на крыло подает сигнал для перестроения. Звено Пронина заняло установленную дистанцию. Иду в плотном строю. Угадываю по движению губ почти каждое слово, сказанное Вишпяковым и Рипневским. Жесты их тоже мне понятны. Скоро надо будет атаковать цель, и Рипневский указывает на нее командиру, глядя в нижнее остекление. Вишняков отвечает кивком головы, что видит, а

Вячеслав припадает глазами к штурманскому прицелу, чтобы хорошо навести самолет и своевременно подать команду на ввод в пикирование.

— Приготовиться к пикированию! — следует очередной сигнал Вишнякова.

Болдырев и я берем принижение, увеличиваем дистанцию, затяжеляем винты. У самолета командира идут на выпуск тормозные решетки — выпускаю их и я на своей машине. Бьют зенитки. Разрывов так много, что кажется, будто фашисты непрерывно вколачивают в небо гвозди с широкими огненными шляпками. Чтобы не опоздать с вводом в пикирование, внимательно смотрю на самолет ведущего. Я иду с принижением. При криволинейном движении на вводе радиус дуги — пути моей машины — будет меньше, чем у самолета Вишнякова. Следовательно, я должен резче входить в пикирование. Вишняков пошел. Энергично отдаю штурвал от себя. Машина стремится к заваливанию в левый крен. Удерживаю ее отклонением элеронов, стараясь точно соблюсти дистанцию и интервал. С пола летит в глаза всякая всячина. Сейчас все, что не закреплено в кабине, даже пятикилограммовый надголовник пилотского сиденья, может висеть в воздухе.

Помню, при первых полетах на пикирование казалось, что вот-вот оторвется сердце. С последующими тренировками все это прошло. Конечно, нам, пикировщикам, тогда не было известно распространенное сейчас слово «невесомость». А ведь каждый испытал это состояние…

Три наших Пе-2 стремительно летят вниз, к цели. Быстро нарастает скорость. Слышимый в кабине гул с каждым мгновением усиливается. Машина звенит как струна. Внимательно слежу за самолетом ведущего. Вишняков держит угол пикирования около восьмидесяти градусов. Смотрю на четыре ФАБа двухсотпятидесятикилограммовые бомбы, подвешенные под фюзеляжем его машины. Вот они отделяются. Я тут же нажимаю на кнопку сбрасывания и вывода самолета из пикирования, вмонтированную в правый рог штурвала. От пятикратной перегрузки тяжелеют веки и слегка мутнеет перед глазами. Чтобы не отстать на выводе, я, как это принято делать, при подходе к горизонту убираю тормозные решетки.

— Командир, бомбы положены в цель. Самолет Болдырева выходит из пикирования нормально! — докладывает скороговоркой Мирошников.

— Хорошо! — отвечаю коротко.

Звено вышло из пикирования в направлении Черного моря. Мой самолет почему-то стремительно обгоняет машину

Вишнякова. Убираю газ, но обгон не прекращается.

— У самолета командира не убрались решетки! — кричу я Мирошникову.

— И почему-то Рипневского не видно, — отвечает он.

Я не решаюсь, как это сделал Болдырев, выпуском посадочных щитков (их прочность рассчитана на скорость триста сорок километров в час) затормозить свой самолет. Делаю отворот вправо, гашу скорость и пристраиваюсь к самолету Вишнякова. Звено летит над Черным морем на высоте 1200 метров. На самолете командира эскадрильи что-то неладное!.. Над целью, вероятно на прямолинейном участке пикирования, погиб Рипневский, а Вишняков тяжело ранен. Теперь ясно: уборкой тормозных решеток на машине ведущего никто не занимается. Подхожу еще ближе. В открытую форточку отчетливо вижу лицо командира.

— Что случилось у вас? — кричу я, хотя знаю, что он все равно не услышит.

Евгений Сергеевич повернул ко мне голову. Его лицо от потери крови и боли побледнело. Он малоподвижен, обеими руками держит штурвал…

Машина, не разворачиваясь на обратный маршрут, продолжает полет над морем. Наконец Евгений Сергеевич медленно, с трудом повернулся ко мне и несколько раз качнул головой, давая понять, что на полу кабины лежит Рипневский.

В это время впереди появляются белые шапки разрывов.

— С кораблей стреляют? — спрашиваю Мирошникова и тут же вижу: в двадцати метрах от самолета Вишнякова висит истребитель «Фокке-Вульф-190» и бьет изо всех огневых точек. — Ах ты, гадина! — ору я не своим голосом. Ребята, на хвосте командирской машины «фоккер»! Стреляйте по нему! приказываю экипажу. — Где наши «яки»? Баглай, где капитан Кочетков со своими орлами? — спрашиваю стрелка-радиста.

— Я их не вижу!

— Стреляйте! И смотрите внимательно! — снова обращаюсь к экипажу.

— Командир, доверни машину вправо на тридцать, — просит Баглай, — чтобы вести прицельный огонь.

— Не могу! Нарушу строй! Штурман, стреляй!

Баглай ведет огонь из нижней установки. Длинной прицельной очередью бьет по «фоккеру» Сторожук.

— Молодец! — хвалю я его. Смотрю на «фоккеры». Тупоносые. А с хвоста такие же худые, как «мессер».

После короткого поединка пулемет Сторожука замолкает. Из-под правого мотора самолета Вишнякова, из щели, образованной

нижним капотом и мотогондолой, показался небольшой язык пламени. Я и Болдырев, не нарушая строя, ведем свои самолеты.

Вдруг загорается и самолет Болдырева. Борис уходит влево к берегу на вынужденную посадку.

— Не могу достать гада! На стволе дымит смазка! — ругается Баглай и прекращает стрельбу.

Гитлеровец, пилотирующий «фоккер», очень опытный. Он хорошо знает секторы обстрела пулеметов Пе-2. Знает и то, что три сбитых русских самолета — виза на длительный отдых. Он очень старается. Но он еще не знает, что Сторожук уже дал ему другую визу. Мне отчетливо видна тоненькая, как веревочка, струйка дыма, которая тянется за хвостом «фоккера». Но гитлеровец, очевидно, не замечает, что его самолет подбит.

Взмыв вверх и выполнив переворот через левое крыло, он бросается на меня. Надо скорее развернуться вправо! Но что с командиром? Я вижу, что его горящая машина летит в прежнем направлении. У меня не хватает духа бросить Вишнякова, хотя знаю, что помочь ему ничем не смогу. «Фоккер» снова дает очередь, теперь ужо по нашему самолету. Я весь сжался. Снаряды и пули (будто лупит кто-то дубинками) часто барабанят по левому борту машины. Резко разворачиваюсь к берегу и вижу, как, отвесно пикируя, проносится мимо объятый пламенем и дымом «Фокке-Вульф-190».

В это время и машина Вишнякова падает в море. Воздушный бой резко оборвался.

Мы одни над этой кажущейся бездонной водной стихией. Горит консольный бак моей машины. Уходит назад черная полоса дыма. Фриц ударил и по левому мотору: стрелка, показывающая давление масла, подошла к нулю. Быстро поползла вправо, на повышение, стрелка термопары. «Надо дать полный газ. И садиться на фюзеляж в Байдарской долине», — мгновенно созрело решение. Правда, поврежденный мотор работает без смазки, но другого выхода нет. Полный газ! Потяни еще немного, браток!

Впереди слева виднеется Балаклава. Вижу каменистые гребни гор. Сейчас они кажутся неприветливыми. Молча, сжав зубы, выполняю принятое решение. Тоскливо смотрю на море, на волны, которые с высоты кажутся очень маленькими. Бак горит уже слабо — выработан бензин. Но совсем рядом с пламенем — левый элерон, обтянутый авиационной перкалью и покрашенный легковоспламеняющейся эмалитовой краской. Помню я и о том, что пары бензина могут взорваться…

Под самолетом промелькнула береговая черта. Хорошо. Иду к единственной расположенной между гор лощине. Правда, она

неровная в поросла редкими деревьями и кустарником. Теперь знаю точно: самолет не удастся спасти — но что поделаешь… Для посадки на минимальной скорости полностью выпускаю щитки. Высота четыреста метров. Тороплюсь снизиться и приземлить машину. Убираю газ — самолет круто идет к земле. Я опять не привязан плечевыми ремнями. Мысленно ругаю себя за нарушение. Что делать, взлетаешь рассчитываешь на лучшее.

— Витя, держи меня за лямки парашюта! — прошу я Мирошникова.

Прижавшись грудью к бронеспинке, Виктор крепко держит меня. «Выбираю» машину из угла планирования. Вот-вот приземлится. Но вдруг впереди вырастает высокий бугор. «В него придется удар кабиной», — успеваю сообразить и тут же даю газ. Перетягиваю через бугор и продолжаю посадку. Машина приземляется на фюзеляж. Скребут о землю и первыми ломаются посадочные щитки. «Пешка», как живая, легла на мотогондолы. По инерции ее потащило вперед. Все было бы хорошо, но на пути под углом сорок градусов оказалась узкая, мощенная булыжником дорога. Она нарушила прямолинейное скольжение самолета: скорость была еще велика, машина, отклонившись вправо, начала ломаться. У Мирошникова не хватило силы держать меня и держаться самому. Нас обоих прижало к правому борту кабины. «Не потерять бы сознание — иначе сгорю!» — твержу себе мысленно и крепко держусь за штурвал.

«Пешка» ударяется передней частью кабины о стоящее слева толстое дерево. Часть кабины отламывается. Самолет соскальзывает в поросший лозой овражек и останавливается.

Быстро отстегиваю ремни и, не теряя ни секунды, выбираюсь из кабины. Вместе со мной торопятся уйти от горящей машины Мирошников и Баглай.

Отбежав на безопасное расстояние, с грустью смотрим на свой объятый огнем самолет. Прощай, боевой друг! Сегодня ты нас особенно выручил. Спасибо!

В это время кто-то хватает меня за плечо. Резко поворачиваюсь. Рядом стоит запыхавшийся офицер войск связи.

— Товарищ летчик, дайте нам радиостанцию, — просит он.

— «Дайте»… Берите! Как я ее вам дам? Как вы ее возьмете?

— Топорами вырубим!

— Ну что ж, рубите! Только осторожно…

— Знаешь, Николай, меня чем-то очень больно по спине ударило, — говорит Баглай, сгибаясь и разгибаясь.

— А почему ты не прыгал, когда береговую черту перелетали? — с хитринкой спрашивает его Мирошников.

— Почему, почему… Команды не было, вот и не прыгал.

— А почему ты, орел, по «фоккеру» не стрелял? — спрашиваю серьезно Мирошникова.

— Забыл я… — помявшись и покраснев, отвечает Виктор.

— Забыл стрелять? Я же тебе кричал!

— Да нет. Я забыл пулемет снять с предохранителя. Жму спусковой крючок…

— Эх, Витя, Витя!.. Набаловал нас, хлопцы, своим хорошим прикрытием девятый гвардейский полк! Из пяти пулеметов звена стреляли только два. У остальных, видите ли, «уважительные» причины. И это — гвардейцы! Позор!

— Но ведь Сторожук вогнал «фокке-вульфа» в море! — оправдывается Мирошников.

— Брось, Витя! Сторожук вогнал — ему честь и хвали. Он молодец! А мы сегодня слабаки и ротозеи. И этот капитан… — рохля, а не истребитель! Видно, учат их плохо.

— Да-а, разве это прикрытие?! — возмущается Баглай.

— Ладно. Пусть в этом разбираются Чучев и Хрюкин, а мы давайте умоемся и пойдем домой, — говорю я, направляясь к журчащему неподалеку ручью.

Мирошников и Баглай молча следуют за мной. Мы находимся в (не пропечатано слово — OCR) километрах от линии фронта, и нам хорошо видно, как группа за группой идут к целям наши штурмовики и бомбардировщики. Ведут бои истребители.

— Наши сейчас уже дома, — нарушает молчание Мирошников.

— Да. А что вечером будет твориться? — ни к кому не обращаясь, спрашивает Баглай.

— Как что? На разборе полетов Валентик спросит: «Кто, товарищи, видел, пусть встанет и доложит, почему не вернулись с боевого задания Вишняков, Болдырев и Бондаренко».

— Да…

— Вот тебе и «да». И будут наши ребята вставать и путать! И еще не известно, что с самолетом Болдырева!

— Где-нибудь в горах разложен по частям.

— Я слышал, как Комаров передал, что заклинило рули поворота, пробит маслобак, а он ранен.

— Вот что?..

— Самолет Болдырева не горел, — говорит уверенно Баглай.

— Хоть бы экипаж в живых остался.

— Если не упали в море, то может быть…

Идем с заброшенными за спину парашютами. Часто встречаются подразделения пехоты и артиллерии, направляющиеся к линии фронта. Солдаты молчаливы, задумчивы, лица их серьезны.

В первом встретившемся населенном пункте раздобыли буханку хлеба. Мирошников разламывает ее на три части и дает мне больший, чем себе и Баглаю, кусок. Я не обрываю его и, чтобы не обидеть, беру хлеб. Знаю — это за посадку горящей машины.

Заморили червяка. Баглай хлопнул рукой по своему животу и, засмеявшись, произнес:

— Жить, братцы, можно! Когда съел хлеб, показалось, что и до дома уже недалеко.

— Пока доберемся до Веселого, пять раз проголодаемся, — заключает Мирошников.

Голосуем шоферу проходящей полуторки. Сидящий в кабине старший лейтенант после моих расспросов поясняет:

— Мы едем в Симферополь, но только дальней дорогой. Садитесь в кузов, подвезем.

Крым… В детстве я много слышал и читал о нем. Хотелось бы в другое время и в другой обстановке побывать здесь. Но что поделаешь, если не успел до войны. Дорога, по которой пылит наша полуторка, то проходит рядом с морем, то поднимается в горы, то петляет в тесных лощинах.

Здесь гремели бои недавно. Рядом с дорогой — обезвреженные немецкие мины, обугленные деревья, разбитые орудия, повозки, убитые, вздутые лошади. А вот, разбросав руки, лежит забытый своими могильщиками немецкий солдат. Он такой же вздутый, как те упавшие под откос лошади. Он уже не страшен. Напротив, как и ко всякому мертвецу, где-то в глубине теплится чувство простой человеческой жалости. Странно даже… А ведь еще несколько дней назад он был злобным врагом… Думал ли этот завоеватель в июне сорок первого, что его ждет вот такой конец?.. Невольно напрашивается вопрос: «Зачем ты пришел сюда к нам, фашист?..»

…Позади двое суток пути. Остановив на окраине Симферополя машину, старший лейтенант говорит мне:

— Дальше подвез бы, да не могу. У вас другой маршрут. Чем можно было помог вам. Теперь идите на северную окраину города — там все машины едут на Джанкой.

— Хорошо. Спасибо. Тут уже нам до дома рукой подать.

Наконец мы добираемся до деревни Веселое.

А вот и аэродром и стоянка самолетов третьей эскадрильи нашего полка. На ней все замерло. Техники стоят у самолетов и молча рассматривают нас.

— Здорово, техмоща! — поднимаю кверху руку. Молчание.

— Вы что, перловой каши объелись и своих уже не узнаете?

Они быстро подходят и, узнав нас, бросаются обнимать.

— Коля, дорогой, вчера нам приказ Хрюкина зачитали… Мы вас уже похоронили, — говорит Георгий Долгопятов. — В приказе так и сказано: «Самолет правого ведомого лейтенанта Бондаренко был сбит и упал в море…»

— Ну что ты, Жора? Если из мертвых ожили — значит, долго жить будем.

Идем в столовую. Я вижу, что летчики, штурманы и стрелки-радисты стоят у ее входа и о чем-то разговаривают. Еще издали я узнаю высокого, на две головы выше всех ростом, стройного, как тополь, Александра Пронина. Подходим ближе — узнаю других ребят. Вижу, что и они нас заметили. Прекращают разговоры, всматриваются, а затем что есть силы бегут к нам. Сашка Пронин подбегает первым. Он с разбегу крепко обнимает меня и целует.

— Ребята!.. Пришел… Колька, пришел!.. — взволнованно повторяет он.

Опустив голову, мы все медленно идем и говорим об экипажах Вишнякова и Болдырева. Уже прошло трое суток, но не проходит боль от столь тяжелой утраты. Такой потери после гибели экипажа Генкина в нашем полку еще не было.

Подходим к командному пункту полка. У входа стоят Валентик и Чучев. Докладываю Чучеву о прибытии и обо всем, что знаю. И Чучев и Валентик хмуро слушают меня. По выражению их лиц определяю, что они очень тяжело переживают гибель экипажей Вишнякова и Болдырева. Чучев посмотрел на меня потеплевшим взглядом и сказал:

— Похудели вы сильно, товарищ Бондаренко…

— Не знаю, товарищ гвардии полковник… Трое суток мы добирались, естественно, на «подножном» довольствии… но главное не в этом. Обидно, что погиб наш комэск.

— Не падайте духом. Война. Без потерь не обойдешься… — Чучев помолчал и уже решительно добавил: — За смерть товарищей будем мстить. Посмотрим, возможно, ваш экипаж мы пошлем в дом отдыха.

— Я хочу завтра же лететь на задание, товарищ гвардии полковник.

— Вам надо сделать перерыв. На задание есть кому лететь. Товарищ Пронин, проводите экипаж Бондаренко в столовую. Пусть позавтракают, распоряжается Чучев.

— Тяжело… — в раздумье нарушил я молчание. — Закончится война, весна будет сменять зиму, будет зеленеть трава, будут цвести сады, все будет, а Вишнякова — нашего бати — не будет. В его гибели есть наша вина… Сбили бы «фоккер», возможно, он и посадил бы машину.

— Сбили бы… Поди сбей! Командующий армией строго

наказал истребителей прикрытия. Но что толку! — возмущается Пронин, не замечая, что ковыряет вилкой скатерть.

— Хрюкин знал Вишнякова лично. В его приказе так и говорится: «… в результате ротозейства истребителей прикрытия погиб замечательный командир эскадрильи Вишняков», — дополняет сказанное Прониным Угаров.

— Вишняков — пикировщик первого класса. Уж как, бывало, положит Евгений Сергеевич машину в отвесное пике — убегай фашисты на тот свет!.. — замечает Таюрский.

— За экипаж Вишнякова отомстим гадам. — Угаров поднял кулак и решительно опустил.

— Само собой разумеется, Коля!..

Через трое суток прибыл со штурманом Василием Дегтярем и раненым стрелком-радистом Федором Комаровым командир звена Болдырев.

Но все еще не хочется верить, что никогда уже больше не вернется к нам всеми любимый экипаж Вишнякова. Все мы тяжело переживали эту потерю. А механик по спецоборудованию гвардии старший сержант Леонид Павлович Утробин выразил нашу общую боль в стихотворении. Приведу некоторые строки.

Немало фрицев полегло
От бомб комэска Вишнякова.
В пургу, и в слякоть, и в туман
Летал бесстрашный капитан,
Водил девятки «петлякова».
Он повседневно нас учил
С врагами мастерски сражаться.
Он лучше всех всегда бомбил
И группы лучше всех водил
Таким мы знаем сталинградца.
И, даже раненный в бою.
Он не покинул поле боя.
Забыть героя нам нельзя,
Так поклянемся же, друзья,
Что отомстим за смерть героя!..
Мы славу нашу пронесем
На крыльях грозных «петлякова».
Везде и всюду в нас живет
И нас на подвиги зовет
Бессмертный образ Вишнякова!

9 мая, в день освобождения Севастополя, я вспомнил о кадрах кинохроники, которые видел в начале 1943 года в кинотеатре.

…Под разрывы снарядов последний советский солдат оставляет город. Демонстрация кинофильма заканчивается. В зале зажигается свет. А диктор властно произносит:

— Мы вернемся к тебе, Севастополь!..

И мы вернулись! 9 мая 1944 года город славы русского оружия Севастополь был освобожден.

12 мая фашисты сброшены в море — освобожден весь Крым. За это отданы труд, кровь, жизнь и авиаторов 135-го полка. Фашистские танки, самоходки, самолеты, лес стволов зенитных орудий — они могли бы стать экспонатами для экскурсий по местам нашей боевой славы, а кое для кого — грозным предостережением!..

* * *

…После недельного пребывания в доме отдыха (комдив Чучев сдержал свое слово) чертовски хочется в свой полк.

И вот мы дома. За это время в наш полк пришло пополнение. Прибыли командир эскадрильи капитан Попов и два молодых летчика — Беляев и Еремеев.

Пронин, проверив технику пилотирования Беляева и Еремеева, тренирует их в выполнении группового пикирования. Прямо сказать, пикируют ребята здорово! Наши летчики с восхищением смотрят на крутые ястребиные горки, когда звено Пронина стремительно взмывает в зенит после атаки. Стрелок-радист Алексей Зубенко по-украински заключает:

— О, цэ парубкы! Дэржаця за ведучого, як бис за грешную душу!

Сегодня на аэродроме Веселое царит оживление. У нас очередной праздник. Заместитель командующего армией генерал-лейтенант авиации Самохин вручает нашему полку гвардейское Знамя. Преклонив колено, командир от имени личного состава дает клятву высоко нести звание гвардейца, еще сильнее громить фашистскую орду.

Мы дружно повторяем эти священные слова. Затем полк торжественным маршем проходит мимо Знамени, под которым воины будут сражаться до окончательной победы над фашизмом.

А через несколько дней к нам из Таганрога прибывает делегация во главе со вторым секретарем горкома партии товарищем Ткаченко. Делегаты вручили авиаторам части самолет Пе-2 («Таганрогский пионер») — подарок пионеров и школьников. Молодцы ребята! По решению командования летать на этой машине будет Петр Моисеев.

В торжественной обстановке делегация Таганрога вручает свой подарок экипажу Моисеева, а затем товарищ Ткаченко просит командира дивизии показать, как «Таганрогский пионер» летает.

Чучев дает разрешение на пробный вылет. Петя Моисеев лихо запускает моторы и выруливает машину на бетонированную полосу.

Взлет. «Пешка» проходит над аэродромом несколько раз на бреющем и идет на посадку. Моисеев, конечно, волнуется (не каждый день у него такое!) и при посадке допускает огромного «козла». Видя эту картину, молодая артистка член делегации — не вытерпела, подошла к Валентику и мелодичным голоском спрашивает:

— Почему наш самолет при посадке так прыгает?

— Это Моисеев шасси испытывает на прочность, — не растерялся Валентик.

— Что-что?

— Как вам понятнее сказать?.. Моисеев проверяет прочность колес. Задание такое дал я ему…

— О, это хорошо, — сказала она.

Потом, когда мы сидели в землянке и беседовали, командир звена Харин вдруг спросил Моисеева с явной иронией:

— Петюня! Расскажи, как ты испытывал на прочность шасси своей новой машины?

— Хлопцы! Да не шасси он испытывал. Просто при посадке загляделся на красивую артистку! — шутит штурман Володя Пеший.

— Ну, Крючок, подколол! — вместе со всеми добродушно смеется Моисеев.

…Герой Советского Союза генерал-полковник Т. Т. Хрюкин назначен командующим 1-й воздушной армией, которая входила в состав 3-го Белорусского фронта. Он добивается перевода туда нашей 6-й гвардейской дивизии. Мы, летчики, очень рады такому решению: по-прежнему будем воевать под руководством своего любимого командарма.

И вот дивизия Чучева готовится к перебазированию на 3-й Белорусский фронт, аэродромы Боровское и Шаталово.

Вылетаем 30 мая. Позади Крым и Сиваш. Под крылом Геническ, затем Мелитополь, Запорожье, Днепропетровск… И особенно дорогие сердцу селения Акимовка, Терпение, Михайловка на левобережье Днепра.

На самолете Таюрского — собранные нами большие букеты цветов. Мы мысленно возложили их на могилы погибших за Родину боевых товарищей: Василия Хижняка, майора Железного,

Петра Сапежинского, Симона Сухарева, Георгия Долгирева, Павла Конева и многих других известных и безымянных героев. Выполняя приказ Родины, мы летим на другой фронт. Мы летим освобождать родную Белоруссию!

Здравствуй, Неман!

Мы находимся на аэродроме Ломская. С этого аэродрома производятся полеты на бомбардировку различных вражеских целей. Моисеев и я летаем на разведку тылов. Количество наших вылетов подходит уже к сотне.

Однажды утром, после построения летного состава на аэродроме, Моисеева и меня позвал к себе начальник оперативного отделения штаба Топорков, отвел в сторону и сказал:

— Вот что, товарищи, командование решило: когда вы произведете по сто положенных по приказу Верховного Главнокомандующего вылетов на разведку, представить вас к присвоению звания Героя Советского Союза.

— Товарищ гвардии капитан, мы не за ордена и не за звезды воюем, задирается Моисеев.

— Все это ясно! Все мы воюем за честь, свободу и независимость Советской Родины! И самых лучших своих сынов она отмечает наградами. Вам понятно, товарищ Моисеев?

— Понятно. Мы стараемся, но о наградах не думаем.

— Ох, и задиристые же вы, разведчики! По секрету скажу: велел это передать вам Чучев.

Расходимся. Вообще-то, я не сказал бы, что после этого разговора у нас не стало лучше настроение.

Мы получаем задания на разведку в районы Борисова, Минска, Молодечно, Вильнюса, Каунаса, Лиды, Гродно. Под самолетом — многострадальная белорусская земля. Радостно оттого, что я, ее сын, участвую в освобождении своего родного края.

3 июля 1944 года войсками 3-го Белорусского фронта взята столица Белоруссии — Минск. А за несколько дней до этого я видел, как он весь был окутан дымом пожарищ. Я летел и вспоминал, как однажды до войны мы с отцом были в этом красивом городе. Что сделали с ним фашисты!..

Теперь уже горят и другие белорусские города и села. По опыту боевой работы на юге знаю: когда гитлеровцы отступают, они в звериной злобе жгут все… Летчики полка летают бомбить окруженную минскую группировку. Мы с Моисеевым стараемся не отстать от них. Освоившись на новом самолете «Таганрогский пионер», Моисеев отлично летает на нем.

Во время нашего базирования на аэродроме Ломская у Петра начала болеть правая нога. Правда, он никому об этом не говорит, но я вижу, как часто он растирает ее.

— Мося, нога болит? — спрашиваю.

Моисеев несколько секунд молчит, будто раздумывая, стоит ли говорить правду.

— Болит, Коля. И не знаю отчего.

На лице Моисеева выражен еле уловимый оттенок страдания. Заметить его может только тот, кто всегда и везде находится рядом с ним.

— Ты что, забыл, как в Мечетке на высоте ноги обморозил?

— Я не забыл. Но ведь год уже прошел…

— Слушай, обратись-ка ты, Петро, к Ануфриеву. Он хороший врач и человек. Авось поможет.

— Ну вот еще придумал! К врачам только обратись! Отстранит от полетов твой Ануфриев — и все лечение! — разозлился Моисеев. — Будь ты на моем месте — тоже не пошел бы в санчасть.

— Да, наверно, — откровенно признался я. На этом наш разговор и закончился.

…Успешно наступают войска 3-го Белорусского фронта. Им командует талантливый полководец дважды Герой Советского Союза генерал армии Черняховский. Каждое утро мы отмечаем перемещение линии фронта на своих полетных картах. Радостно, очень радостно, что километр за километром освобождается советская земля. И вместе с тем тяжело на душе за погибших друзей.

Вот и сегодня с экипажем Еремеева случилась беда. У его самолета отказал на малой высоте мотор. Экипаж (как это ни обидно) подорвался на собственных бомбах.

Когда у Пе-2 на малой высоте отказывает мотор — положение крайне опасное. Помня об этом, я всегда стараюсь после взлета с бомбами быстрее набрать высоту четыреста метров. Если сдаст мотор, то с такой высоты бомбы можно безопасно сбросить на «невзрыв» (вне цели бомбы сбрасываются на «невзрыв») и действовать по обстановке. Правда, и здесь не все обстоит благополучно: очень часто одна из бомб взрывается. Мы твердо решили: при отказе мотора на малой высоте производить посадку на фюзеляж с бомбами. Каждому летчику, прибывшему в полк, мы не стесняясь так и говорим:

— Не вздумай при отказе мотора бомбы на малой высоте сбрасывать!

Беляев и Еремеев начали успешно летать на боевые задания с Боровского аэродрома. Но сегодня Борька нас не послушал — сбросил бомбы на «невзрыв» у земли. Он и штурман погибли, а стрелок-радист Ваня Краснов тяжело ранен и контужен. Нелегко переживать потерю товарищей, но на войне без этого не

обходится… Когда проходят в нашем полку строевые и торжественные собрания, на которых подводятся итоги боевой работы, нам сообщается о количестве боевых самолето-вылетов, о весе сброшенных бомб в тоннах, о налете полка в часах и минутах. В этой «бухгалтерии» появилась и такая графа: сколько солдат и офицеров противника мы взяли в плен. Обще известно: от цифровых показателей некоторых товарищей на собраниях иногда клонит ко сну. Но когда называют цифру пленных, взятых авиаторами, — зал оживает. Все смеются и смотрят в сторону Топоркова, с которым приключился на днях любопытный случай. Чувствуя себя именинником, добродушно смеется и Федор.

А дело было так. Этим летом уродилась земляника. Но в лесу бродило очень много вооруженных немцев из окруженной группировки, и население деревни Мачулище махнуло на ягоды рукой. А Топорков махнул рукой на немцев. И пошел безоружным в расположенный рядом с аэродромом лесок за земляникой.

Долго ли Топорков смаковал ягодки и наслаждался их ароматом, я не знаю. Но только он оторвал от них взгляд, как видит, что на него в упор направлен парабеллум гитлеровца.

Федор тут же молниеносно бьет по пистолету кулаком — раздается выстрел в сторону, еще удар — уже по голове он бьет фашиста, хватает с земли его парабеллум и громко, на весь лес, кричит:

— А-ах вы, сволочи!.. Да я вас!..

Это было ошеломляюще. Офицер поднял руки вверх, а за ним подняли вверх давно не мытые руки вооруженные автоматами двадцать солдат. Всех их строем и привел на КП Топорков.

* * *

…Немцы удирают все дальше на запад. И мы перебазируемся на новый аэродром Чеховцы под Лидой.

Послан на учебу в военно-воздушную академию командир эскадрильи Покровский. Полк стал пополняться новыми людьми. Вскоре к нам прибыли: мой старый знакомый по Тамбовской авиашколе летчик Семен Гуревич, штурман Николай Ус, стрелок-радист Василий Газин, летчики Федор Спиглазов, Анатолий Балабанов и другие.

С аэродрома Чеховцы полк ведет напряженную боевую работу. Освобождаются города Гродно, Вильнюс, Каунас.

Мы с Моисеевым летаем на разведку в районы Гольдана, Ростенбурга, Летцена, Гумбиннена, Инстенбурга, Таураге, Тильзита.

Новые летчики, штурманы и стрелки-радисты полка быстро втянулись в боевую работу. Сколько рассказов, сколько радости в глазах этих парней, когда они прилетают с боевого задания! Какое это счастье — воевать рядом с такими ребятами!

Шопен уехал в армейский госпиталь лечить уши. Чтобы легче было добраться до госпиталя, Дима взял с собой карту-двухкилометровку. Мы уже знаем: когда он вернется в полк, то вся обратная сторона карты будет исписана стихами. Почитаем!

На задания я летаю теперь с Воиновым Сашей. В одном из вылетов на разведку, когда была уже набрана высота три тысячи метров, у штурмана, как бы невзначай, вырвалось:

— Тьфу, черт!

— Что с тобой? — спрашиваю его.

— Да боюсь тебе говорить. Ругаться будешь.

— Забыл что-нибудь сделать перед вылетом?

— Нет, парашют распустил нечаянно, — виновато отвечает штурман.

Ничего не говоря Воинову, убираю газ и круто планирую на посадку.

— Командир, что случилось? — кричит Баглай.

— Все хорошо, Петя, просто у Саши парашют распустился.

— Ты на посадку? — подступив ко мне, спрашивает Воинов.

— Да! Я быстро… Сядем, наденешь другой, и полетим на задание.

— Нет, не надо! Набирай высоту и держи курс к линии фронта!

Я нехотя дал газ, перевел машину в набор, но распущенный парашют Воинова не давал мне покоя.

— Сашок, давай все же сядем.

— Нет, не надо: набирай высоту и иди к линии фронта. Ерунда, все будет хорошо!

— Тогда свяжи хоть купол стропами, чтобы не вырвало парашют из кабины.

— Это можно.

Вижу: он снял с себя подвесную систему и начал аккуратно заматывать белый шелк.

К счастью, полет наш прошел благополучно. Но я подумал тогда о Воинове: «Какой решительный и смелый товарищ. Главное для него — выполнить боевое задание. С таким можно воевать!..»

Когда я летал над Украиной, много раз пересекая могучий Днепр, то часто вспоминал знаменитое гоголевское — «Чуден Днепр…» Он действительно чуден, если смотреть на него с высоты птичьего полета. В Белоруссии своя главная река —

широкий привольный Неман. Он так же прекрасен, как и Днепр. Сейчас, перелетая через широкую голубую ленту, мысленно произношу: «Здравствуй, наш родной Неман! Вот какой ты красавец! Встречай своих освободителей!..»

— Коля, а Неман такой же, как Днепр, только чуть поуже. Правда, белорус? — спрашивает Воинов, словно подслушав мои мысли.

— Да, Саша. Смотрю вот на родные места — так и хочется смазать фашистам «мокрай трапкай по бруху». Когда мы, гомельские, учились в Тамбовской школе и смешивали белорусскую мову с русским языком, то москвичи и ленинградцы быстро научили нас говорить правильно!

Я поворачиваюсь к нему и вижу его не закрытые кислородной маской веселые глаза.

— Сашок, спроси у Петра, хорошо ли у него кислород подается?

— Баглай, как себя чувствуешь? — спрашивает Воинов, нажав кнопку самолетного переговорного устройства.

— Хорошо. Кислород подается нормально. Держу связь с аэродромом.

— Передай, Петро, погоду: высокослоистая облачность пять баллов, видимость двадцать пять километров, температура на высоте минус двадцать восемь градусов.

— Передаю.

— Смотрите за воздухом, — вступаю я в разговор.

— В воздухе спокойно, — отвечает Воинов.

— Понимаешь, Саша, люблю я русский язык, — продолжаю я начатый разговор. — В наших белорусских городах многие говорят по-русски. Нет языка краше русского! А песни больше украинские люблю. «В огороде вэрба рясна, там стояла дивка красна…» Эх, до чего же хороша песня! Когда поют украинские песни, мне от радости хочется плакать…

— Да, песни на Украине что надо, Коля… А почему у тебя фамилия украинская?

— Сосед был украинцем!..

Воинов, смеясь, показывает рукой вперед и говорит:

— Вот уже линия фронта, так что хватит болтать. А немецкий ты изучал в школе?

— Пять лет изучал. Помню только одно предложение: «Дэр онкель Петэр ист тракторист» — «Дядя Петя — тракторист». На фронте усвоил «Хенде хох!» и «Гитлер капут!». Дойдем до Германии, а по-немецки говорить не умеем. Наверное, пора взяться за немецкий.

— Да, скоро где-нибудь в Инстенбурге будет наш аэродром.

— Это обязательно будет, так же, как то, что сегодня взошло солнце.

Выполняем задание. Я захожу на цель, а Воинов фотографирует объекты.

Над Гердауэном, Гумбинненом и Инстенбургом сильно бьют зенитки. Когда налетаешь на облачко разорвавшегося впереди снаряда, в кабине чувствуется сильный запах сгоревшего тротила. Захожу на фотографирование так, что одним заходом «беру» станцию и аэродром.

— Баглай, передай: на аэродроме Инстенбург восемьдесят пять разнотипных самолетов. На станции двенадцать железнодорожных составов, — дает команду стрелку-радисту штурман.

— Понял, передаю. Саша, с бетонированной полосы пошла на взлет пара истребителей. Смотри за ней.

— Вижу. Командир, возьми курс сто восемьдесят градусов, — говорит спокойно Воинов.

Мог ли я тогда знать, что после перебазирования на следующий аэродром погибнет Воинов, погибнет Баглай. И Пети с Сашей не будет… Конец августа. Перебазируемся в Литву, на аэродром Мокштово. Мы уже привыкли к частой смене аэродромов. Это хорошо. Это говорит о том, что немцы драпают слишком быстро.

Аэродром Мокштово особенно запомнился. Возможно потому, что во время базирования на этом аэродроме я потерял много боевых товарищей. Из Мокштова уехал на службу в Москву командир полка Валентик.

Литовская земля очень гостеприимна. Летный состав, так же как и в Чеховцах, живет в большом деревянном здании. В трех его комнатах двухэтажные нары. Мы так привыкли к нарам, что кажется, ничего лучшего на фронтовом аэродроме и не придумаешь. Да нам лучшего и не надо! Плохо только то, что часто пустеют на них места. Нет-нет и посмотришь на матрац, покрытый байковым одеялом, на подушку, наволочка которой слегка потемнела, увидишь небогатые личные вещи: мыльницу, зубную щетку, бритву с чашечкой и помазком, чемодан, в котором хранятся фотографии, книги, письма… И крепче сжимаются кулаки от ненависти к фашистам.

Вот так как-то сразу опустели в Мокштове места летчиков Василия Коваля и Николая Угарова, штурманов Александра Воинова, Василия Дегтяря и Михаила Васильева, стрелков-радистов Евстафия Маркова и Петра Баглая…

Как это непостижимо! Ведь кажется, совсем недавно мы с Угаровым стояли и говорили. Он рассказывал мне, как падал

горящий самолет Коваля. А потом мы вместе летим на задание — Угаров идет моим левым ведомым. И это случайное попадание зенитки! Я видел, как его самолет подпрыгнул вверх и после сбрасывания по цели бомб ушел вправо, на свою территорию. Он не горел, и я успокоился. Но экипаж Угарова в этот день не вернулся. Гвардии капитан Топорков, обзвонив прифронтовые аэродромы, сообщил нам: место посадки самолета Угарова не известно.

Прошло четверо томительных суток. Наконец прибыл стрелок-радист Николай Васюшкин, и мы узнали, как все это было.

Угаров принял решение посадить подбитую машину в поле и спасти ее, но на высоте триста метров она загорелась. Васюшкин смог выпрыгнуть, а Угаров и Воинов не успели. Вот и стою я у воиновского чемоданчика и, раскрыв сборник стихов Иосифа Уткина, читаю отмеченное фигурной скобкой любимое Сашино четверостишие:

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это другая
Это значит… сырая земля.

Да, на фронте нам нужны и такие стихи…

Тяжело на войне. Но живой думает о жизни. Мы бомбим фашистов, летаем на разведку и не унываем. Не забываем и погибших друзей — они всегда незримо находятся рядом с нами.

— Ребята, помните Кольку Угарова? — вдруг спросит кто-нибудь в землянке.

— Разве можно не помнить его! — скажет кто-то в ответ.

— Парень, братцы, был что надо… Помните, как он рассказывал, что его девушка говорила: «Шинок, дай я тебя пачалую».

— А Васька Коваль? Васька Дегтярь? Какие это были ребята!..

— Адамович, — обращается ко мне по одному отчеству Заплавнов, — скажи, когда твой Шопен приедет из госпиталя?

— Шут его знает! Раньше хоть с Сашей Воиновым на разведку летал. А теперь его нет…

— Бери своего Гуревича и дуй на пару!..

— А вы, товарищ Болдырев, без подковырочек, пожалуйста, — отзывается Семен.

— Эс Эм Гуревич! Это правда, что вы узнавали в штабе дивизии, в какой эскадрилье больше награждают? Ну и ас же ты! Такого аса впервые на фронте встречаю!

— После Покрышкина второе место занимает, — смеется Монаев.

— Неужели вы это всерьез?! Это же глупость! Понятно вам? — парирует с достоинством Гуревич.

— Хлопцы, перестаньте, — вступает в разговор Ермолаев. — Человек недавно прибыл в наш полк, еще как следует не разобрал, как бьет зенитка! А вы уж набрасываетесь. Он еще свое покажет!

— Николай! — снова зовет меня Заплавнов.

— Что, Андрюша?

— Было или нет? Внеси, пожалуйста, обществу ясность. Шопен как-то сказал: с таким летчиком, как Бондаренко, хуже нет терять ориентировку. Говорит, принесли колхозники ведро самогону, а ты и понюхать не дал.

— Было такое… Пусть Шопен не теряет ориентировку!

— А приедет твой композитор — повеселит… Он ведь веселый парень, смеется Заплавнов.

Сегодня при выполнении боевого задания чуть не погиб опытный штурман-разведчик Пеший.

Стоит хорошая, ясная погода. Заплавнову, стрелком-радистом у которого летит Иванченко, а штурманом — Пеший, ставится задача: сфотографировать аэродром Кенигсбергского аэроузла, порт Пиллау, железнодорожные станции Кенигсберг и Тапиау. Это уже Пруссия… У противника там сильнейшая противовоздушная оборона. Выполнить это задание нелегко.

После набора высоты четыре с половиной тысячи метров за самолетом Заплавнова потянулся нежелательный в разведке инверсионный след. Попытка Андрея уйти от него не привела к успеху. В прусском небе росписи самолета Заплавнова скрестились со следами от вражеских истребителей. Удачно маневрируя, Заплавнов ушел от истребителей и выполнил задание, за исключением фотографирования станции Тапиау. Температура наружного воздуха минус пятьдесят градусов. У Андрея, летающего редко на высоту, на лице кислородная и меховая маски. Они от сильного мороза заиндевели и смерзлись.

Заплавнов выполнил заход на фотографирование Тапиау, но почему-то Пеший вдруг приумолк. Андрей забеспокоился, а затем увидел, что Пеший сидит на полу кабины со склоненной головой. Заплавнов схватил его за воротник куртки и, потянув к себе, крикнул:

— Володя! Что с тобой?

— Ничего, ничего… — будто сквозь сон, ответил ему Пеший.

Андрей понял, что со штурманом что-то неладное и он вот-вот потеряет сознание.

Заплавнов убрал газ и, чтобы самолет быстро потерял высоту, энергично отдал штурвал от себя. Тут он заметил, что трубка кислородной маски Пешего, к которой присоединяется шланг, от сильного мороза лопнула и лежит вместе со шлангом на полу кабины. Андрей быстро сорвал со своего лица маску, снял с одной застежки маску Пешего и дал ему кислород. Пеший сделал несколько вдохов. Андрей, чувствуя, что сам теряет сознание, снова приложился к маске, а затем опять передал ее Пешему.

— Володя, твой шланг на полу! Бери его и дыши! — закричал он штурману.

— Вот, оказывается, что!.. А я даже и не заметил, как потерял сознание…

Пеший поднял с пола шланг и направил его в рот. И в ту же секунду он рванул руку вниз, сорвав на губах примерзшую к металлическому наконечнику кожу. На подбородок и меховой воротник куртки потекла кровь.

— Володя, зажми шланг в рукавице и дыши с кулака!

— Хорошо, Андрюха, дышу, теперь назад!

— Почему назад? — спросил удивленно Заплавнов.

— А потому, что у нас с тобой Тапиау еще не сфотографирована. Задание еще не полностью выполнено.

— Я за тебя беспокоился, дружище… Думал, что… — Он тут же положил самолет в крутой левый разворот. Повернулся назад и еще раз посмотрел на Пешего.

От Тапиау отлетели недалеко. Курсовая черта подошла и легла на центр станции. Пеший включил работу фотоаппаратов на «бесконечность». Лампочка-глазок щитка управления часто замигала, указав, что выполнено несколько снимков. Пеший выключил фотоаппараты, нагнулся к нижнему остеклению и произнес:

— Шесть эшелонов. Разворачивайся, Андрюха, домой.

— Разворачиваюсь, — ответил Заплавнов с ноткой удовлетворения.

Треснуло в наушниках — включился в разговор с экипажем стрелок-радист Иванченко. Он быстро и взволнованно сообщил:

— Командир, справа сзади, на расстоянии двух километров, идут на сближение два «фоккера»!

— Пеший, Иванченко! Приготовиться к отражению атаки! Приготовиться к пикированию! — командует Заплавнов.

Высота «Таганрогского пионера», на котором летит экипаж, пять тысяч метров. Ведущий «фоккер» зашел справа сзади и начал прицеливаться. Иванченко подал команду:

— Командир, маневр — вправо вниз!

— На развороте введу в пикирование! — крикнул Заплавнов

и резко бросил машину вправо вниз.

Он продолжал крутой (даже потемнело в глазах) разворот, энергично отдав штурвал от себя, ввел машину в крутое пикирование.

— Пусть фрицы ловят нас! — крикнул Заплавнов.

Без выпуска тормозных решеток очень быстро нарастает скорость. Четыреста восемьдесят… Пятьсот сорок… Шестьсот… Семьсот километров в час!..

— Вывожу! — крикнул Заплавнов и плавно начал выводить машину из пикирования.

Когда нос кабины подошел к линии горизонта, Андрей из-под отяжелевших век посмотрел на прибор указателя скорости. Его стрелка подрагивала у цифры «800».

— Иванченко, с рулей и элеронов не слетела перкаль?

— Нет, командир!

— Умеем пикировать? — спросил Заплавнов Пешего, повернувшись к нему.

— Если ведомый Пронина не умеет, то кто же тогда умеет… А знаешь, Андрюха, мне такой фокус уже показывал Мося: мы над Гумбинненом «сто десятого» увидели, пикнули и больше его не побачили!..

Высота две тысячи метров. «Фоккеров» не видно. Стал ненужным кислород, и Пеший бросил на пол кислородную трубку…

На проявленной после вылета пленке зафиксированы ценные сведения об авиации, морских и железнодорожных перевозках противника. Лишь только после доклада о выполнении задания, оформления боевого донесения Пеший неуклюже зашагал в своих рыжих унтах к врачу полка Осиповой. Ужинать Володя не смог очень сильно распухли губы…

Войска 3-го Белорусского фронта уже у ворот Восточной Пруссии. Фашисты ожесточенно сопротивляются. Полки 6-й гвардейской дивизии Чучева бомбардируют вражеские цели днем и ночью.

* * *

…12 декабря 1944 года. У нас наступила небольшая передышка в боевой работе. Сегодня летчики полка будут тренироваться в полетах на пикирование.

Морозное раннее утро. Летный состав прибыл на аэродром. Объявлена плановая таблица полетов. Я, Шопен и дежуривший ночью в казарме Баглай запланированы летать. Баглай подошел

ко мне и говорит:

— Я ночью дежурил, а меня запланировали летать на пикирование с четырьмя летчиками. Летать не отказываюсь, но ты же сам понимаешь, я не спал.

— Понимаю, Петя. Пойду к командиру, доложу об этом, и тебя освободят. Ведь есть же в полку и другие стрелки-радисты!

Подхожу к Балабанову и объясняю суть дела.

— Дежурил, говоришь… Не спал… Так-так… Ну, тогда, если он дежурил и не спал, пусть с тобой отлетает и идет отдыхать. На его место я назначу другого, — распоряжается Балабанов.

— Пусть идет отдыхать сейчас.

— Бондаренко, всегда ты возражаешь, — говорит раздраженно Балабанов.

— Виноват! Разрешите идти?

— Иди. Готовься к полету.

— Есть!

Я летаю с Баглаем уже два года. И чертовски привык к нему. Полюбил, как брата. На боевые задания мы летали с ним сто двадцать восемь раз. На фронте это очень много. Петя награжден двумя орденами Красной Звезды. Я уверен, что давно уже должен красоваться на его груди и третий орден, но командование полка не торопится послать представления к наградам, особенно на стрелков-радистов и техников.

Готовимся к полету. Вишу, как Петро, набросив на себя с размаху парашют, застегивает карабин грудной перемычки и ножных обхватов, пригибается под фюзеляж и входит в свою кабину. Мы с Шопеном занимаем свои места. Механик самолета гвардии старшина Янин закрыл входной люк, отошел вперед и, глядя мне в глаза, приложил руку к головному убору. Все в порядке. Даю команду: «От винтов!» — и запускаю моторы.

— Командир, связь со стартом установлена, можно выруливать, докладывает Баглай.

— Понял, Петя. Выруливаю.

Не дорулив до старта, слышу голос Баглая:

— Командир, взлет разрешен!

— Хорошо, Петя.

Остановив машину на взлетно-посадочной полосе, громко говорю экипажу: «Взлетаем!» — и даю газ на взлет. Все нормально. Сегодняшнее задание не сложное, но и не совсем простое. Все-таки это пикирование! У машины все на пределе, и мало ли что может быть…

После набора высоты три тысячи метров выхожу на боевой курс к учебной цели. Готовлюсь к атаке. Рассматриваю опушку леса.

— Петя, мы на боевом курсе. Скоро пойдем в пикирование. Три захода, предупреждает Баглая Шопен.

— Понял! — отзывается Петро.

— Приготовиться! Переход! — подает мне команду на ввод Шопен.

Ввожу машину в пикирование с расчетным углом семьдесят градусов. Ловлю в прицел ПБП-1 опушку леса. Стремительно нарастает скорость, быстро теряется высота.

— Вывод! — кричит Шопен на высоте тысяча пятьсот метров.

Нажимаю на кнопку. Срабатывает автомат и помогает мне выводить. Тяну штурвал двумя руками на себя. Машина проседает и на высоте тысяча двести метров заканчивает выход. Все шло хорошо, но при подходе носа самолета к линии горизонта происходит сильный удар. У меня раньше такого не случалось. Не слышал, чтобы говорили о таких ударах и товарищи. Что же случилось? Самолет так сильно качнуло, что я боюсь посмотреть на его крылья. В голове пролетело: «Разваливается!» Но нет. Самолет цел. Высота растет. Значит, все нормально. Внимательным взглядом смотрю направо. Затем налево. Моторы работают отлично. Крылья не имеют деформации.

— Дима, что случилось с машиной? — спрашиваю Шопена.

Он смотрит назад и видит то, чего не могу увидеть я. Но он молчит. Я осторожно и легко, а затем энергично и резко пробую управление. Машина хорошо слушается рулей.

— Дима, отчего произошел такой удар? Я никак не пойму.

— Ты, летчик, не поймешь, а откуда мне, штурману, понять? — отвечает он, стараясь быть спокойным. Но я чувствую по его голосу, что он что-то недоговаривает.

«Ладно, пойду на посадку, потом разберемся», — решаю я.

Быстро снижаюсь для входа в круг и делаю посадку. После отруливания с посадочной полосы направляю машину к старту. Вижу: около посадочного «Т» собралось много летчиков и техников; все они смотрят на мой самолет, а некоторые идут нам навстречу. Я, затормозив, останавливаю самолет перед ними. Перебивая друг друга, они что-то кричат. Но моторы, работая на малом газу, забивают все, да и шлемофон на голове, и я ничего не слышу.

— Дима, что случилось? — в недоумении еще раз спрашиваю Шопена. Он молчит. Он знает, но молчит. Сережа Стрелков первым забежал за правое крыло, заглянул в кабину стрелка-радиста и закричал:

— Петьку вырвало!

— Ты слышишь, Дима, Петьку вырвало!.. Петьку нашего

вырвало из кабины!.. — закричал я, потрясенный страшной догадкой.

— Я знал об этом еще в воздухе… Но не было сил тебе доложить, сказал Шопен поникшим голосом.

Не дорулив до старта, выключаю моторы. Не помню уже, как вывалился из кабины.

— Эх ты!.. Как же его у тебя вырвало?! — кричит мне командир звена Пименов.

— Был сильный удар, Володя… Очень сильный… Машина вздрогнула… Это было на выводе из пикирования. Эх, да что теперь говорить!..

— А мы стояли, смотрели за твоим полетом и думали, что у твоей машины капот с мотора сорвало, — говорит Панфилов.

— Что ты, Паша, дурака валяешь? Слепому видно… Я вам сразу сказал: падает человек, — сердится Стрелков. — Так и скажите, что хотелось бы, чтобы падал капот, а не Петя Баглай!

— И он не раскрывал… Парашют он не раскрывал?.. — спрашиваю сдавленным голосом.

— А как ему раскрывать? Вмятина вон какая на стабилизаторе! Падал он у тебя, брат, мертвым. Убил радиста!.. — отвечает перешедший на. левую сторону машины стрелок Алексей Кузнецов.

— Так говорить нельзя, — заступается за меня Монаев. — Пока створки верхнего люка нашей кабины будут валяться в чехлах на стоянке, нас всех по одному будет вырывать. Вырывает на вводе в пикирование, сам знаешь как. Отрицательная, будь она неладна, перегрузка! Но теперь говори не говори, а Баглая нет…

— А вообще-то странно… Я ночью на улицу выходил и дневальным его видел. Как он попал на полеты?.. — спрашивает у меня стрелок-радист Умнов.

Я молчу. Я просто ни о чем сейчас не могу говорить.

— Видите ли, на Баглае свет клином сошелся! Спать нужно было в это время человеку, а его на полеты… Когда нарушается написанное кровью «Наставление по производству полетов», получается гроб с музыкой! Но что теперь после драки кулаками махать — поздно! — с возмущением выпаливает Монаев.

— Поздно… — говорит Саша Пронин. — Но все же отчего это случилось: не удержался Баглай или так устал на дежурстве, что он уснул в полете?

— Кто теперь узнает, Саша! Теперь у него не спросишь, — говорит Ермолаев.

14 декабря — похороны Баглая. Мы не знаем, где и кто хоронит наших однополчан, погибающих в боевой обстановке. А многие даже и не имеют могил, но память о них живет в наших

сердцах. Сегодня летчики, штурманы, стрелки-радисты, техники, весь 135-й гвардейский полк с болью в душе хоронит разведчика-радиста Петра Васильевича Баглая.

Родился Петр в Барнауле. Там живут его старенькая мать и старшая сестра. Они еще не знают, что сегодня на литовской земле будет похоронен их сын и брат…

«Почему так больно мне? Почему так получилось? Я старался, чтобы со мной вы оба прошли войну… А вы оба погибли…» Я хожу сам не свой по аэродрому, вижу, как живых, Петьку и Симку и думаю, думаю…

— Вы, ребята, идите и хороните его. Я не пойду. Не могу… Я не видел своего умершего отца — он вечно живой для меня. Не видел Симку. И Петьку не буду смотреть. Пусть и он остается для меня живым…

Я стою у КП, подняв воротник куртки, прислонившись к сосне. Не могу удержаться — плачу. Смотрю на опушку леса, подступившую к краю аэродрома Мокштово. Там похоронены авиаторы… Сегодня в последний путь ушел туда наш Баглай…

Слышу короткие речи Кантора, Топоркова, Мальцева. Сухо треснули залпы из винтовок. Опускают…

Так совпало: сегодня, в день гибели Баглая, я пишу об этом. Так совпало. Петя, боевой мой товарищ! Как нелепо это получилось! Я пишу и не могу сдержать слезы…

Эх, как было бы хорошо, если бы ты жил сейчас в Барнауле! Эх, Петя, Петя… Ты как живой стоишь передо мной. На твоих армейских брюках нашиты пятиугольные латы, ты подпоясан солдатским ремнем… Большие кирзовые сапоги… На груди ордена и значок гвардейца… Застенчивый. Сероглазый… Русая голова… А вот мы с тобой в самолете Пе-2…

— Командир, связь установлена, можно выруливать!

— Хорошо, Петя, выруливаю.

— Командир, бьют зенитки!

— Вижу, Петя, пусть бьют.

— Командир, с правого мотора пошло хлопьями масло!

— Понял, Петя, смотри за ним. Сашок, спроси у Петра, хорошо ли у него кислород подается?

— Кислород подается нормально!

Нет, фронтовики не умирают!..

Над Восточной Пруссией

18 декабря — боевая работа. Чуть начало сереть небо, а летчики уже позавтракали и прибыли на аэродром. Сегодня тридцать пять градусов мороза. Всё вокруг сотрясает мощный гул. Это техники прогревают моторы. В землянку летного состава вошел Топорков и громко распорядился:

— Экипаж Бондаренко — на КП!

Мы с Шопеном идем на вызов. На КП Топорков пристально смотрит мне в глаза и сообщает:

— Ставлю твоему экипажу задание сразу на пять дней.

— Стрелка-радиста у меня нет, — спешу сообщить я.

— Ах да, Баглай… — вздохнул Топорков. — Дадим стрелка-радиста, не волнуйся.

Я привык к тому, что всегда с нами на КП приходил Баглай. Обычно мы со штурманом получаем задание, а его зовет к себе начальник связи полка Мальцев и дает новые позывные или уточняет старые. Но теперь мы пришли без Баглая…

— Товарищи разведчики, — обращается Топорков ко мне и Шопену, — вам поручается контролировать в течение пяти дней Кенигсбергский аэроузел, который включает десять аэродромов. Это приказ командующего армией Хрюкина. Командованию необходимо точно знать численность вражеской авиации перед фронтом. Только не лезьте на рожон…

— А какой тут еще рожон может быть? Большего, чем десять аэродромов, и не придумаешь, — отвечаю я и еще раз напоминаю, что стрелка-радиста у меня нет…

— Дадим тебе стрелка-радиста. Рассчитывайте пока маршрут. И учтите непременное условие: аэродромы сфотографировать обязательно.

— Понял, товарищ гвардии капитан.

Топорков показывает маршрут. Он начинается от Каунаса, идет через линию фронта к Кенигсбергу, далее на Виттенберг, а от него снова к линии фронта и Каунасу. Шопен развернул карту и, примостившись на нешироком столе, выполняет свою работу. Мне же маршрут и так хорошо понятен.

Взошло солнце. По всему видно, что сегодня будет ясная погода. Поеживаясь от холода, идем на стоянку самолетов. Запыхавшись, нас догоняет стрелок-радист. (Первые три дня полетов на Кенигсбергский аэроузел у меня были разные стрелки-радисты, и я, к сожалению, не помню их фамилий.)

— Приказано лететь с вами, — докладывает он.

— Ну, что ж, значит, полетим, — говорю я и обращаюсь к

Шопену: — Да, Дима, десять аэродромов — это не шутка. Попробуй-ка «нарисовать» все!..

— Сегодня очень далеко лететь за линию фронта…

— Знаешь что, по маршруту, который дал нам Топорков, мы не пойдем. Я придумал лучший вариант. Но возвращаться и говорить об этом Топоркову не стоит — пути не будет.

— А что ты придумал? — спрашивает удивленный Шопен.

— Вот слушай: после Каунаса пойдем тридцатью километрами севернее Немана, то есть по своей территории. Войдем в Балтийское море, обогнем Земландский полуостров и с тыла, начав с Виттенбергского аэродрома, начнем выполнять задание. Благодаря этому мы сократим время пребывания над вражеской территорией. Понял?

— Понял. Но ведь это же очень длинный путь. Да еще море…

— Ничего, все будет хорошо.

— А горючего у нас хватит?

— Горючего хватит. Пойми, Дима, одно: если пойдем по маршруту, который дал Топорков, то нас могут сбить. Ты слышал, что разведчика 10-го гвардейского полка перехватила шестерка «фоккеров» в районе Кенигсберга? Как он только от них ушел? Весь «бостон» оказался в пробоинах, стрелок-радист погиб…

— Знаю об этом. Приказ Чучева был…

— Ты не бойся! — говорю новому стрелку-радисту. — В конце концов, связь в выполнении задания — не главное. Главное — хорошо смотреть за воздухом. Предупредишь вовремя — можешь быть спокоен. Я сумею выкрутиться. Только держись хорошо на пикировании…

— Я не боюсь, чего мне бояться? А держаться, конечно, буду, — отвечает стрелок. По его уверенному голосу я чувствую, что он не подведет.

Сегодня мы полетим на «Таганрогском пионере». На правой и левой сторонах его фюзеляжа, рядом с кабиной стрелка-радиста, белой краской выведены два слова — «Таганрогский пионер». Представляю, с каким трудом дети, сами страдая от голода, собирали средства для постройки самолета, чтобы подарить его фронту! Не потому ли так оберегал и осторожно, грамотно летал на нем Моисеев!

Недавно наш Мося заболел. Последнее время больно было видеть, как расстояние в четыреста метров от КП до самолета он проходил с тремя остановками. Он то и дело присаживался, растирал правую ногу руками, а Пеший и Монаев, опустив голову, стояли рядом.

И вот сегодня мы полетим на его самолете.

— Командир, куда полетите? — спрашивает после доклада о

готовности машины техник гвардии старшина Янин.

— Летим на разведку. На Кенигсберг. Десять аэродромов будем фотографировать. Пять дней будем летать.

Техник задумчиво посмотрел на нас и не вдруг спросил:

— В самое логово, значит?..

— В самое логово!.. Скоро уже им будет «капут». Замерзли, ребята?

— Техмоща, командир, мороза не боится! — говорит бодро Янин, расстегивая снизу застежки ватного чехла мотора.

— А ты почему без рукавиц работаешь?

— До минус сорока привык без рукавиц. Закален…

— Молодец!

Надеваем парашюты.

— Ну, мы пошли, — говорю, повернувшись к Янину и Макарову.

— Давай, командир, давай. Высокого вам неба, — отвечает Янин.

— Не вернемся — не поминайте лихом, — произносит Шопен.

— Дима, свои эмоции береги при себе, — вежливо обрываю штурмана.

— А по-моему, ты и сам не дурак, видишь какое задание предстоит… говорит Шопен, усевшись на сиденье.

— Ладно, хватит на эту тему. Запускаю мотор.

— Давай, так будет лучше…

Выруливаем на старт и взлетаем. «Таганрогский пионер», у которого ресурс моторов выработан наполовину, очень хорошо набирает высоту. К линии фронта мы подошли на восьми тысячах шестистах метрах. Температура воздуха за бортом, а следовательно, и в нашей неотапливаемой кабине — минус пятьдесят восемь градусов.

С такой низкой температурой я сталкиваюсь впервые.

Чертовски холодно. Не согревает даже меховое обмундирование. Для меньшего расхода энергии и лучшего самочувствия на высоте физические движения нежелательны. Но сегодня я нарушаю это правило — двигаю туловищем, ногами, бью в краги.

Выполняю задание по намеченному маршруту: своя территория, Балтийское море и обратный путь, на котором фотографируем все десять аэродромов. Внизу, в морозной дымке, виден темный, как огромный паук, город-логово Кенигсберг. Аэродромы Гутенфельд, Девау и Повунден расположены рядом с ним. У меня не получается так, чтобы схватить их одним заходом, поэтому приходится немного повертеться над объектами.

Немецкие посты воздушного наблюдения, расположенные у линии фронта, мы обошли, и они не передали своим зенитчикам и истребителям перехвата, что летит «рус Иван». На аэродромах Виттенберг, Гутенфельд и Нойтиф выложены посадочные «Т» и проводятся учебно-тренировочные полеты истребителей. Для нас все складывается благополучно.

От Тапиау веду машину на Лабиау, а от него под прямым углом на максимальной скорости иду к линии фронта.

— Вот так нужно вас, фрицы, обводить вокруг пальца! — говорит возбужденно Шопен, повернувшись ко мне.

— Обожди, Дима, радоваться. Порадуемся, когда слетаем в пятый раз.

— Товарищ командир, я обморозил лицо! — сообщает стрелок-радист.

— Три к носу — все пройдет! И за воздухом посматривай!

— Шерстяной перчаткой тру.

— Правильно.

Летим над своей территорией. Справа от нас почти вся Восточная Пруссия. Довернув тридцать градусов вправо, летим к Каунасу и Мокштово.

Полет занял два часа двадцать шесть минут. Из них только тридцать четыре минуты мы находились над территорией врага.

После посадки в хорошем настроении заруливаю самолет на стоянку. На ней уже ждет нас гвардии старший техник-лейтенант Алексеев. У него за спиной черный мешок. Мы, разведчики, в шутку зовем Алексеева кудесником. Сейчас он заберет в мешок кассеты фотоаппаратов, чтобы отнести их в фотолабораторию. Там из пленки «отчеканят» фотопланшеты десяти аэродромов, железнодорожного узла Кенигсберг, порта Пиллау и железнодорожных станций Тапиау и Лабиау. Они пойдут в вышестоящие штабы и к командующему армией Хрюкину; командование будет точно знать, сколько на аэродромах Кенигсбергского узла самолетов.

Второй и третий вылеты на аэроузел выполняю так же. По нашему самолету по-прежнему не бьют зенитки, и нас не преследуют истребители противника. Плохо только то, что у меня все время разные стрелки-радисты, а с новым человеком не всегда сразу сработаешься.

В четвертый раз со мной летит гвардии старший сержант Николай Помелуйко. До службы в армии Николай Аверьянович работал на Алтае директором Саракташской неполной средней школы. Стрелки-радисты так и зовут его директор. А за отличную работу на рации — гроссмейстером связи. Помелуйко на это нисколько не обижается. Он молод, прост с товарищами. С ним я

и летал до конца войны.

Но сегодня, 21 декабря, когда мы прилетели с задания, я узнал, что в следующий полет со мной пойдет опять новый стрелок-радист.

Мне это надоело.

— В чем дело? — подошел я к начальнику связи полка Мальцеву. — Почему пять вылетов — пять стрелков-радистов? Будет у меня постоянный стрелок-радист или не будет?

— Будет, будет. А пока слетай завтра на аэроузел в последний раз с Усачевым. Потом обязательно закрепим за тобой постоянного стрелка-радиста, ласково говорит Мальцев и крепко жмет мне руку.

— Ну, ладно… Только не забудьте сдержать свое слово…

Александр Усачев — отличный стрелок-радист. Чувствуется в нем хорошая боевая закалка. С ним я и выполняю свой пятый вылет.

Мне чертовски уже надоели и это море, и эта даль. Сегодня я иду с Лабиау на Тапиау, а затем на Виттенберг и остальные семь аэродромов. С курсом двести тридцать градусов мы с Шопеном в пятый раз фотографируем Виттенбергский бетонированный аэродром — он в дальней точке маршрута.

Мое состояние таково, что я уже и километра не могу лететь на запад. Отбросив правило разведчика: «меняю курс, еще раз меняю…», с большим креном разворачиваю машину и веду ее назад прямо через центр Виттенбергского аэродрома. Шопен еще раз его фотографирует.

Фрицы во время предыдущих вылетов не обращали внимания на наш самолет, думали, очевидно, что раз с линии фронта ничего не сообщают, то и не стоит беспокоиться. Но сегодня они наконец опомнились. Над Пиллау и Кенигсбергом нас встретили зенитки плотным огнем, а с Гутенфельда поднялись на преследование две пары истребителей. Но задание было уже выполнено. Самым коротким путем на максимальной скорости мы быстро улетели домой.

Сегодня после вылета я в последний раз вижу командира полка Валентика. Я не раз летал с ним в одном строю на боевое задание, встречался почти ежедневно на аэродроме. Всего лишь год и девять месяцев я прослужил под его командованием, но мне кажется, что я давно знаю этого ставшего близким мне человека.

Валентик зашел в фотолабораторию за своими фотографиями.

— Что, привез что-то хорошее?.. — спросил он, когда я встал для приветствия.

— Кенигсбергский аэроузел, товарищ командир. Сегодня

летал в пятый раз…

— Я уже не командир, — с какой-то скрытой грустью произнес Валентик, взял фотографии и вышел.

* * *

…Когда попадается «летучая» машина, на которой можно набрать высоту более восьми тысяч метров, я очень доволен. Кажется, что на такой высоте ты неуязвим, поэтому, забравшись на такой «чердак», я не смотрю вверх. Да и кому из летчиков противника захочется летать в таком холоде! Ведь в неотапливаемой кабине промерзаешь на высоте до костей. И все-таки, если есть возможность, «лезешь» вверх — там безопаснее.

Сегодня стрелком-радистом летит со мной Монаев. Раньше летать с ним мне не приходилось. В полете Монаев очень серьезен, он четко работает на рации и зорко следит за воздухом. И мне вспоминается один боевой эпизод, который благодаря мужеству и находчивости Монаева закончился благополучно.

Было это в июне 1941 года. Самолеты СБ 121-го полка, которым командовал полковник Дояр, бомбили аэродром Бобруйск. Зенитный обстрел был очень сильным, и у одного из летчиков сдали нервы: спасаясь, он рванул штурвал на себя и взлетел над строем. Когда летчик в таком положении сбросил свой груз, то две стокилограммовые бомбы попали в самолет командира звена старшего лейтенанта Чибисова, где штурманом летел старший лейтенант Фирсов и стрелком-радистом сержант Монаев.

Одна бомба пробила правое крыло у кромки обтекания за мотогондолой, другая разрушила правый борт фюзеляжа у кабины стрелка-радиста. Почему бомбы не взорвались, никто не знает.

От удара бомб о борт Монаев был контужен, на короткое время потерял сознание и повалился на турель пулемета. Придя в себя, он увидел, что тяга руля высоты (в СБ она проходит у правого борта) повреждена и еле держится на одной «жилке» металла. Вскоре и эта «жилка» порвалась. Чувствуя, чем это грозит экипажу, Монаев схватил концы тяги руками и стал их крепко держать.

Чибисов работает штурвалом; тяга двигается взад-вперед; Монаев не препятствует этому. Порой нагрузка на разрыв была очень большой, и приходилось держать эту перебитую дюралевую трубу так крепко, что немели руки, а с разрезанных о металл пальцев текла кровь.

В этот момент, когда Монаев бросился к поврежденной тяге, рассоединился шнур шлемофона; связь с ним прекратилась, а стрелок-радист самолета, сбросившего бомбы, передал, что Монаев убит: он видел, как тот упал на пол кабины. Чибисов сразу же решил садиться.

И вот к приземлившемуся самолету спешит «санитарка». А Монаев, присоединив в это время вилку шнура шлемофона, докладывает:

— Товарищ старший лейтенант, все в порядке!

— Володя, ты жив!..

— Жив, не волнуйтесь…

Вспомнив сейчас все это, я спрашиваю:

— Слушай, Володя, сколько у тебя боевых вылетов?

— Сто пятьдесят три, командир! Одиннадцать на СБ и сто сорок два на Пе-2.

— Молодец! Работать в воздухе умеешь!

— Стараемся, командир… — отвечает он серьезно.

Над Инстенбургом наш самолет взяла в клещи крупнокалиберная зенитка. Разрывы снарядов ложатся все ближе и ближе. Расстояние между аэродромом и станцией, которые нам нужно сфотографировать, небольшое. И чтобы захватить их вместе, мне нельзя маневрировать. Зажав управление самолетом, я смотрю вперед и, не изменяя курса, продолжаю лететь. Шопен, не выдержан нервного напряжения, треплет рукой по плечу и кричит:

— Сворачивай! Куда в огонь лезешь? Сворачивай!

— Куда сворачивать? Нельзя! Включай фотоаппараты!

Сфотографировав аэродром и станцию, резким разворотом влево ухожу из зоны зенитного огня. Все обошлось благополучно. Я молчу. Молчит и Шопен. Да, второй раз случается такое в моем экипаже. Первый раз подобное было над Джанкоем с Зиновьевым. И я думаю: «Мать честная! Нервы стали ни к черту!..»

В декабре 1944 года командиром нашего полка стал гвардии майор Палий, который до этого командовал эскадрильей в братском 134-м полку. Палий требовательный и дисциплинированный командир. 143 раза он ходил на врага с бомбовыми ударами. В апреле 1945 года ему будет присвоено звание Героя Советского Союза. Под командованием Палия мы закончим войну. За боевую работу в Прусской операции наш полк будет награжден третьим орденом.

В конце января 1945 года мы перелетаем на новую точку базирования аэродром Гиже. На этом аэродроме кто-то из летчиков-штурмовиков разбил Ил-2. Трактором выволокли его за границу аэродрома. Однажды наши ребята увидели в этом

разбитом «горбатом» — так называли Ил-2 фронтовики — Шопена.

— Что ты, Димка, тут делаешь? — спрашивает его Болдырев.

— Примеряюсь. Смотрю, каким для меня будет полет хвостом вперед, шутит Шопен.

Его слова оказались пророческими. Вскоре при выполнении задания он погибает, и я остаюсь без штурмана и стрелка-радиста. Командование назначает ко мне стрелком-радистом Помелуйко, а штурманом Пешего.

…Люблю я рассматривать полетную карту. Эту уменьшенную во много раз, расстилающуюся под крылом самолета местность. Реки и озера, лесные массивы и береговая черта моря, нити железных, проселочных и шоссейных дорог по конфигурации такие же, как на земле, только краски другие.

А вот прочерченная красным карандашом линия фронта. Как приятно видеть, что она отодвигается все дальше и дальше на запад. Теперь она проходит уже по вражеской земле. Смотрю на нее и как-то не верится, что скоро уже конец войне, что позади у меня более сотни вылетов, множество освобожденных городов и сел и десятки могил боевых друзей.

В свободное от полетов время я все чаще думаю, придется ли и мне увидеть День Победы. Придется ли его увидеть моим товарищам, с кем завтра я полечу на задание. Думаю о ветеранах полка, о тех, кого уже давно нет с нами, и о тех, кто почти четыре года изо дня в день живет опасной фронтовой жизнью. Вспоминается капитан Самсонов. Первый командир нашей первой эскадрильи. Его последний, 130-й вылет на разведку.

Произошло это 9 сентября 1942 года под Сталинградом. Ранним утром командиру полка майору Валентику позвонил командующий 8-й воздушной армией генерал Т. Т. Хрюкин и приказал разведать вражеский аэродром Сысойкино. Капитан Самсонов, который учился с Хрюкиным в Луганской летной школе в одной группе, находился в это время на КП. Он попросил командира полка разрешить ему поговорить с командующим. Тот разрешил.

— Тимофей Тимофеевич, — сказал Самсонов, — есть разговор по службе…

— Что, на разведку Сысойкино лететь собрался? — спросил Хрюкин.

— Так точно!

— Но ведь тебя же третьего сентября сбили!

— Ну и что? Подумаешь… Экипаж у меня есть, — не унимался Самсонов, а самолет даст командир полка.

— Ну хорошо, лети! — немного подумав, сказал Хрюкин.

Валентик тут же распорядился:

— Зовите быстренько сюда своих штурмана и стрелка-радиста. Полетите на полную дальность — полетите на моем самолете. Он новый, надежный!..

— Есть, товарищ майор, — ответил Самсонов и направился к выходу.

Штурман и стрелок-радист находились недалеко.

— Дюндик! Хабаров! — позвал Самсонов. — На КП! Летим на разведку!

Так начинался этот вылет, в котором Самсонов, Дюндик и Хабаров проявили исключительное мужество…

С подвешенными в бомболюках и мотогондолах шестью ФАБ-100 машина набрала высоту шесть тысяч четыреста метров.

После сбрасывания бомб на немецкие эшелоны на железнодорожной станции Обливская Самсонов продолжал набирать высоту и к моменту появления над аэродромом противника набрал еще две тысячи двести метров.

— Восемь шестьсот. Нормально, — сказал одобрительно Дюндик.

— Можно набрать и больше, но надо жалеть моторчики, — ответил Самсонов штурману и внимательно посмотрел вниз.

— Командир, в воздухе спокойно! — деловито доложил стрелок-радист.

— Хорошо, Хабаров. Верти головой на все триста шестьдесят градусов! Смотри во все глаза! — шутливо сказал Самсонов.

— Есть, командир!

Аэродром Сысойкино они увидели издалека. На нем крыло к крылу, как в мирное время, стояли около 350 разнотипных немецких самолетов. Надеясь на стремительное наступление, быстрое форсирование Волги, фашисты даже не маскировали свои самолеты.

Сфотографировав благополучно аэродром, передав зашифрованную радиограмму на свой КП, Самсонов, Дюндик и Хабаров полетели домой. Правда, с Сысойкино в это время взлетели две пары «мессершмиттов», но Самсонов воевал в Испании, много раз уже летал на разведку, повадки врага знал и, изменив три раза курс, ушел от преследования.

На высоте шесть тысяч восемьсот метров экипаж прошел линию фронта и оказался над своей территорией. Под самолетом была мощная кучевая облачность три-четыре балла. Вершины облаков доходили до высоты шесть тысяч пятьсот метров. Зная, что вражеские истребители обычно маскируются солнцем и облаками, Самсонов приказал экипажу:

— Внимательно наблюдать за воздухом!

А вскоре Хабаров доложил:

— Товарищ капитан, к нам из-за облака идут два «мессершмитта»! Снизу сзади подходят!

— Дистанция? — спросил Самсонов.

— Две тысячи метров. Ниже нас на тысячу.

— Подойдут ближе — стрелять! — приказывает Самсонов и направляет машину к облаку.

— Есть стрелять! — ответили Дюндик и Хабаров.

Самсонов снизился до четырех тысяч восьмисот метров, но до облака было еще далеко. В это время «мессершмитты» настигли Пе-2 и сверху сзади зашли для атаки.

Дюндик открыл огонь из «Березина». Вытащив из бокового гнезда ШКАС и положив его на борт верхнего люка, открыл огонь по вражеским истребителям и Хабаров.

Атака была отбита. Однако через некоторое время «мессершмитты» выскочили снова, но правее Пе-2.

— Командир, красные звезды на бортах! — закричал вдруг Дюндик.

— Маскируются, фашистские сволочи!

— Слушайте, а может быть, это трофейные истребители, и на них наши летчики? — спросил с тревогой Хабаров.

— Командир, дай им на всякий случай сигнал «Я — свой», — посоветовал Дюндик.

Самсонов сделал два покачивания с крыла на крыло. Но «мессершмитты» шли напролом.

Дюндик открыл огонь. Не обращая внимания на разбитое о край борта запястье левой руки и кровь, которая текла в рукав комбинезона, стреляет по «мессершмиттам» и Хабаров.

Вдруг ведущий «мессершмитт» задымил, прекратил стрельбу, и оба они повернули на запад.

— Да, атаковали напористо! — сказал Хабаров, тяжело дыша, и в это время услышал странные слова командира:

— Самолет, Дюндик, бросать нельзя. Их и так мало в полку.

«К чему бы это?» — подумал Хабаров, перевязывая руку. Он еще не знал, что в их машине девяносто шесть пробоин, что приборная доска кабины летчика разбита и что у капитана Самсонова выбит правый глаз, а левый ранен…

Кровь заливает лицо Самсонова. Дюндик, приложив ладонь к его правой глазнице, кое-как останавливает кровотечение. Раненым глазом Самсонов может видеть только небольшое пространство внизу. Оттягивая пальцами нижнее веко и поднимая вверх голову, чтобы видеть, что делается впереди, он продолжает вести самолет на свой аэродром. И приводит его!

Как только самолет останавливается, Дюндик быстро

расстегивает замок подвесной системы парашюта и помогает Самсонову выйти из кабины. К самолету подбегает механик Блинов, Валентик, Кантор, начштаба Богданов и врач полка Кравчук.

Вскоре у самолета собралось много однополчан. Дюндик и Хабаров, доложив Валентику о выполнении задания, пошли вместе с Богдановым писать боевое донесение. С забинтованными глазами Самсонова кое-как довели до КП, и он садится на лежащее рядом бревно.

— Товарищ командир, передайте командующему, что его задание я выполнил, — подняв голову, говорит Самсонов Валентику.

— Скажу, Самсонов, скажу…

— Вам больно? — спрашивает Кравчук.

— Да не в этом дело. Как вот я смогу расписаться под боевым донесением? — возбужденно поднимается Самсонов и теряет сознание.

После излечения Самсонов получил назначение служить в 43-м ЗАП. Вскоре он был послан на учебу в военно-воздушную академию.

…Я думаю в Иургайтшене о ветеране полка Самсонове и еще не знаю, что увижу его через 27 лет — в далеком послевоенном 1971 году, что через десятки лет буду обнимать Самсонова и говорить: «Дорогой Павел Петрович! Мы всегда помнили вас. Потому что ваше мужество — мужество сталинградца — осталось на вооружении у однополчан. Оно помогало нам, молодым, воевать и побеждать врага!»

Да, каких мужественных защитников ты вырастила себе, Родина!..

* * *

Аэродром Инстенбург — наш последний фронтовой аэродром, наш последний этап в Великой Отечественной войне.

В Инстенбурге полк напряженно работает. Продолжаем бомбардировать с горизонтального полета и пикирования вражеские артиллерийские позиции, скопления живой силы и техники, аэродромы, опорные пункты, порты.

Особое место в обороне немцев занимает город-крепость Кенигсберг, укрепленный многочисленными фортами. Но, несмотря на свою неприступность, 10 апреля 1945 года Кенигсберг взят войсками нашего фронта.

Стационарный Инстенбургский аэродром имеет

бетонированные взлетно-посадочную полосу, рулежные дорожки и стоянки самолетов. Если учесть, что сейчас кругом грязь, то нам здесь не так уж плохо. Плохо только то, что очень сильно горит Кенигсберг. Стодвадцатикилометровый шлейф дыма от его пожаров повернул на Инстенбург, и мы из-за отсутствия видимости не летаем на задания — ходим по аэродрому и трем глаза.

А погода… Коварна она в Прибалтике!

Даже когда безоблачно, когда небо, кажется, не предвещает ничего плохого, аэродром и цели может внезапно закрыть туман.

Мой экипаж часто посылают на разведку погоды в районы вероятных целей, а также далеко в Балтийское море. Ведь низкие облака и туманы приходят обычно с моря.

Однажды утром Помелуйко из-за линии фронта передал погоду, но почему-то получилась неувязка: наши показания расходились с предсказаниями, сделанными в дивизии начальником метеослужбы гвардии старшим лейтенантом Костюченко. Мы передали, чтобы командиры не соблазнялись ясной инстенбургской погодой и не принимали решения взлетать. Но Костюченко с этим не согласился.

— Да не может этого быть, товарищ гвардии генерал! Даю голову на отсечение. У меня свежие данные… Вот посмотрите, — говорит он Чучеву и разворачивает карту метеообстановки.

А там!.. Что там делается!.. Вы видели, читатель, когда-нибудь метеокарту? Там и холодный, и теплый фронты, и не совсем нам, смертным, понятный фронт окклюзии. Изотермы, изобары, и каких тут только линий и крючков нет… Попробуй разберись во всем этом. Ведь бедняги метеобоги всю ночь не спят, чертят черной тушью, красным, синим, зеленым карандашами словом, колдуют… Трудятся они много, но погоду, к сожалению, предсказывают не всегда верно.

— Бондаренко докладывает о тумане! — не соглашается с Костюченко генерал Чучев.

— Товарищ гвардии генерал, мало ли что можно доложить?

— Зачем же они тогда летают?

— Нет-нет, товарищ гвардии генерал, Бондаренко и Пеший что-то напутали. Или же их Помелуйко в коде связи запутался.

— Вот что. Бондаренко уже приземлился. И я даю вам пять минут, чтобы вы были у его самолета. Повторно слетайте с ним. Посмотрите хорошенько метеообстановку у линии фронта.

После заруливания самолета на стоянку мы с Пешим отошли за хвост и увидели, как по грязи бежит к нашей «пешке» Костюченко. Он еще издалека машет рукой и, тяжело дыша, кричит:

— Земляк, запускай моторы, полетим!..

— Чего-чего? Только же прилетели! — громко говорит ему Пеший.

— Здорово, Леша! Как жизнь? — вступаю я в разговор.

— Какая там жизнь — одно мучение, земляк! Сживает он меня со свету! Давайте, хлопцы, запускайте моторы, полетели!

— Обожди. Кто сживает со свету?

— Да Григорий Григорьевич Чучев!

— У тебя, Леша, наверное, жар. Чучев-то Григорий Алексеевич. Что случилось? — спрашивает Пеший.

— Алексеевич, Алексеевич! Григорий Алексеевич! Признайтесь, хлопцы, вы что-то напутали, — хитро смеется и качает головой Костюченко.

— А чего нам путать? Туман! — говорю я.

— Нет тумана! У меня по карте… Давай, запускай моторы. Быстрее!..

— Ну, Костюченко! Хотя ты мне и земляком приходишься, но пойди-ка ты покомандуй лучше своими ветродуями. У меня своих командиров хватает.

— Не шути, земляк, полетели. Чучев приказал. Он и с тебя голову снимет.

В это время с КП полка вышел Топорков и пальнул из ракетницы. Затем сунул ее за пояс, сложил ладони рупором и громко крикнул:

— Гвардии старший лейтенант Бондаренко! Вылетайте на разведку погоды в тот же район! Приказание генерала Чучева!

— Ну что ж, поехали! — говорю я.

Через восемнадцать минут мы, четыре гвардейца, летим над линией фронта. Туман здесь еще более усилился. От земли и до высоты тысяча двести метров он стоит плотной непроницаемой стеной. А в нашей восточной стороне ясно. Только в низинах, у реки Прегель, чего не было в предыдущем полете, легли у самой земли тонкие белые островки.

— Как погодка, товарищ метеобог шестой гвардейской? — спрашивает Пеший. — Учти: буду ее передавать за твоей подписью.

— Вот черт, — ругается Костюченко, — действительно туман. Настоящий туман. Но ты понимаешь, Володя, у меня по всем данным нет этого…

— Леша, ты умный, подумай: может ли человек высосать из пальца хорошую погоду? Приходи по утрам на аэродром, и будем вместе летать. Скажи Чучеву об этом, ты же с ним там рядом… — смеется Пеший.

— «Рядом», «рядом». Ну, он меня сегодня…

Летим домой бреющим.

— Володя, сейчас я Костюченко попугаю немножко, — говорю я Пешему.

— Давай, чтобы он нам другой раз верил!

Держу самолет над ровной местностью, где нет деревьев, столбов, строений, и «вгоняю» его в туманный островок.

Потемнело. Впереди самолета еле-еле проглядывается земля. Передние стекла фонаря кабины покрылись, как при полете в облаках, каплями воды. Я готов в любую минуту рвануть штурвал на себя и быстро взмыть вверх.

— Володя, что там мой земляк делает? — обеспокоенно спрашивает Костюченко.

— Туман тебе показывает!

— Да ну вас, ребята, к лешему! Верю же я вам. Скажи ему — пусть не балуется.

— Ладно, поднимаюсь, — говорю я и иду горкой к ослепительно сияющему солнцу.

Костюченко «пешка» понравилась. Теперь, прежде чем наносить теплый и холодный фронты, он нет-нет да и скажет: «Пойду-ка я на аэродром…»

За хорошее обеспечение боевой работы полков дивизии Костюченко был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

…А вот в двадцатилетие Победы сидим мы рядом: Моисеев, Пеший, Костюченко и я.

Вспомнили всех живых и погибших, это грозное время. Вдруг Пеший усмехнулся и спросил Костюченко:

— Леша, ты не забыл еще, как в Инстенбурге кросс по бегу Чучеву сдавал?

Если бы рядом с ним сидели не мы, то заместитель начальника метеослужбы авиации дальнего действия гвардии полковник Костюченко наверняка бы спросил: — А вы почему это со мной так фамильярно?

Но нам-то можно. Мы старые друзья…

* * *

Сегодня я лечу у Палия правым ведомым на бомбометание по аэродрому Грос-Диршкайм. Первым выруливает на старт Палий, вторым — я. За нами идут двадцать пять «пешек».

Стоит на старте и «молотит» пятьюдесятью четырьмя винтами 135-й полк. Здесь нас восемьдесят один человек. Впереди всех на взлетной — Мазуров. В одной руке у него белый, в другой

красный флажки.

Не терпится, хочется скорее взлететь.

Мазуров смотрит на часы, улыбается, показывает вначале два пальца, затем палец и половину его — две минуты, минута и полминуты до взлета, — а потом разрешает командиру старт.

Палий дает газ и ведет машину на взлет. Взлетаем но одному. Я задался целью пристроиться к Палию до первого разворота. Надо мне это потому, что подстраивание к ведущему до первого разворота считается у летчиков шиком. Держу машину на тормозах. Даю моторам средний газ и наступаю на Мазурова, который вначале погрозил мне красным флажком, а затем раньше обычного дал белым разрешение на взлет.

Я всегда жалею моторы. Никогда без особой надобности не даю им повышенный режим. Но сегодня, под конец войны, я сдаю Палию экзамены на боевую зрелость. Я даю полный газ и не снижу его до тех пор, пока не пристроюсь к ведущему. Сегодня и я посмотрю, как Палий ведет полк. Мы, рядовые летчики, разбираемся в этом деле. Плохой опыт ведущего обычно испытываем на себе. Если Палий плохо поведет полк, он будет гнать вперед свою машину, рано и резко начнет выполнять первый разворот. А если он в этом деле мастак, то будет делать все в меру, памятуя о том, что за ним летят и стараются пристроиться двадцать шесть экипажей.

Пристраиваюсь до первого разворота.

Видно с первых минут полета, что Палий — настоящий мастер вождения групп. Он помнит о нас. Ведь последний, двадцать седьмой самолет взлетит после взлета Палия через двенадцать минут. Палий сбавил газ, идет так, что не шелохнется машина. Вот он плавно, без шараханий из стороны в сторону, выполнил левый разворот на девяносто градусов. Я лечу с Палием крыло в крыло и, как у летчиков принято говорить, «отдыхаю».

— Володя! — зову Пешего.

— Слушаю, командир.

— Здорово же ведет Палий! Так водил наш Вишняков…

— Да, я уже слышал об этом. Был бы Палий отличным командиром, если бы… Не знаю даже, как и выразиться.

— Если бы не был таким официальным?

— Именно! Ты попал в точку! — согласился Пеший.

— Володя, если хорошенько разобраться, то с нашими орлами нужно быть очень строгим. Командир должен держать подчиненных не на руках, а в руках. В этом отношении Палия с Валентиком не сравнить.

— Это правильно. Помелуйко! — зовет стрелка-радиста

Пеший.

— Слушаю!

— Смотри за воздухом!

— Смотрю! Группа расчистки вступила над Грос-Диршкаймом в бой с взлетевшими «фоккерами».

— Вот хорошо. Пока подлетим к цели, от этих «фокков» одни перья останутся! — сказал громко Пеший. И, обратившись ко мне, спросил: — Хочешь, пока летим до цели, расскажу тебе любопытный случай?

— Лучше за воздухом смотри, Володя!

— Смотрю.

— Какова над Грос-Диршкаймом обстановка?

— Беляков передал, что наши «яки» сбили два «фоккера».

— Хорошо чистят! Смотрите за воздухом! — говорю я, любуясь «яками» непосредственного прикрытия. Они идут парами слева, справа, выше, ниже и впереди.

Вдруг я увидел, как слева сверху, со стороны солнца, к нашей девятке стала прорываться пара «фоккеров», но тут же она попала под предупредительный огонь идущей слева четверки «яков». Завертелась небольшая карусель. Объятый пламенем ведущий «фоккер» круто пошел к земле. Я даже улыбнулся, когда увидел, как его ведомый начал во все лопатки удирать. Да, теперь такие случаи не редки, когда вражеские истребители удирают, не принимая боя.

Впереди цель. Беру дистанцию и интервал два на два. Могу идти ближе, но это никому не нужно. Да и Палий потом упрекнет: «Я вам говорил держать два на два, а вы?..»

Ударили зенитки. Палий очень спокойно, как, бывало, наш Вишняков, без маневра, чтобы дать возможность штурману хорошо прицелиться, ведет свою машину. Так же спокойно иду рядом и я.

Ведущий сбросил бомбы; восемь «пешек» нашей девятки «разгрузились» одновременно. Палий не разворачивается, помня, что сзади идут две эскадрильи. Вот он ввел свой самолет в правый разворот.

— Володя, все наши в строю?

— Я не вижу во второй девятке одного ведомого из звена, — отвечает мне Пеший.

— Командир, над целью сбит зенитным огнем самолет Самойлова! докладывает Помелуйко.

— Выпрыгнули?

— Выпрыгнул только кто-то один.

Прошли линию фронта в обратном направлении. С небольшим снижением идем домой. После посадки подхожу к

командиру полка.

— Товарищ гвардии подполковник, разрешите получить замечания по полету!

— Нет замечаний. Вы свободны, — говорит коротко Палий.

— Есть.

* * *

Вот и наступил заключительный этап войны. Уже пришла, стала у порога долгожданная паша Победа.

На дворе весна: вовсю щебечут птицы… Кроны распустившихся деревьев похожи на зеленые облачка. А воздух, воздух какой! Такой он чистый, прозрачный, вымытый дождем! Эх, как хочется жить!

Мы идем в это майское утро на аэродром.

— Ребята, интересно, какой вчера кусок косы отрубил маршал Василевский? — спрашивает, ни к кому не обращаясь, Андрей Заплавнов.

— Придем на аэродром, Топорков даст линию фронта — узнаем! — сказал весело Ермолаев.

— Какая там линия фронта? Одна сопля осталась! Фриш-Нерунг, Фриш-Гаф, Фриш, Фриш… В этом болоте, ребята, нас и застанет, наверное, День Победы, — говорит штурман звена Сенкевич.

— Володя, запевай! — обращается к своему лучшему другу Монаеву стрелок-радист Иванченко.

— Это можно, — отвечает Монаев. — Мы песни петь и тарелки чистить горазды. Сейчас, Митя, только воротничок расстегну.

По дорожке по ровной, по тракту ли
Все равно нам с тобой по пути.

Прокати меня, Митька, на тракторе…

— Володя, это старая песня. Давай нашу, фронтовую!

— Можно и фронтовую!..

— Монаев! Перестань паясничать! — говорю я.

— Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела, — добродушно протянул Юрий Прастота.

— Ничего, товарищ Прастота, фашиста переживем! — отвечает Монаев.

— Эх жаль, ребята, Кольку Прозвонченкова!.. Я видел, как он на форт пикировал, так и угодил в него. Взорвался… и мы еще

свои бомбы туда положили, — говорит Василий Герасимов.

— Повторил подвиг Гастелло наш Колька!

— А кто с ним в экипаже был? — спросил Николай Беляев.

— Адик Ткаченко и стрелок-радист Маринушкин.

— Адик, Адик… Хороший парень. До Дня Победы почти дошел…

— Были у нас два друга: радисты Маринушкин и Данилушкин. Фамилии интересные… И с обоими война проклятая расправилась: один погиб, другой искалечен, — замечает Сережа Стрелков.

Наш полк под вечер 8 мая при сильном зенитном обстреле бомбардировал тремя девятками укрепления и живую силу немцев на косе Фриш-Нерунг. Мы еще не знали, что это последний боевой вылет полка. А в двадцать два часа стало известно: закончилась война.

Из автоматов, пистолетов, винтовок, из ракетниц и зенитных установок мы стреляем в воздух.

— Мир!..

— Победа!..

— Ура-а!.. Ура-а!..

Объятия и поздравления…

9 мая салют Победы! 9, 10 и 11 мая мы на аэродроме в готовности номер один. Но как тихо вокруг! Не верится, что пришла она, долгожданная…

* * *

Мы сидим с Андрюшей Заплавновым на траве и — чего там скрывать! вытираем слезы…

— Андрюшка, не сон ли это? Мне кажется, что я вижу просто сон… говорю Заплавнову.

— Да, Коля, повоевали мы… Более четырех тысяч самолето-вылетов совершил наш полк. И мы остались живы… Живы! Понимаешь, Колька!..

— Как хочется, чтобы никогда больше не было войны.

— Не будет, Коля, не будет! Ведь миллионы людей отдали свои жизни за это…

* * *

12 мая 1945 года полки 6-й гвардейской дивизии генерала Чучева полетели на Дальний Восток.

Встреча с однополчанами

Люблю Минское шоссе. Я еду по нему в отпуск и не отрываю взгляда от его широкой асфальтовой ленты, которая напоминает мне взлетную полосу. Шуршат монотонно шины «Москвича», мелькают по сторонам телеграфные столбы, с грохотом проносятся встречные грузовики, нагруженные строительными арматурами, кирпичом, щебенкой…

Сколько времени я сижу за рулем, а конца пути все не видно. Да, велика ты, Родина!

— Подумать только, почти из конца в конец по этой дороге, — говорит жена, — прошли фашисты. Ужас! У меня даже мурашки бегут по рукам…

— И французы в восемьсот двенадцатом, — замечает старшая дочь студентка исторического факультета МГУ.

— Да, напасть на такую страну, как наша!.. На такое способны или слепцы, или сумасброды…

— А они и есть сумасброды: Наполеон… Гитлер…

Наконец на следующий день проезжаем Гомель, а затем направляемся к Речице. Останавливаюсь на высоком днепровском мосту.

— Эх, как бы я здесь, над Днепром, прошел на своей «пешечке» бреющим! не удержавшись, восклицаю я и добавляю: — А вы, между прочим, знаете, что в Речице наш Валентик живет?

— А адрес у тебя есть? — интересуется жена.

— Есть. Красина, двадцать восемь. Буду сестру в Речице встречать обязательно заеду к Валентику! Очень хочу повидать командира.

…Раннее апрельское утро. Собираюсь в Речицу к поезду, выезжаю с большим запасом времени, чтобы заглянуть на улицу Красина.

Мой «Москвич» катит по Советской улице. Любуюсь ровным асфальтом, новыми многоэтажными домами.

— Речица теперь — под стать областному городу. Сворачиваю направо, в тихую улочку… Так вот где живет мой любимый командир!..

«Второй… восьмой… шестнадцатый…» — считаю номера домов. Догадываюсь, что его дом там, где стоит «Победа».

Подъезжаю ближе. Это действительно тот дом, который мне нужен.

«Кажется, командир в машине!.. Да, это он…»

Объезжаю «Победу» и сзади нее резко торможу. Выскакиваю из кабины и быстро иду к сидящему за рулем Валентику. Левая

передняя дверь его машины открыта. Подхожу еще ближе и не могу сдержаться — бросаюсь к нему. Мы крепко обнимаемся и целуемся.

— Здравствуйте, командир!.. Так давно я вас не видел!.. — говорю я срывающимся голосом.

— Болдырев! — восклицает Валентик.

— Бондаренко!

— Бондаренко, Бондаренко… Товарищ Бондаренко, я вижу, что это вы, но почему-то назвал вас Болдыревым. Ах да, ведь вы же с ним всегда были рядом… И в списках были рядом. Наверно, поэтому…

Мы еще раз крепко обнимаемся и целуемся. И оба плачем.

— Вы знаете, товарищ Бондаренко, сегодня у меня праздник.

— Какой?

— Как какой? Разве ваш приезд — не праздник? Так радостно видеть человека из нашего полка!

— И мне радостно видеть нашего командира… — искренне говорю я.

— Нина Михайловна, выходи сюда! — зовет Валентик супругу.

Она выбегает из кухни на крыльцо, вытирает о передник руки.

— Посмотри! Посмотри, Нина, кто к нам сегодня приехал!

— Бондаренко? Разведчик? — произносит Нина Михайловна.

— Да! Он! Всю войну мы с ним прошли!

— Когда я с Валеркой приезжала в Мокштово, всех вас видела. Помню Таюрского, Ермолаева, Харина!..

— И я вас помню. Дмитрий Данилович, дорогой мой, я помню, когда последний раз вас видел. Это было тоже в Мокштово. В фотолаборатории. Забирали вы свои фотографии… Сколько лет прошло!..

— Николай Адамович, когда Нина приезжала с сынишкой на фронт, он был маленький. Помню, ему очень понравилась фамилия Чучева. Он все прыгал и, как бы стараясь запомнить, выкрикивал: «Чучев! Чучев!»

— А Чучев наш служит в Москве, генерал-полковник авиации.

— Знаю. Николай Адамович, все хочу спросить вас: как получилось, что вы здесь? — переводит Валентик разговор на другое.

— Я же хойникский! В деревне Карчевое живут моя мама и старшая сестра.

— Что вы говорите?.. Так близко от меня?..

— К ним я и прибыл в отпуск. Сегодня должна приехать с детьми из Пинска младшая сестра. Каждое лето мы вместе гостим

у мамы, и каждый раз я ее встречаю в Речице.

— Скажите, вам не стыдно ездить мимо и не заехать ко мне? Вокзал же рядом! Ай-я-яй, товарищ Бондаревко!

— Дмитрий Данилович, я адреса вашего не знал! Сегодня был у Тудакова. И вот только… А так-то я знаю давно, что вы живете в Речице.

— Тогда ладно, прощаю. Пойдемте, я вам сад свой и дом покажу.

— Декабрь сорок четвертого — апрель шестьдесят пятого. Без нескольких месяцев двадцать один год, — говорю я.

— Время летит! И не угонишься…

— Что да, то да, командир.

— Эх, жаль что в саду еще ничего нет! Яблоки у нас такие!.. Угостить бы речицкими…

— Ничего, Дмитрий Данилович, спасибо. А ведь Болдырев наш погиб. Вы знаете об этом? Не могу понять, как мог погибнуть такой опытный летчик?

— Знаю, мне сказала жена Криворучко. Криворучко же здесь живет!

— Да? Не знал.

— Скажите, вы летаете или тоже демобилизовались? Почему вы в штатском? — меняет разговор Валентик.

— О, я, как и Курочкин, отсеялся еще в пятьдесят третьем году! Знаете такого героя из кинофильма «Свадьба с приданым»?

— Нервы, нервы нас подвели… — вздохнул Валентик.

— Когда меня жена привезла последний раз из ЦНИАГ… Вы знаете, как это расшифровывается?

— Да, бывал там! Что за летчик, который не полежит в его «палате лордов», не «глотнет шпагу» да на «телескопе» не побывает раз пять?..

— Ну вот, в этой самой «палате лордов» я, как говорится, дошел до ручки. Приехал домой, увидел у дочкиной куклы разбитую голову и заплакал.

— Вот как? Довоевался!..

— Заехал ко мне Таюрский — восемь лет не виделись, — мне, знаете, от радости плохо стало.

— Ну ясно… А сейчас как вы себя чувствуете?

— Неплохо. Правда, когда резко меняется погода, то заметно сказывается…

— Что поделаешь… А какие у вас еще новости?

— Вам известно, что наш Таюрский — полковник, заслуженный летчик-испытатель СССР?

— Да, читал об этом в газете. Молодец он, другого не скажешь.

— И Беляев Николай Николаевич — летчик-испытатель первого класса, полковник. Помните его?

— Ну как же? Я всех вас, как родных, помню.

— Утробина помните?

— Механика по спецоборудованию?

— Да.

— Помню.

— Сейчас Утробин — заместитель начальника отдела по капитальному строительству.

— Молодец Утробин! Он ведь и тогда, в войну, толковым сержантом был. Это он написал стихотворение «На смерть Вишнякова»? Вишняков!.. — сказал печально Валентик. — Как вспомню я Вишнякова, у меня вот тут болит… — он показал на левую сторону груди. — Жалел я, что он погиб, ох как жалел! Да-а, сколько погибло хороших людей!..

— А вы знаете, товарищ командир, что наши однополчане ежегодно восьмого мая встречаются в Москве? — спрашиваю я не без гордости. — В сквере у памятника Героям Плевны.

— Что вы говорите? — удивился Валентик. — Вот этого я не знал! Молодцы!

— Так что, Дмитрий Данилович, обязательно приезжайте с Ниной Михайловной на встречу. Приглашаем вас.

— Спасибо. Приедем.

— Комитет ветеранов войны 135-го полка есть!

— О, это здорово!

— Раньше мы встречались просто так, а когда впервые, в шестьдесят втором году, Топорков приехал на встречу… Вы Топоркова-то помните?

— Ну как же? Начальник оперативного отделения штаба. Федор, по-моему, Александрович. Трудолюбивый такой, исполнительный. Помните, как он привел ко мне на КП десятка два фрицев? В Мачулище…

— Такое невозможно не запомнить. Топорков в настоящее время работает в Коми АССР заместителем министра.

— Вон каков Топорков!.. Как выросли наши люди!..

— И вот Топорков нам говорит: «Ребята, не годится стихийно встречаться. Нужно создать комитет ветеранов нашего полка». «Федор Александрович пусть будет председателем!» — предложил Свердлов. Его мы и избрали. А меня ребята избрали секретарем комитета. Так что…

— Вы сегодня, я вижу, торопитесь?..

— Да нет, не очень…

— Ну как же не очень, вам же ехать встречать сестру нужно! Давайте так договоримся: когда вы со своей супругой и детьми

будете у нас?

— Да вот на днях в Винницу собираюсь, тогда и заедем.

— Ну и хорошо…

Мы вышли на улицу.

— Дмитрий Данилович, еще не все. Я привез «Красную звезду» за 12 мая. В ней напечатана корреспонденция Омельчука и фотоснимок нашего комитета ветеранов.

— Давайте, давайте… Ну! Всех я узнаю… Только почему-то не похож на себя Долгопятов. Похож он здесь на Симонова.

— Это и есть Симонов! Омельчук допустил ошибку.

Мы фотографировались несколько раз. А Симонов — заведующий кафедрой в Институте железнодорожного транспорта в Москве, доктор технических наук. Эта газета вам на память.

— Вот это Симонов! Спасибо. Мне это память и радость. Симонов же служил в эскадрилье Вишнякова?

— Да.

— Скажите, а где Моисеев? Знаете вы что-нибудь о нем? Как у него с ногами?

— Ох, я совсем и забыл рассказать вам о нем! Моисеев живет в Новомосковске Тульской области. Работает старшим научным сотрудником в угольном институте. Женат. Три сына. Смена так смена! Только… Не хочется мне вас расстраивать, Дмитрий Данилович…

— Говорите, говорите…

— Моисеев без обеих ног.

— Да что вы? Как же это случилось? Какой человек?.. И летчик какой был!

— Долго лечили его, да вот… В пятьдесят седьмом правую, а в пятьдесят девятом левую… Отняли обе ноги выше колен… И сейчас не бросает трудиться. Его работа — высокочастотная связь между машинистом электровоза и диспетчером шахты — экспонируется даже на Выставке достижений народного хозяйства в Москве.

— Молодцы фронтовики! А где Харин, Стрелков, Губин, Ермолаев? Где Лакеенков, Лашин, Пеший? Где Мазуров, Вигдоров? Да этот еще… Смешил он все вас…

— Зубенко, Ребров?

— Нет, нет… Ага, вспомнил: Монаев!

— Монаев живет в Москве на Красноармейской улице. Работает в конструкторском бюро. Пеший работает у Антонова. Живет где-то недалеко от Киева. Мазуров, Лашин и Харин — генералы. Почти обо всех однополчанах я знаю… Беру недавно газету «Советская Россия» и на одном из снимков узнаю нашего механика Николая Мармилова. Бригадир соледобытчиков треста

«Баскунчаксоль», награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

— Вот это и есть гвардейцы!..

— Приеду на днях и еще многое о них вам расскажу.

— Спасибо, Николай. Мне, старику, это такая радость!

— Зачем вы это слово сказали — «старик»? Не надо!

— А что ж поделаешь, Николай Адамович! Жизнь идет вперед… Ну, давайте вашу руку! Смотрите же, я вас жду…

Мы с Валентиком обнимаемся. Мне не хочется уезжать и становится как-то очень грустно…

Моя машина покидает улицу Красина, а в зеркале над ветровым стеклом все еще вижу его, своего командира полка Валентика!..

…8 мая 1965 года. Сегодня в шестнадцать часов у памятника Героям Плевны встреча однополчан. А кроме этого у меня сегодня в десять утра еще и встреча с Моисеевым и его семьей. Март сорок шестого — май шестьдесят пятого. Девятнадцать лет и два месяца. Каким ты стал, Петька, летчик-разведчик, старший научный сотрудник?

…Все у нас готово. Вся семья ждет Моисеевых. Скорее бы! Жду самых дорогих гостей, ежеминутно поглядываю в окно.

Звонок. Приехали! Как же я мог проглядеть? Открываю дверь. Нет, не Моисеев.

— Георгий? Здравствуй. Заходи.

— Здравствуй, Николай. С праздником тебя, с нашей Победой!

— И я поздравляю тебя.

— Случилось что-нибудь на работе, Георгий?

— Ничего, стихи я принес. Написал ночью. Ты же вчера вечером говорил, что сегодня ваша встреча.

— Давай. Поет твоя душа!

— А как же? Сегодня День нашей Победы. Даже не верится, что уже прошло двадцать лет. Кажется, это было вчера…

Георгий Герасимов — сторож нашего комбината. Он фронтовик, потерял в бою правую руку. И вот принес стихи.

— Отлично, Георгий! Прочитаю ребятам обязательно!

— Прочитай… С какой бы радостью и я сегодня встретился с однополчанами! Но вот беда: никаких связей с фронтовыми друзьями нет. У нас в пехоте ведь как: прибыло пополнение — два-три дня, неделя боев, и нет никого… Кто убит, кто ранен… Я чудом продержался на передовой два года. И вот рука… Да еще в голову…

— Да-а-а. А ты сам хоть пяток их послал?..

— Ну что ты? Покосил сволочей из пулемета… Не обидно. За

товарищей и за себя рассчитался… Ну я побегу — на работу мне нужно…

Герасимов уходит, а Моисеева все нет и нет…

Ровно десять часов. Еще раз иду к окну, смотрю вниз, во двор дома, и вижу только что подъехавший бежевого цвета «Москвич». В кабине сидит Моисеев. Вот он вышел и шарит глазами по верхним этажам нашего дома.

— Петя! — зову его.

— А, Коля! Вон ты где!

— Петя, проезжай вперед и разверчивайся. Сейчас я выбегу к тебе.

— Есть! — отвечает Моисеев.

Сбегаю со второго этажа.

— Здравствуй, Петенька! Здравствуй, дорогой! С праздником Победы тебя, родной!

— Здравствуй, Колюня! Поздравляю и тебя с Победой!

Мы крепко обнимаемся… У нас обоих слезы на глазах. Думали ли мы, что в двадцатилетие Победы встретимся?!

— Какие мы счастливые! — говорит Моисеев. — А ребята…

— Да… Наши. Пронин, Угаров, Вишняков, Генкин, Баглай, Сухарев… Боже мой!.. — вырывается у меня, когда разглядываю его курносое лицо. — Петька, чертенок ты эдакий, да ты такой же, как и был! Седые волосы только, вот сивый стал…

— Ерунда — седые волосы сейчас в моде.

— Молодец, Петька, что приехал. Я тебя так ждал!.. А где Рада?

— В магазин ваш забежала.

— Это вы напрасно — у нас все есть.

— Ничего, Коля, к празднику полагается.

— Ну, дорогой Петька, показывай, как ты ходишь!

— Хожу нормально, Коля. И на работу вот так, — Петро берет палочки, опускает оба протеза на землю и становится на них.

— Видишь? Уже стоим! — с деланной бравадой говорит он.

Мне почему-то стало очень больно на душе, Именно сейчас я боюсь сказать лишнее слово, чтобы невзначай не обидеть друга.

— Давай, Петя, помогу тебе машину поставить.

— Ничего! Мне, Коля, это не тяжело. Давай лучше сменим пластинку. Ты помнишь, какие Шопен стихи писал? А как он рассказывал!

— Все я помню.

— А ты помнишь, как ему оперативный уполномоченный сказал: «Шопен-болтун — находка для шпиона».

— Помню. Да, с этих пор Димка стал молчаливым…

Мы идеи в дом.

«Да, тяжело будет Петьке подниматься на второй этаж», — подумал я. Но Моисеев широко ставит протезы и, не торопясь, спокойно идет. Я еще не видел таким Моисеева, и мне почему-то кажется, что он вот-вот упадет.

— Ой, не упади ты, Петя! — не сдержался я.

— Да что ты, Коля? Ты меня просто смешишь. — Моисеев переставляет протезы, помогает себе палочками и шаг за шагом поднимается выше и выше по ступенькам. Вот он уже взялся за ручку двери.

— Видишь? Вот так и ходим. Медленно, но уверенно. И ни шагу назад, как говорили на войне! — сказал он решительно.

— Герой ты у меня, Петро! Я все хочу, чтобы тебе было присвоено звание Героя Советского Союза… В пятьдесят восьмом писал Ворошилову, просил… А к двадцатилетию Победы, знаю, Валентик, Кантор и Топорков послали на тебя материал в ЦК КПСС…

— Может быть, и не нужно забивать головы… Героического подвига, такого, как Талалихин, Матросов, Маресьев, я не совершил. Воевал так, как воевали многие. Вишнякову и Генкину не присвоили Героев, а Моисееву?.. Моисееев — рядовой летчик, каких тысячи…

— Ты летал с больными ногами! У тебя сто вылетов на разведку. По приказу Верховного положено!

— Не сто, а девяносто девять. Ну пусть побаливала нога, но я летал на задания — и героизма в этом не вижу.

— Вот и пришли. Сейчас, Петро, умоешься и полежишь, отдохнешь с дороги.

— Да ты что? Ну, чудак! — рассмеялся Моисеев. Минуту я внимательно смотрю на Моисеева и тут же словно вновь возвращаюсь в далекий сорок четвертый. Да, Петя остался таким же боевым, неунывающим парнем, каким был на фронте.

— Ну ладно, — говорю, — сейчас я покажу фотоальбом, который прислали пионеры 27-й таганрогской школы. Он посвящен людям нашего полка. Смотри, Петро, первую фотографию: Таня Бутенко докладывает о розысках экипажа «Таганрогского пионера». Какие замечательные ребята в Таганроге!

Моисеев смотрит альбом и задумчиво произносит:

— Молодцы!..

— А вот «Таганрогская правда». Про тебя, Петька, там рассказывается.

Мы смотрим альбом, читаем газету родного города, говорим и говорим… Все время я смотрю на Моисеева. И он, мой Мося, тоже смотрит на меня.

— Я увидел тебя и теперь со спокойной душой могу ехать домой, — говорит он.

Мы сидим, вспоминаем погибших ребят. Краем уха я слышу, о чем говорят наши жены. «…Уважают Петра на работе… Да и в округе тоже. По пути до работы раза два отдыхает. А кто-то взял и сделал для него две скамеечки… Дали «Москвича», и как-то в воскресенье вышли двадцать человек и сделали за день гараж… Протезы тяжелые. Приходит домой, отстегивает их и передвигается ползком…»

* * *

Незаметно летит время.

— Петька, скажи мне, — беспокойно спрашиваю я, — как и когда мы поедем в Москву на встречу?

— А далеко у вас до электрички? — спрашивает он.

— Метров триста.

— Хорошо, такое расстояние я хожу на работу.

— Значит, поедем на электричке. Она отправляется в четырнадцать пятнадцать. Выйдем из дома пораньше, чтобы не торопиться. Идет?

— Идет, Коля! Пойдем на свидание со своей молодостью. Эх, друзья-однополчане!..

Сегодня так чудесно на улице: по-праздничному тепло, все кругом благоухает, легкий ветерок играет алыми стягами. Солнечные блики легли на яркие транспаранты. Погода сейчас точь-в-точь как в Инстенбурге в тот заветный, памятный победный день.

Мы недолго стоим и снова продолжаем путь… «Сколько же в тебе упорства, мой славный Мося! Недаром писали о тебе в газетах статьи с такими заголовками: «Всегда в строю», «Несгибаемое мужество», «Продолжение подвига»…»

— Посмотри-ка, Петя, на этих бравых ребят, — говорю я Моисееву, кивая на приближающихся по аллее аэрофлотцев — штурмана Сбоева и летчика Подольного.

— Ты вместе с ними служил после фронта, да?

— Да, Петя. Теперь они здесь часто бывают.

— Боевой привет! С великим праздником, братцы! — подняв руку, издалека приветствует нас Иван Сбоев.

— Привет, друзья, поздравляем и вас с праздником.

— Знакомьтесь, — говорю я, — это летчик нашего полка…

— О, господи! Знаю я, что это Петька Моисеев. Ты мне все уши про него прожужжал…

— А я думал, ты уже забыл.

— Э-э, Николаша, разве фронтовиков забывают!

— А куда это вы, ребята?

— Сегодня у нас рейс, — вступает в разговор Володя Подольный. Счастливо вам встретиться с однополчанами.

— Спасибо. Вы в самом деле сегодня улетаете?

— Улетаем. Так что праздник наш в воздухе, — говорит Подольный.

Попрощавшись, товарищи уходят.

— Хорошие ребята, — говорит Моисеев.

— Летчики. А летчики — сам знаешь…

— Ну, иду на штурм ступенек платформы, — смеется он.

— Давай, дружище, штурмуй!..

Идем через железнодорожную линию. Петро взбирается по ступенькам. А вот и скамья, у которой останавливается первый вагон. Моисеев садится.

…На Комсомольской площади нас встретили Таюрские, Беляевы и приехавшие из Ростова-на-Дону Стрелковы. Нас уже целая эскадрилья! Едем, радуемся предстоящей встрече, оживленно разговариваем.

От Ярославского вокзала едем на такси к памятнику Героям Плевны. Там уже собралось много наших ребят. Моисеев идет гордо, улыбается и громко декламирует:

А я иду, шагаю по Москве,
И я пройти еще смогу
Соленый Тихий океан…

— Ребята, Моисеев идет! Петька Моисеев! — кричит Юра Ермолаев и бросается нам навстречу.

Фронтовики плотным кольцом окружают нас, обнимаемся, целуемся, неловко вытираем слезы… Моисеев держится хорошо. Он шутит, смеется.

* * *

Однополчане… Когда слышишь это слово, слышишь песню, сложенную в послевоенные дни, думаешь: «В самом деле. Где же вы теперь?..» Начинаешь вспоминать, перебирать все былое в памяти…

…Жизнь в вечном движении. Вот и у нас: кто уехал на учебу, кому дан приказ на запад, кому — на восток.

Отпраздновав День Победы, уехал на учебу в военную

академию командир полка Палий. Строг был он с нами, но смахнул при прощании слезу.

После войны я тоже переквалифицировался, осуществил давнишнюю мечту стал летчиком-испытателем.

Но вдруг неожиданно врачи сказали: «Полеты придется оставить». Как ни тяжело было расставаться с небом, но пришлось…

Да, много лет прошло, как отшумела военная гроза, но никогда не забудется наше фронтовое братство. Дружба, рожденная и закаленная в огне боев, живет вместе с нами. Мы стали еще чаще друг другу звонить, писать, встречаться. И вот теперь нас снова много.

Наша дружба, наш гвардейский Таганрогский полк!..

Мы, ветераны войны, идем на встречу в День Победы, чтобы вспомнить все и поднять бокалы в память о погибших… За жизнь и счастье на Земле!

…8 мая 1965 года у памятника Героям Плевны встретились ветераны 6-й гвардейской Таганрогской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова бомбардировочной авиационной дивизии.

Встретились прославленные пикировщики и ночники: командиры дивизий, полков и эскадрилий, летчики, штурманы, стрелки-радисты, офицеры штабов, политработники, инженеры, техники, механики, мотористы.

Из Москвы и Феодосии, Оренбурга и Севастополя, Ростова и Киева, из многих и многих городов и сел слетелись мы на нашу встречу, чтобы сказать всем: «Мы не хотим войны, но, если Родина позовет, мы готовы повторить подвиги боевых друзей. Подвиг фронтовиков продолжается и сейчас в мирных свершениях нашей прекрасной Советской страны».

Остановились прохожие. Стали и они свидетелями трогательной встречи ветеранов войны. Обступили кругом. Да, наш традиционный час встречи стал радостью и для многих москвичей.

По команде Топоркова мы направляемся в ресторан «Москва».

— Добро пожаловать, победители!..

Семь часов вечера. Мы поднимаемся и минутой молчания чтим память погибших. Потом мы снова возвращаемся к беседе о своем жизненном пути в послевоенные годы, рассказываем друг другу о нашей жизни, о своих успехах в труде, о делах в семье. Не обходится и тут без шуток: у одних, оказывается, только дочки выросли, у других — сыновья, третьи стали дедушками…

Летчик Виктор Логинов теперь гвардии полковник, адъюнкт Краснознаменной военно-воздушной академии. Стрелок-радист

Алексей Кузнецов — доцент МАИ. Штурман эскадрильи 134-го полка Герой Советского Союза Малущенко работает секретарем Черкасского обкома КПСС. Он — кандидат исторических наук.

Говорят о себе и наши любимые фронтовые комдивы — полковник запаса Егоров и генерал-полковник авиации Чучев. Товарищи аплодируют летчику Таюрскому — гвардии полковнику, заслуженному летчику-испытателю СССР. Герой Советского Союза гвардии подполковник запаса Леонид Бобров работает теперь начальником штаба гражданской обороны города Мелитополя, а гвардии подполковник запаса Юрий Ермолаев — диспетчер Запорожского аэропорта. С радостью узнаем, что мастер связи Николай Помелуйко вот уже пятнадцать лет руководит колхозом имени Кирова в Оренбургской области, а командир звена Харин теперь гвардии генерал-майор авиации.

Зазвучали тосты: «За любимую Родину!», «За нашу Победу!», «За погибших однополчан!», «За мир на земле!». Зазвенели бокалы.

Вместе, слаженно, мы запели наш военный гимн «Вставай, страна огромная!». В этом зале, где так много света — не то что в землянке, особенно величественно звучит его припев:

Пусть ярость благородная вскипает, как волна,
Идет война народная, священная война!

— Споем, ребята, «Давай закурим»! — кричит Сережка Стрелков.

И сразу же полилась дорогая сердцу мелодия:

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь мы будем говорить…

Спасибо композиторам, поэтам-песенникам за то, что они во время нашей фронтовой суровой жизни, тяжелой жизни страны сложили такие песни! Ведь не зря и сейчас их любят петь и слушать.

Эх, дороги, пыль да туман,
Холода, тревоги да степной бурьян.
Снег ли, ветер, вспомним, друзья!
Нам дороги эти позабыть нельзя!

— Леньку Харина — на середину! Или он уже не Ленька?! — раздался чей-то громкий голос.

— Ленька, братцы! — кричит Харин. — Эх, «Калинку» давай!

Калинка, калинка, калинка моя,
В саду ягода малинка, малинка моя…

Сегодня нам жизнью предоставлена возможность побывать еще раз на фронте. Ребята стоят кругом, хлопают в ладоши, а Харин… Как отплясывает Харин — генерал!.. А вот уже «цыганочка» пошла…

Ко мне подходит генерал Чучев и, наклонившись, спрашивает:

— Николай Адамович, когда вы поедете домой?

— Понимаю вас, Григорий Алексеевич. Но ведь он как штык! Гляньте.

Мы смотрим на Моисеева, разговаривающего с Марией Ивановной Чучевой. Петя ей что-то рассказывает, откинувшись на спинку стула, и громко смеется. А потом, взглянув на пляшущих ребят, серьезно говорит:

— Они еще не на все сто процентов знают, что такое жизнь!..

— Григорий Алексеевич, еще часика два побудем и потихоньку пойдем, говорю я Чучеву.

— Нет, так не годится. Пойдемте вниз, я позвоню к себе. В двадцать три часа приедет машина и отвезет вас домой.

Я иду рядом с Чучевым и еще раз с любовью разглядываю этого одетого в парадную генеральскую форму человека.

— Бондаренко, напишите с Топорковым материал, — говорит Чучев, — а я подпишу. Нужно добиться, чтобы в Таганроге была улица Петра Моисеева. Он человек удивительный.

— Слушаюсь, товарищ генерал!

…Почему сегодня так быстро летит время? Уже скоро одиннадцать часов. Прощаемся. Саша Селедкин провожает нас на улицу. Он идет за Моисеевым так, как шел сегодня утром я, как ходили мы за своими детьми, делавшими первые шаги.

Минута в минуту, по-военному, подходит машина. В ней водитель — с голубыми погонами солдат.

— От Чучева машина?

— Так точно! Где ваш Маресьев?

— Моисеев.

— Моисеев или Маресьев — все равно герой.

— Здесь наш Маресьев!

Прощаемся с Селедкиным. Он обнимает Петьку и крепко целует.

— Сашуня, а как сделать, чтобы в вашем Севастополе улица Вишнякова была? — спрашиваю я.

— Давай вместе ходатайствовать перед городским Советом.

— Давай!

* * *

…Сутки, в течение которых гостят у нас Моисеевы, молниеносно пролетели. И вот расстаемся. Проводить их приехали Монаев, его супруга Зинаида Ильинична и боевой моисеевский и мой штурман Пеший. Пришли Стрелковы, Таюрские, Беляевы, Долгопятовы. Грустно: уезжают друзья. А Петро держится по-боевому. Смеется, шутит как ни в чем не бывало.

— Он очень хороший у тебя… — говорю на прощание жене Петра. — Давай, дружище, прощаться… Чтобы, письма писал…

— А ты чтоб ко мне приехал… Не приедешь — дружба врозь! — шутит он.

Мы по-русски крепко-крепко обнимаемся и целуемся.

Моисеевы садятся в машину.

— До скорой встречи!.. Пишите… — кричим мы им на прощание.

— Напишем… И вы не забывайте нас… — с грустью отвечает Моисеев и добавляет: — Ведь мы родные братья!..

Да, пусть люди Земли знают, что мы, фронтовики, — родные братья!..